Чужие миражи

Валентин Холмогоров

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

По мотивам трилогии Сергея Лукьяненко «Лабиринт отражений»

- Валентин Холмогоров
  - * ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *
    - 00
    - 01
    - 02
    - 03
    - 04
    - 05
    - 06
    - 07
    - 08
    - 09
    - 0A
    - 0B
    - 0C
    - 0D
    - 0E
  - * ЧАСТЬ ВТОРАЯ *
    - 00
    - 01
    - 02
    - 03
    - 04
    - 05
    - 06
    - 07
    - 08
    - 09
    - 0A

Валентин Холмогоров
Чужие миражи

С большой благодарностью Алисе и заочно – Константину за интересный и познавательный диалог о судьбах, сущности и смысле существования виртуального мира, который давно уже стал для всех нас повседневной, но от этого ничуть не менее притягательной и влекущей действительностью.

В настоящем произведении использованы реалии, авторство которых принадлежит Сергею Лукьяненко.

Есть знанье, приходящее с годами:
Весь этот мир, почерпнутый из книг —
Суть лишь мираж, что создали мы сами,
Забывшись, затерявшись в нем на миг.

И лягут в пыль ненужной книжной полки
Мечты, прощально вспыхнув, словно сон,
Как миражей блестящие осколки
Ложатся на усталую ладонь.

Но вновь за неприступными стенами
Реальностью окованной души
Нас позовут, возникнув перед нами

Манящие чужие миражи…

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *

00

Мир растворяется на границе яви и сна, реальности и морока, фантазии и действительности. Мы придумали для себя этот мир, чтобы стать его частью – его пленниками, мы построили лабиринт, чтобы заплутать в его глубинах, зная, что выхода не существует. Нет на свете ничего более прекрасного, чем ощущение глубины, что возникает, когда смотришь в пропасть с самого ее края; нет на свете ничего более захватывающего, чем головокружительное чувство свободы и полета, когда бросаешься с обрыва в таящую неизвестность пустоту; нет на свете ничего более ужасного, чем разбиться об острые камни, которыми встречает тебя эта неизвестность. Мы заглядываем в пропасть. Мы бросаемся вниз. Мы разбиваемся и взлетаем, чтобы упасть снова. Мир благосклонен к нам.

01

Маленькая комната, длинная и узкая – вдвоем не разминуться – залита призрачно-зеленым светом, волнами исходящим из широкого, во всю стену, окна. За окном – две до нелепости огромных буквы «Z», замогильный свет льется внутрь от их мерцающего сияния. Назойливая реклама – вот главный недостаток бесплатных квадратных метров жилой площади в этом мире. А может быть, главное достоинство. Зеленое успокаивает. Мой любимый цвет.

Встаю на ноги, два осторожных шага по мягкому, пружинящему под стопой ковру, открываю окно. «Jacuzzi» подмигивает мне с вывески тусклыми бликами на стекле, я подмигиваю в ответ. На улице вечер. За этими окнами всегда вечер, всегда лето. Теплый ветер чуть касается лица, пахнет листьями, далеким дождем, нагретым за день асфальтом, усталым, отдыхающим перед сном городом. Немного кружится голова, подступает легкая тошнота. Так и должно быть. В первые несколько минут всегда так.

– Как вы себя чувствуете, Владислав?

На столе у стены – компьютер, с экрана настороженно хмурится смуглый молодой человек, на его плечах угадывается строгий костюм, кажется, темно-серый. В сочетании с бледно-голубоватой рубашкой и серебристым галстуком, парень производит впечатление типичного менеджера типичной преуспевающей конторы. Так и есть. «Интерфейс – менеджер».

– Спасибо, Виктор, я в порядке.

Программа напряженно «думает» несколько секунд, после чего парень согласно кивает. Голос «Виктора» – пользовательской оболочки операционной системы «виндоуз оффис» – доносится из подключенных к звуковой карте компьютера колонок от старого китайского плеера. Небольшое издевательство над самим собой: обтрепанные дешевые колонки в сочетании с вполне современной машиной. Помни, что ты есть на самом деле. Не забывай, где ты находишься сейчас. Знай, что все это – не более чем игра, мираж, который ты сам же и придумал, что где-то за чертой твоего сознания живет, дышит, засыпает и просыпается, рождается и умирает другой мир, не хуже и не лучше этого, просто другой. Помни. Иначе наступит миг, когда ты бросишься в пропасть с края обрыва. И уже не сможешь взлететь.

– Доставлено четыре новых сообщения. – Виктор как всегда неимоверно серьезен. – Желаете ознакомиться с корреспонденцией прямо сейчас?

– Да, пожалуй.

Идея сменить традиционный «виндоуз хоум» на более навороченный «офисный» вариант возникла у меня несколько месяцев назад спонтанно, после того, как «удобная, простая в эксплуатации, надежная и дружественная» операционная система от «Майкрософт» в третий раз подряд выбросила меня из Глубины по недопустимой операции. «Оффис» в этом плане показался мне более надежным. Однако, данная программа, рассчитанная в первую очередь на поддержку локальных сетей и работу с большими коммерческими приложениями, не была полностью лишена недостатков: оказалось, что она сложна в настройках, занимает гораздо больше места на диске, работает значительно медленнее и ко всему прочему мне так и не удалось отучить Виктора от строгих деловых костюмов и патологической вежливости. Тем не менее, мне чем-то нравился этот парень. А устанавливать в качестве интерфейса симпатичную, но скучную, как мексиканская мелодрама, девушку-секретаря я не желал принципиально. Глубина непредсказуема. Она полна приятных и не очень приятных неожиданностей. А нецензурно выражаться в присутствии дамы – пусть даже дамы в исполнении программистов от «Майкрософт» – мне не хотелось. Дурная привычка. Или строгое воспитание? Черт его теперь разберет.

На столе возле клавиатуры материализовалось три пухлых конверта и один весьма объемистый пакет. Пакет, мельком взглянув на обратный адрес, я швырнул в мусорное ведро – контора, предоставившая мне в одном из своих зданий место под квартиру, в очередной раз предлагала что-то купить у своих многочисленных спонсоров. Эта незатейливая игра продолжалась уже почти полтора года: дважды в день я получал по почте толстые иллюстрированные каталоги, доверху наполненные рекламой всевозможных товаров, и с той же регулярностью кропотливый труд дизайнеров исчезал в глубинах мусоропровода. Наверное, они ведут статистику по покупкам, совершаемым в магазинах рекламодателей их постояльцами. Но меня пока не гонят. Извините-подвиньтесь, друзья, на моей кредитной карточке всего лишь двадцать пять долларов. Как-нибудь в другой раз.

Два конверта я отложил в стол, где неделями складировалась корреспонденция, не требующая немедленного ответа. Четвертое письмо было от моего редактора. Оно содержало вежливое напоминание о том, что сроки сдачи материалов в очередной номер «Компьютерного Обозрения» и «Сетей» истекают сегодня вечером, и в случае промедления я могу лишиться работы в совокупности с некоторыми наиболее ценными частями моего

тела. Я потянулся к настенной полке, снял с нее две мирно ждавшие своего часа толстые папки, и, подписав внизу письма краткое извинение за задержку, прикрепил к ним листок огромной пластмассовой скрепкой. Отправлю по дороге.

– Виктор, я ухожу, вернусь часа через четыре. Не включай «спящий режим», возможно, ты мне понадобишься.

– Таймер – на четыре часа погружения? – Нахмурилось приветливое смуглое лицо. – Я вас правильно понял, Владислав?

– Таймер – как всегда на двадцать четыре часа. – Мрачно отозвался я, уже догадываясь, что за этим последует.

– Позволю себе заметить, что столь долгое пребывание в Глубине противоречит элементарным правилам безопасности, описанным справочной системе «виндоуз», и способно повлечь за собой определенные негативные последствия для вашего организма…

Я поморщился. Виктор обладает еще одним крупным недостатком – он неисправимый зануда. Но бороться с этим бесполезно: «оффис» – не «хоум», его так просто не заставишь замолчать. Приходится терпеть.

– Таймер – на двадцать четыре часа. – Стараясь дышать как можно глубже, повторил я.

– Вы уверены?

– Да. Я уверен.

– Вы абсолютно уверены?

Вдох. Выдох. Вдох.

– Да.

– Таймер – на двадцать четыре часа. – Покорно согласился Виктор. Если бы его взгляд мог что-то выражать, наверное, он выражал бы сострадание.

Тесная кабина лифта ждала меня на этаже. В компании «Фрилайн Энтерпрайз» все тесное: лифты, квартиры, ванные комнаты и кабинет управляющего. Экономия места: больше жильцов – больше рекламы – больше продаж. Элементарный маркетинг. Не в чем их винить. Но лифт удобный и чисто эстетически приятен: на полу – мохнатое ковровое покрытие мягкого, не раздражающего глаз голубого цвета, зеркальные стены, в углу прицеплен горшок с каким-то домашним растением, листья причудливо свисают почти до самого пола. Нажимаю на металлическую кнопку с английской надписью «холл», откуда-то сверху доносится мелодичный перезвон на двух нотах, двери бесшумно закрываются. Поехали. Оглядываю себя в зеркало. Ничего особенного – среднего роста молодой человек лет двадцати пяти – тридцати с чуть асимметричным лицом, в фигуре проглядывает едва заметная полнота, такая возникает обычно при

однообразной и сидячей работе. Это небольшой комплекс: в жизни я весьма худощав. Джинсовый костюм, из-под воротника выглядывают наушники плеера, в карманчике на ремне – зажигалка. Достаю сигарету, закуриваю. Каждый реагирует на Глубину по-своему: после того, как отходит первая тошнота и головокружение, меня почему-то всегда тянет курить. Извлекаю из кармана очки, надеваю. Обыкновенные, в тонкой, металлической, но дешевой оправе. Очки в Глубине – нелепость, они совершенно не нужны, да и со зрением у меня все в порядке. Просто они визуально немного удлиняют мое лицо, что придает ему совершенно иной вид – как раз под мое сегодняшнее настроение. Я намеренно создавал этот образ с незначительными физическими недостатками: в мире, где каждый стремится хоть немного идеализировать собственную внешность, мне чертовски не хотелось следовать общей традиции. Хотя, достаточно часто встречаются и исключения из правила…

Лифт мягко затормозил и остановился, звякнуло на двух нотах под потолком, двери отползли в стороны.

Холл «Фрилайн Билдинг», в отличие от всего остального в этом восьмидесятиэтажном небоскребе, достаточно светел и просторен: лестница в три ступени ведет в обширный зал с буфетом, пальмами и небольшим фонтаном, прямо по курсу – выход из здания, оснащенный стеклянными автоматическими дверями. Пальмы отчего-то вечно кажутся мне пластмассовыми. Недосуг подойти и проверить. По правую руку располагается конторка с улыбчивым портье Робом, – ни то от Роберта, ни то от робота, – весьма простая, но бесконечно вежливая и услужливая программа. Иногда за конторкой сидит и настоящий портье, но здесь это большая редкость. На всякий случай киваю Робу, бросаю адресованные редакции материалы в укрепленный на стене почтовый ящик и выхожу на улицу Диптауна.

– Почта отправлена. – Доносится из наушников моего плеера приглушенный голос Виктора. Через несколько секунд она достигнет адресата.

Вечерний Диптаун – это не просто сверкающий огнями в предзакатных сумерках город. Это стихия. По крайней мере, мне это всегда представляется именно так. Быть может, в душе я немного романтик, не знаю. Быть может, просто дорвавшийся до Глубины простак, это более похоже на правду. Проносящиеся по автострадам огни городского такси – движение частного автотранспорта в Диптауне запрещено из-за чрезмерного количества желающих «прокатиться с ветерком» по несуществующим улицам, лавируя меж несуществующими прохожими – и многоцветные переливы реклам, толпы людей,

спешащих по тротуарам во всех направлениях и какой-то особенный, пряный воздух, с каждым вдохом вливающий в тело непередаваемый, неощутимый дух свободы, легкости, силы – все это создает ту необычную атмосферу, которую в человеческом языке и принято называть «виртуальностью». Это невозможно описать. Как подобрать подходящие слова, чтобы выразить ими ускользающую полутень, полунамек, полутон звучащей в глубине души струны, полушепот давно забытых и похороненных под грудой пыльной обыденности воспоминаний? Это необходимо чувствовать. Говорят, восприятие Глубины сугубо субъективно. Не знаю, я не психолог. Но, наверное, каждый, попадая в Диптаун, ощущает нечто подобное.

Такси компании «дип-проводник», которую жители Диптауна в шутку называют «полупроводником» за то время, которое порой приходится тратить на дорогу из точки А в точку В, пока сервера глобальной сети перекачивают по перегруженным каналам информацию о месте назначения пассажира, я решил сегодня не пользоваться. Благо место, куда я в данный момент направлялся, находится всего в двух кварталах от моего дома. Я взглянул на часы: до назначенной встречи остается еще двадцать минут. Можно немного прогуляться и собраться с мыслями.

Фон-Нейман стрит – одна из наиболее оживленных трасс Даунтауна, американской части делового центра столицы виртуального мира. В этом – значительный минус большинства здешних «бесплатных» квартир: всегда слишком шумно и чересчур людно. Но и сделать с этим решительно ничего нельзя: «Фрилайн» – коммерческая организация, и, как любая частная фирма, рассчитанная на получение прибыли, она должна находиться близко к центру города. Безусловно, я мог бы поселиться где-нибудь в элегантных корпусах «Эстейт-Сервиса» в русском квартале Диптауна, вдали от суматохи и надоедливой ежедневной рекламы, поближе к разговаривающим на родном языке соотечественникам. Помнится, как-то я даже зарегистрировался в офисе этой компании, как их потенциальный клиент. Однако достаточно скоро выяснилось, что лифт в белоснежных «пансионатах» «Эстейт-Сервис» не работает раз через день, а на дверях круглосуточного бара и собственной ванной комнаты я с изумлением обнаружил красивую пластиковую табличку с лаконичной надписью: «Sorry, under construction». Тащиться пешком на шестьдесят третий этаж? И при этом не иметь возможности смыть сходящий с моего бренного тела ручьями и водопадами трудовой пот? Увольте-с…

– Сэр? Сэр, можно вас на минутку?

Высокий розовощекий крепыш с копной пепельно-серых

волос, в пиджаке без воротника, из-под которого торчала стойка черного джемпера, неожиданно возник у меня на пути, встав так, что он вроде бы и не мешал мне следовать прежним курсом, но и миновать его было решительно невозможно.

– Да? Я могу вам чем-то помочь? – Немного удивился я. Не нравятся мне такие встречи. Решительно не нравятся.

– Меня зовут Кеннет Доулз. – Парень протянул мне руку и стиснул мою ладонь в крепком пожатии прежде, чем я успел что-либо сообразить. – Часто бываете в Глубине?

– Практически каждый день. – Отозвался я. – Простите, но я немного не понимаю…

– Если не секрет, сэр, вы ныряете в Глубину, чтобы отдыхать и проводить ваше свободное время, или решаете здесь свои деловые вопросы?

О! Вот теперь до меня начало понемногу доходить. Я едва заметно улыбнулся.

– Скажите, Кен, сколько я вам должен? – Елейным голосом спросил я, сжав покрепче и не отпуская его ладонь. – Шестьдесят долларов, не так ли? И если ежемесячно я буду приводить в вашу фирму десять таких же простаков, как я, то скоро стану настоящим миллионером и смогу приобрести себе в личное пользование «Эмпайр Стэйт Билдинг»?

Кажется, парню стало немного не по себе: он заметно занервничал. По крайней мере, руку он попытался высвободить весьма недвусмысленно. Но у меня была крепкая хватка.

– Семьдесят пять… Ежемесячных взносов. Понимаете, сэр, наша компания…

– Вы торгуете подержанными фотоаппаратами, или клубными карточками, дающими пятнадцатипроцентную скидку при покупках в сети магазинов «Глобал»? – Перебил его я.

– Э-э-э… Сэр… Простите, если я доставил вам неудобство, но…

Я отпустил его руку.

– Это вы простите меня, Кен. – Улыбнулся в ответ я. – Боюсь, я не имею возможности вступить в вашу систему, даже если бы очень этого захотел.

– Наша организация принимает членов из любой точки мира… – Предпринял он последнюю робкую попытку атаки. – Вы американец?

– Нет. Я русский. Журналист. Знаете, какова зарплата журналиста в России? – Я быстро прикинул в уме. – Порядка семидесяти пяти – восьмидесяти долларов. В месяц.

– Вы шутите? – Кажется, парень был действительно изумлен.

– Увы – я говорю совершенно серьезно. Всего доброго, Кен.

– Да, в таком случае для вас было бы действительно затруднительно выплачивать по семьдесят пять долларов в месяц… Еще раз простите, сэр.

Мистер Доулз кивнул мне на прощанье и отправился выискивать новую жертву.

Многоуровневый маркетинг в Диптауне – виртуальный аналог печально известного в нашей стране «Гербалайфа» – в последнее время стал своеобразной модой в Глубине. Слишком много компаний достаточно быстро поняли, что здесь, как нигде в мире, можно стремительно делать деньги из воздуха. Пионерами в этой области, как всегда, стали американцы и канадцы. До нас пока не докатилось. Но в этот момент я был более, чем уверен, что через несколько месяцев десятки подобный фирмочек и фирм появятся и в нашей многострадальной стране. Время в этом сумасшедшем мире летит гораздо стремительнее, чем в более привычной нам реальности.

Собственно, я не смог бы, пожалуй, объяснить, почему я поступил так с этим беднягой Кеном. В принципе, я понимал этого парня: в Америке многоуровневым маркетингом в Глубине промышляет множество студентов, дабы подработать в свободное время на оплату курса обучения в университете. Благо, вход в Глубину для них практически бесплатный. Наверное, плохое настроение. Или магнитные бури. Или критические дни. Как бы то ни было, столбик термометра, показывавшего состояние моего внутреннего душевного баланса, резко упал еще на несколько градусов.

Кабачок «Тим и Деззи» на углу Фон-Нейман стрит и Кронверк-Парк авеню приглянулся мне прежде всего тем, что здесь практически всегда мало народа и имеет место быть отменная кухня. Если это определение можно применить к виртуальной еде. Я не люблю шумные компании. Зато люблю вкусно покушать. Похоже, сегодня мне представится возможность совместить приятное с полезным.

В зале «Тима и Деззи», как обычно, было немноголюдно. В дальнем и полутемном конце бара разместилась группа из шести человек – четверо мужчин, две женщины – кажется, немцы или шведы. Эти всегда разговаривают громко, жестикулируют, смеются в голос, совершенно не стесняясь окружающих. Ближе к выходу какой-то высокий и мускулистый тип с яркой латиноамериканской наружностью, с интересом оглядывается по сторонам, – похоже, впервые в Глубине. И, видимо, действительно мексиканец или бразилец – внешность выписана подробно, но не броско, без режущих глаз подчеркнуто-контрастных деталей. С другой стороны, за столиком у стены, уже знакомая мне

личность. За глаза я прозвал его «Лордом». Высокий, подтянутый, худощавый и прямой, как палка, джентльмен в темном жакете, вьющиеся волосы всегда уложены с предельной тщательностью и аккуратностью, чуть вытянутое, безупречно-правильное невозмутимое лицо, с горбинкой, слегка напоминающий клюв хищной птицы нос, раздвоенный подбородок. Появляется в баре практически каждый день в одно и то же время с неизменной тростью, на которую при ходьбе небрежно опирается. Даже походка его словно выправлена по трафарету – он ступает, точно пробуя на прочность землю перед собой, и от этого каждый шаг его делается каким-то осторожно – изысканным. Вероятно, англичанин. Несмотря на столь очевидную яркость образа. Удивительно, но он не выглядит карикатурой – наоборот, смотрится более чем естественно.

Иду к стойке бара. За ней – Джессика, улыбается мне, как старому клиенту. Посылаю ответную улыбку, надеясь, что она получилась достаточно обворожительной. «Тим и Деззи» принадлежит очаровательной австралийской паре, которая мне отчего-то глубоко симпатична. При каждом удобном случае я полушутливо заигрываю с хозяйкой, причем добродушный толстяк Глен, когда он случается рядом, с готовностью включается в игру, то подбадривая смеющуюся и сверкающую глазами жену, то невинно подкалывая меня. Милые люди.

– Привет, Джесси, как ты? – Я облокачиваюсь на сверкающую черной полировкой стойку. – Признавайся, куда подевала муженька? Отравила прошлогодним «Хольстеном»?

– Глен! – Кричит Джесси за отгораживающую от нескромных глаз служебные помещения бара занавеску. – Глен, выпроводи за дверь этого хама!

Из глубины заведения выплывает улыбающийся хозяин, протягивает мне руку.

– Привет, Поль. – Под этим именем я известен владельцам «Тима и Деззи». – Опять пытаешься увести у меня из-под носа законную супругу? Скажу по секрету: она жутко храпит по ночам.

Глен заговорщицки подмигивает мне правым глазом, при этом левым косит куда-то в сторону наигранно-оскорбленной Джессики.

– Негодяй! – Обиженно выпячивает она в его сторону губу. – Поль, пожалуйста, уведите меня из-под его носа! Я не против.

– Хорошо, Джесси, я обязательно это сделаю после того, как вы с Гленом меня накормите. – Покорно отвечаю я. – Терпеть не могу уводить чужих жен на голодный желудок.

– Вам как всегда салат, тушеное мясо с гарниром, коктейль и десерт?

– Нет. На сей раз ограничимся яичницей с беконом и пивом. – Отвечаю я.

– Что, на салат уже не хватает денег? – Подозрительно щурится улыбающаяся Джессика.

– Как ни странно, да. – Я стараюсь придать лицу трагично-грустное выражение. – Все деньги уходят на гораздо более необходимые вещи.

– Например?

– Выпивка. Карточные долги. Романы с женами моих многочисленных знакомых…

– Так я и знала. Поль, я еще подумаю, стоит ли мне позволять вам уводить меня у Глена. По крайней мере, он регулярно оплачивает мои счета.

– Если ты не против, Поль, – вступает в разговор муж Джесси, – я могу одолжить тебе несколько тысяч на пару месяцев. Но только ты должен дать мне твердую гарантию, что в течение этого времени я смогу жить спокойно. И у меня не будет необходимости оплачивать чьи-либо счета…

Получив заказ и расплатившись, я направился к свободному столику. Что ни говори, мне здесь нравится. Безумно нравится. Это мой мир.

Это – реальный мир? Это – фантазия?

И ввысь взлетев, в пропасть вновь окунаюсь я…

В тишине бара разливается знакомая мелодия «Богемской Рапсодии». – Черт! – Шепчу я. – Виктор, отключи перевод. – Перевод – отключить. – Соглашается послушная программа.

Open your eyes, look up to the skies

And see…

I'm just a poor boy…

Нет ничего реальнее выдуманного мира. Нарисованного мира нарисованных людей. Они умеют чувствовать и переживать, любить и ненавидеть, шутить и сердиться. Этот дар дан им свыше. Дай нам Бог не утратить его никогда. Мы просто обыкновенные люди. Обыкновенные люди в обыкновенном нарисованном мире. Слишком реальном, чтобы быть сказкой…

02

Говорят, самые гениальные вещи появляются на свет совершенно случайным образом. Человечество пыталось изобрести средство от поноса, а вышла пепси-кола. Хотело создать компактный и высокоэффективный источник энергии, а придумало атомную бомбу. Когда несколько лет назад по воле простого российского паренька Дмитрия Дибенко появилось то, что теперь мы привычно называем Глубиной, он вряд ли осознавал, что создал на самом деле…

Одна из версий возникновения виртуальности гласит, что этот парень, работавший программистом в одной из небогатых московских контор, и, в общем-то, не отличавшийся особыми талантами, а по свидетельствам его бывших коллег, являвший собой самую натуральную посредственность, по-видимому сильно увлекался восточной философией. Иначе невозможно объяснить тот факт, что однажды вечером он решил написать незатейливую программку, которая, меняя на экране компьютера цветовые узоры и гаммы, могла бы послужить подходящим сопровождением для его психоделических экспериментов. Помедитировав перед монитором минут пять, Дмитрий отправил свое детище свободно разгуливать по сети, плюнул, и завалился спать.

И все бы ничего, если бы спустя несколько дней студент Киевского Политехнического Института, некто Александр Бондаренко, не запустил на своем компьютере дибенковское творение. А запустив и полюбовавшись на калейдоскопические переливы программы несколько секунд, уселся играть в «Quake», «Doom» или «Heretic» – увы, точное название этой игры установить сейчас уже вряд ли представляется возможным.

И картинка ожила.

Монстры, населявшие мрачные каменные лабиринты игрового мира, неожиданно стали вполне реальными, от них веяло страхом, смертью и зловонием. Гранатомет нагревался в руках и до волдырей жег пальцы, бронежилет оказался необыкновенно тяжелым и неудобным, полученные в перестрелке раны болели и кровоточили, их обугленные края пахли горелым мясом. Парень едва не лишился рассудка. Уколы шприцев, которые он время от времени находил в разбросанных по уровням аптечках, были неприятны и болезненны, от них немело плечо, и вскоре они практически перестали помогать. Спустя пять часов он, почти лишившись сил и остатков разума, добрел до выхода из игры – ее последнего уровня, нажал на кнопку проступившего

перед воспаленными, слезящимися глазами меню, и, едва ужасное наваждение рассеялось, выключил компьютер и уснул, уронив голову на вдребезги разбитую клавиатуру.

Естественно, что обнаружившие его утром в таком виде коллеги по работе не поверили ни единому слову Александра и посоветовали парню обратиться к психиатру. Только на следующий день он связал свое ночное приключение с увиденным накануне восьмисекундным калейдоскопическим роликом. Когда один человек сходит с ума, это, как правило, вызывает сочувствие и сожаление окружающих. Когда с ума сходит весь мир…

Вскоре выяснилось: дип-программа действует на человеческое подсознание таким странным образом, что оно начинает воспринимать созданную компьютером весьма примитивную графику, как реальность, «дорисовывая» все недостающие детали «от себя». Безусловно, развитие технологий того времени – а тогда существовал и интернет, и его более простые кровные братья, такие как, например, почтовая сеть Фидо, – не позволяли создать полноценную виртуальную реальность. Не хватало мощностей процессоров. Пропускной способности линий. Объемов оперативной и дисковой памяти. Но теперь это просто перестало быть необходимым. Виртуальный мир родился сам собой, в сознании людей, затуманенном многоцветными вихрями дип-программы. Мир сошел с ума. Мир подошел к краю бездонной пропасти, заглянул внутрь и бросился в пугающую неизвестность. В Глубину.

Крупнейшие корпорации – законодатели компьютерной моды, всегда стоявшие в авангарде электронных технологий, – быстро оценили выгоду от нечаянного изобретения Дибенко. В рекордные сроки был построен Диптаун – самый крупный мегаполис на нашей планете, город с населением почти в двадцать четыре миллиона человек. Город, ставший вожделенной мечтой тысяч и тысяч беглецов из реального мира, стремившихся обрести наконец в мире виртуальном самих себя. Стать тем, кем они хотели бы стать. Быть теми, кем быть они не могли даже мечтать. Быть с теми, с кем им хотелось бы быть. Стать собой.

Согласно другой версии, дип-программу изобрел кто-то из университетских преподавателей Дибенко, якобы в рамках лабораторных экспериментов с двадцать пятым кадром. Дмирию же по этой легенде выпадала лишь одна скромная роль – пустить программу в народ. Честно говоря, эта версия представляется мне весьма сомнительной. Я читал биографии Дибенко. Диму выгнали с третьего курса МГУ за академическую неуспеваемость и слабость к наркотикам.

Третья услышанная мною когда-то от одного из моих старых

знакомых история гласит, что дип-программа была побочным эффектом вируса, который пытался написать Дибенко ради собственного развлечения, и попала она на компьютер украинского студента Бондаренко совершенно случайно. Бог его знает, какая из версий на самом деле правдива. Я вполне допускаю мысль, что в реальности все могло быть совершенно по-другому. Важно, на мой взгляд, лишь одно: Глубина существует. Остальное не имеет значения.

Дип-программа действует на всех. На каждого по-своему, это зависит прежде всего от психики человека, его внутренней конституции – так по крайней мере утверждают исследователи и врачи, – но на всех. Попадая в Диптаун, человек полностью утрачивает связь с окружающей действительностью, до тех пор, пока не сработает таймер и он не очнется у себя дома или в офисе перед мирно гудящим компьютером. Но отыскивались и те, кто в силу природного слабоумия или наивного героизма бросался в пропасть, полностью забыв о надежной страховке – нырял в Глубину, отключив таймер и тем самым обрекая себя на медленную смерть от переутомления, голода и почти полного обезвоживания организма. Они падали на самое дно бездны. Они разбивались насмерть. Но природа мудра – или чересчур иронична над человечеством – раз уж она решила загнать и безумие в свои собственные, раз и навсегда созданные чьей-то невидимой волей рамки, заставляя его подчиняться четким, однажды и навеки написанным ее твердой рукой законам. Очень редко попадались люди, чьим сознанием Глубина не могла овладеть полностью. Те, кто умел падать и взлетать, не боясь разбиться об острые камни. Те, кто никогда не утрачивал до конца связь с реальностью. Плоть от плоти Глубины. Дайверы.

До сих пор никто так и не смог объяснить этот феномен. Да, наверное, он и не требует объяснений. Кто-то считает их легендой, вымыслом, странным фольклором этого странного мира. Быть может, в чем-то они и правы. Человеку свойственно верить в чудеса. Как бы то ни было, Глубина дала нам крылья. Она подарила нам возможность летать. Пока еще неловко, неумело. Но дайте время. Мы научимся. Обязательно научимся…

03

Я отставил прочь пустую посуду и внезапно ощутил острое чувство голода. Да, виртуальная еда субъективно насыщает. Но не всех. Далеко не всех. Кто-то когда-то сказал, что профессиональная болезнь журналистов – это чрезмерная болтливость и мозоли на заднице. Скорее всего, он попросту не страдал язвой желудка.

Встаю из-за стола, подхожу к стойке бара. Рядом на невысоком стеллаже аккуратной стопкой сложены газеты. Вчерашний выпуск «Нью-Йорк Таймс». Ничего, сойдет. Беру верхний экземпляр, возвращаюсь за свой столик, и, развернув его где-то на середине, делаю вид, что углублен в чтение. Закрываю глаза. До боли сжимаю веки… Это – реальный мир? Это – фантазия?

Это-фантазия. Реальный мир где-то вокруг меня, за невидимой пеленой. Стоит лишь протянуть руку – и пелена дрогнет, рассеется, словно призрачный утренний туман. Раз. Этот мир – не во мне. Я – не в нем. Дымка дрожит и тает… Еще немного, и от нее не останется и следа. Два. Мой разум обретает плоть. Где-то там, в недостижимой дали осталось мое тело, скованное эластичным доспехом виртуального костюма. Нужно дотянуться, влиться в него, наполнить его, как вода наполняет пустой сосуд… Три.

Открываю глаза. Организм отзывается резкой головной болью и тошнотой. На экранчиках виртуального шлема – смешной кусочек оставленного мною бара: входная дверь, край стола, лежащая на нем развернутая газета. Рисунок грубый, зернистый, условный. Встроенные в шлем небольшие вентиляторы исправно обдувают мое лицо слабым потоком теплого воздуха. С минуту любуюсь на примитивное изображение собственных рук, затем резко выдергиваю кабель, соединяющий костюм с дип-картой компьютера из укрепленного на поясе разъема.

– Недопустимая ошибка инициализации периферийного устройства! – Кажется, Виктор не на шутку встревожен. Колонки, подключенные к моей машине в реальности – не чета их бедным братьям, оставленным мною в виртуальном мире. Морщусь от неприятного ощущения в висках: наверное, следует приобрести привычку отключать звуковую карту компьютера, ныряя в Глубину. – Прервать погружение?

– Нет. Оставайся на линии.

Часы в нижнем углу экрана показывают два пятнадцать. За окнами глубокая ночь. Из чуть приоткрытой форточки доносится

слегка приглушенный звук проезжающих мимо машин: даже в этот поздний час движение на Невском не прекращается ни на минуту. Пожалуй, форточку все же стоит закрыть: ноябрь в этом году выдался прохладный и квартира уже успела порядком выстудиться. На потолке переливаются призрачные блики, правда, в отличие от моего виртуального дома, здесь они желтовато-красные – огни расположенного на первом этаже ресторана «Техас».

Холодильник оказался практически пустым. Тонкий намек на то, что утром, превознемогая сонливость и честно заработанную за ночь болезненную усталость, снова придется тащиться на рынок за продуктами. В хлебнице оказались остатки вчерашнего батона. Жить можно. Подозрительно понюхав несколько только что разбитых мною яиц, выливаю их на сковороду, с нетерпением ожидая, пока проснувшийся чайник, недовольный тем, что кто-то столь бестактно потревожил его сон, заворчит на плите струйкой выпущенного к потолку пара. Обычный поздний холостяцкий ужин. Что же, могло бы быть и хуже.

Еда занимает чуть меньше пятнадцати минут. Возвращаюсь к нетерпеливо поджидающему меня компьютеру, втыкаю разъем на место и осторожно пробую пошевелиться. Что-то мешает на уровне солнечного сплетения, ну да – костюм исправно имитирует прикосновение к краю стола, за которым я сижу в виртуальности. Откидываюсь на спинку кресла, пытаюсь расслабиться…

– Погружение. – Тихо шепчу я.

Виктор улавливает мой едва слышный шепот. Простая команда, активизирующая короткую и почти бессмысленную строку: «c:\program files\dee*putilites**deep*.exe» – пусковой ярлычок крошечной дип-программы – и перед моими глазами вспыхивает яркий калейдоскопический водоворот. Секунда – этот водоворот кажется беспорядочным мельтешением красок; секунда – и краски спиралью вливаются в подобие медленно вращающейся воронки; секунда – я ощущаю пустоту где-то чуть ниже затылка, сознание поддается призрачной иллюзии движения, плывет…

В баре все осталось без изменений, разве что исчезла шумная компания в глубине зала, оставив после себя пустые тарелки и несколько смятых бумажных стаканчиков из-под кока-колы. Оглядываюсь… И натыкаюсь на ухмыляющуюся физиономию Олегатора, сидящего напротив за моим столиком и с аппетитом уминающего порцию картофеля – фри.

– Заснул?

– Что-то вроде того… – Неопределенно пожимаю плечами. – Давно ты здесь?

– Минут пять как. – Отвечает тот, запивая картофель изрядным глотком лимонада. – Пытался тебя разбудить, да без толку. Думал уж, не помер ли ты…

– Не дождешься! – Шутливо подмигиваю я в ответ. – Принес подарочек?

– А как же?

Олегатор, привыкший, к слову, писать собственную кличку через «о» и «е», от имени «Олег», пыхтя лезет под стол и извлекает оттуда увесистый сверток. Сверток с глухим звуком плюхается на стол.

– Вот, блин, и пожрать спокойно не дает… – Ворчит он.

– Олежка, родной, прямо даже не знаю, как тебя и благодарить… – Начинаю я, но Олегатор перебивает, великодушно махнув рукой.

– Знамо, как. Пивом меня благодарить надо. Пи-вом!

Отчего все хакеры так любят пиво? Наверное, какая-то врожденная аномалия организма. Особенности строения внутренних органов. В любом случае, смысла спорить нет и я безропотно соглашаюсь.

– Будет тебе пиво. На днях обязательно занесу.

– Хольстен. «Премиум».

– Пусть будет «Премиум». Кстати, авансом могу налить прямо сейчас…

Олегатор отрицательно качает головой.

– Виртуальное пиво – это как виртуальный секс. Видимость одна, а удовольствия никакого. Пиво в Глубине не пью принципиально – из любви к искусству… Ты уж лучше к нам в контору заезжай, вместе с «Хольстеном». Посидим, пропустим по стаканчику. Давай завтра, а? В конце рабочего дня?

Согласно киваю. Осторожно срываю серую оберточную бумагу, внутри обычной картонной коробки – небольшой ножик с выкидным лезвием, черный, аккуратный, блестящий свежей смазкой пистолет и четыре запасные обоймы. Пытаюсь подтащить сверток ближе к себе, но он неожиданно становится неимоверно тяжелым, мне не удается даже сдвинуть его с места.

– Предупреждение системного монитора! – Доносится из наушников встревоженный голос Виктора. – Фрагменты кода принимаемого в данный момент файла идентифицированы системой, как вирус. Процесс перекачки данных остановлен. Продолжить прием текущих файлов?

– Да. – Тихо соглашаюсь я.

– Чего? – Олегатор, кажется, явно озадачен.

– Н-да… – Я задумчиво оглядываю свою добычу. – Арсенальчик…

Олег довольно хмыкнул. Пакет снова обретает свой нормальный вес, я убираю пистолет за пояс, нож и обоймы торопливо распихиваю по карманам. Настроение заметно повышается.

– А я вот, пожалуй, пивка выпью с удовольствием. Точно не будешь?

– Не-а. Лимонаду мне принеси, если не сложно.

– Не сложно. – Отвечаю я.

Моя кредитная карта «похудела» еще на пять с половиной долларов. Олег с удовольствием принялся за купленную мною бутылку «меринды», я откупорил банку холодного «Премиума».

– Олежка, – осторожно начинаю я, – этот результат твоих творческих терзаний, он…

– Соответствует ли он Московской Конвенции? – Подхватывает мою мысль Олег и загадочно улыбается. – Ну, вообще-то… Да соответствует, не волнуйся ты так. И Московской Конвенции, и Женевскому положению о правах человека, или как его там… Вирус не фатальный, честное пионерское.

Несколько лет назад в Москве собиралась грандиозная международная конференция, на которой после продолжительных дебатов и дискуссий было, наконец, постановлено, что компьютерные вирусы – зло неистребимое и потому борьба с ними – по крайней мере, теми методами, которыми она велась до сих пор – занятие совершенно бесполезное. И олигархи компьютерно-программной индустрии умудрились договориться между собой о том, что производство нефатальных вирусов – программ, действие которых не уничтожает полезную информацию, а лишь замедляет или временно парализует работу компьютера – отныне можно считать деятельностью совершенно легальной. Для этого программисту необходимо лишь прислать исходный код своего творения в одну из многочисленных лабораторий, занимающихся разработкой антивирусных программ, и получить соответствующий сертификат. В результате выиграли все: хакеры, перед которыми неожиданно открылась возможность продавать свои продукты практически официально, и серьезные корпорации, открывшие для себя таким образом поистине неисчерпаемый источник прибыли.

– Лицензию показать? – Лукаво щурится Олегатор.

– Не нужно, – Улыбаюсь в ответ я. – Уж чему-чему, а твоему «пионерскому», да еще и честному, я верю безоговорочно.

– Одного вот только не могу понять, – продолжает тем временем Олег, – а именно, на фига козе баян. В смысле, на кой черт журналисту сдалось вирусное оружие, да еще в таком

количестве. Ну, в первый раз еще можно было что-то придумать, ну, во второй… Коллекцию, что ли, собираешь?

– От редакторов отстреливаюсь. – Отвечаю я, пытаясь увести разговор в сторону от опасной темы. Не могу, никак не могу объяснить Олегу, что подобные программы, за пополнением запаса которых я время от времени к нему обращаюсь, используются мною в попытке заработать для себя лишний кусок хлеба, кусок, который отнюдь не всегда оказывается «лишним». Любая медаль имеет, увы, две стороны. Способности дайвера – слишком сладкая приманка для многих и многих, кто хотел бы заполучить в свое распоряжение оружие против Глубины. Поэтому скрытность, чрезмерная осторожность, приобретающая порою невнятные очертания паранойи, – обратная сторона медали, плата за возможность управлять реальностью, созданной людьми, которых эта реальность сумела подчинить.

– Работа у меня такая… – Я неопределенно пожимаю плечами.

– Ну, не хочешь – не рассказывай. – Кажется, Олегатор немного оскорблен. – Я слишком любопытен, да? Не подумай, что я лезу к тебе со своими расспросами просто так, от нечего делать. Просто… Ну, пойми: мы довольно давно знаем друг друга, я тебе доверяю, но…

– Я прекрасно все понимаю, Олежка, – перебиваю его я, – все понимаю, но, прости, ничего не могу сказать. Пока не могу.

– Ну ладно… – Олегатор поднимается из-за стола и виновато смотрит на меня. – Бежать нужно, а то начальство голову открутит. Я на работе сейчас, а у нас контора сам знаешь какая… Не офис, а проходной двор.

Мне тоже нужно идти, но я решаю еще немного побыть в баре, дождавшись, пока Олег покинет заведение моих австралийских приятелей.

– Счастливо. – Встаю на ноги и протягиваю Олегатору руку. Тот пожимает ее крепко, кивает мне, но в его взгляде и интонациях все еще чувствуется некий сквознячок легкой обиды. – И спасибо тебе еще раз.

– Значит, завтра в шесть? Пиво не забудь!

– Не забуду. – Отвечаю я ему в след.

В баре появляется еще несколько посетителей. Лорд, сидящий поодаль от моего столика, ближе к дверям, неторопливо смакует виски со льдом. Звучит приятная, тихая музыка.

Пора.

Оставляю столик и направляюсь к выходу. Времени остается действительно в обрез, поэтому теперь нужно действовать быстро. На улице, свернув с Фон-Нейман стрит в ближайший переулок,

поднимаю руку. Такси останавливается почти мгновенно.

– Компания «Дип-Проводник» приветствует вас, Владислав! – Доносится традиционная фраза. За рулем желтого «Плимута» молодой парнишка в ковбойке и лихо заломленной на затылок кепке, развернутой козырьком назад. Таксисты «проводника» всегда безукоризненно вежливы, это стало своеобразной визитной карточкой фирмы. И практически всегда называют клиента по имени, в тех случаях, когда программе удается автоматически идентифицировать его личность. К счастью, сейчас мне это только на руку.

– «Фри Лайн Билдинг», третий подъезд, – называю я свой домашний адрес, садясь в машину, – расчет кредитной картой «Виза».

– Заказ принят, – кивает водитель.

Автомобиль плавно трогается с места. Дорога займет около двух минут, но они будут потрачены не в пустую: в протоколах «Дип-Проводника» останется информация о том, что, покинув «Тим и Деззи», я отправился домой. Осторожно ощупываю содержимое карманов: пистолет и обоймы на месте. «Плимут» неторопливо сворачивает на площадь Джона Бардина и останавливается возле тускло поблескивающего стеклом и бетоном небоскреба. Я выхожу из такси, направляюсь к ведущим в просторный холл здания ступеням, но в последний момент, словно передумав, сворачиваю в сторону, огибаю фасад и попадаю в небольшой глухой тупичок, оканчивающийся всегда закрытым наглухо запасным выходом из «Фри Лайн Билдинг». Торопливо оглядываюсь по сторонам: никого нет. Отлично.

– Виктор, смена личности. Позиция номер пять, «Мастер».

– Выполняю. – Доносится из наушников чуть приглушенный ответ программы.

«Морфинг» происходит довольно медленно. С любопытством смотрю в зеркальные стекла дверей: мое отражение плавно меняет очертания. Очкастая физиономия Владислава тает, расплывается, уступая место приветливой улыбке паренька, чем-то неуловимо смахивающего на сельского тракториста, какими их обычно изображали в старых наивно-патриотических фильмах. Джинсовка превращается в темно-синий рабочий комбинезон, из нагрудного кармана которого торчат ручки пассатижей, какие-то отвертки и, кажется, блестящий металлический пинцет. Я становлюсь ниже ростом, чуть раздаюсь в плечах, волосы приобретают пепельный оттенок. Оружие и плеер, правда, остаются при мне.

Последним прорисовывается компактный черный дипломат с необходимым в работе инструментарием. Нетерпеливо жду, пока

Виктор перекачает все недостающие файлы: черт возьми, долго, слишком долго. Может, и вправду разориться на «выделенку»? Там посмотрим…

– Трансфер данных завершен. – Сообщает мне программа. – Жду ваших распоряжений.

– Спасибо, Виктор. Теперь мне нужен полный доступ.

– Вы уверены? – Интересно, сомнение в его голосе – плод моего необузданного воображения, или все-таки майкрософтовские специалисты научились наконец передавать человеческие интонации в сообщениях операционной системы?

«Полный доступ» означает, что я могу распределять ресурсы своей машины по собственному усмотрению, отдавая компьютеру приказы, против которых в обычной обстановке у Виктора отыскалась бы тысяча возражений. Олегатору пришлось изрядно повозиться с моей системой, прежде чем она согласилась выполнять все мои распоряжения, не подвергая их критическому анализу на безопасность и этичность по отношению к окружающим меня в виртуальности гражданам Диптауна. К сожалению, указанная функция автоматически отключает множество других полезных свойств «Винодоус Офис», благодаря чему я не могу пользоваться ею постоянно. Но мне это и не нужно. Я устанавливаю данный режим только в случае крайней необходимости.

– Абсолютно уверен. – Соглашаюсь я.

– Полный доступ открыт. – Вздыхает в ответ Виктор.

Итак, игры закончились. Настало время для серьезной работы. Бросаю последний взгляд на паренька в спецовке, отражающегося в зеркальных дверях, и, тихонько насвистывая себе под нос веселенькую мелодию из битловской «желтой подводной лодки», направляюсь обратно к главному входу в здание. Очень не хочется опаздывать. Будем надеяться, что я успею. Должен успеть.

04

– Компания «Дип-Проводник» рада приветствовать вас! – На сей раз шофер не называет моего имени: правила пользования общественным транспортом Диптауна позволяют мне останавливать такси анонимно.

– Развлекательный центр «Олимп», – говорю я наугад, – Оплата через «Коверн-Лэйт Банк», триста три, семь нулей, десять, пароль – «джемини».

Таксист медлит несколько секунд, проверяя состояние моего счета, открытого на вымышленное имя в маленьком коммерческом банке, расположенном где-то на Антильских островах. Еще мгновение уходит на снятие с него суммы, равноценной стоимости предстоящей поездки. «Визой» я не пользуюсь сознательно: кредитная карта имеет индивидуальный опознавательный номер и я мог бы оставить нежелательный след.

– Заказ принят. – Соглашается водитель. Заурчав двигателем, машина неторопливо отчаливает от тротуара.

Я смотрю в окно на проплывающие мимо улицы, площади и перекрестки огромного города, города, которого на самом деле нет. Вон там, вдалеке – дилерский центр «Интел», его неправдоподобно высокие строения напоминают отсюда громоздкую скульптурную композицию, состоящую из нескольких пирамид со срезанными гигантским ножом вершинами. Когда-то, много лет назад, в наших магазинах продавалось молоко в треугольных бумажных коробках, кажется, красно-синих, – эти архитектурные сооружения почему-то всегда ассоциируются у меня именно с ними. Чуть левее устремляется в небо тонкая и узкая, как рапира, башня «Америки Он-Лайн», рядом еще несколько точно таких же, только чуть меньше размером. Слева высятся стеклянные небоскребы «Белл», солнце играет на их матовых боках золотисто-багровыми всполохами. Подумать страшно, сколько кропотливого труда, сколько сил и нервов было затрачено неизвестными пространственными дизайнерами, чтобы создать все это, придумать и воплотить эту красоту, недоступную жителям реального мира. И люди стремятся сюда, заполняя нарисованные проспекты звуком своих шагов, оживляя эту придуманную кем-то однажды сказку своим дыханием, пропитывая ненастоящий ветер звоном своих голосов. Беглецы от реальности. Не помню, кто именно назвал нас так однажды, но это определение отчего-то кажется мне чрезвычайно метким.

Мы миновали щит с яркой рекламой «Ситилайна»: машина свернула в русский квартал. Народу здесь значительно больше по

сравнению с остальной частью города, что, собственно, не удивительно: руководители отечественных предприятий не очень пристально следят за тем, чем занимаются их подчиненные в рабочее время. На пересечении улицы Артемия Лебедева с проспектом Высоких Технологий такси поворачивает направо.

– Остановите здесь, пожалуйста, мне нужно купить сигарет. – Обращаюсь я к шоферу. Тот послушно паркует наш «понтиак» возле напоминающего небольшой крытый стадион продуктового магазина, я выхожу из автомобиля, мысленно считаю до десяти.

– Виктор, включай «двойника». – Отдаю я короткий приказ и захлопываю дверцу.

Визуально вокруг ничего не изменилось, но тем не менее, запущенная по моей команде программа сразу же начала работать.

– Поехали. – Мой голос раздается из-за чуть приспущенного стекла такси. Водитель молча кивает, машина трогается с места.

Для сервера «Дип-Проводника» я благополучно вернулся в салон «понтиака» и продолжил свое путешествие. Вскоре такси «высадит» меня неподалеку от увеселительного центра «Олимп» и отправится выполнять следующий заказ, о чем в лог-файлах компании останется соответствующая запись. Пусть попробуют потом что-нибудь доказать.

Мельком смотрю на часы: отпущенное мне время неумолимо истекает. Пропустив несколько стремительно проносящихся по проспекту автомобилей и ярко расцвеченный автобус с туристами, пересекаю улицу и сворачиваю в пустынный сквер с низкой оградой, присыпанными гравием дорожками, кустами шиповника и крашеными в желтый цвет деревянными скамейками. В глубине сквера виднеется аккуратный двухэтажный особняк, отгороженный от окружающей действительности высоким проволочным забором – наверняка кто-то из наших соотечественников, скорее всего, какой-нибудь коммерсант средней руки, попытался таким образом воплотить свою мечту о собственном доме, неосуществимую в настоящей реальности. Этот путь я разведал несколько дней назад, совершив неторопливую получасовую прогулку по окрестным кварталам. Там, впереди, за естественной зеленой стеной, образованной густыми зарослями шиповника и акации, в проволочной сетке забора вырезана неровная круглая дырка, небольшая, но вполне достаточная для того, чтобы в нее смог протиснуться взрослый мужчина. С проволокой пришлось немного повозиться, но я был уверен, что результат моих трудов спишут на баловство местной шпаны. Да и заделать ее за прошедшие несколько суток вряд ли успеют: в отличие от трудолюбивых иностранцев, наши

соотечественники не торопятся выполнять необходимую, но кропотливую и скучную работу, по возможности откладывая ее на неопределенный срок.

Дырка на месте. Бегом огибаю здание, проскользнув сквозь виртуальное пространство чужого сервера и еще больше запутывая тем самым след, выхожу на узкую и извилистую улочку Первых Дизайнеров. Я у цели.

«Нетлан». Странноватое сочетание несочетаемых английских понятий «Net» и «LAN», столь характерное для названий небольших российских компаний. Фирмочка и впрямь скромная, видимо, начавшая свой бизнес совсем недавно и еще не успевшая толком раскрутиться. Офис, расположенный в первом полуподвальном этаже стилизованного под девятнадцатый век шестиэтажного здания с лепными карнизами и готическими стрельчатыми окнами, производит противоречивое впечатление. Интересно, кому могла понадобиться эта крошечная контора, гладя на виртуальное представительство которой даже самому неискушенному зрителю становится ясно, что она явно не ворочает многомиллионными долларовыми капиталами? Я не знаю заказчика. Около года назад, когда полиция Диптауна едва не поймала меня с поличным при передаче денег за очередную дискету с похищенной информацией, я придумал достаточно сложный, но действенный и надежный способ получать извещения о предлагаемой работе, благодаря которому мне не приходится теперь встречаться с кем-либо лично. Я не вижу того, кто поручает мне очередное задание, он не видит меня. При попытке идентифицировать мою персону я без труда сумею обрубить все хвосты, дернув за которые, заказчик способен принести мне хоть малейшие неприятности. Все довольны и счастливы. Слава Богу, сейчас мне не придется что-либо красть у организации, проникнуть в офис которой является для меня первоочередной задачей. Предстоящая работа гораздо более проста, нежели тривиальное копирование данных, и находится она гораздо ближе к той невидимой грани закона и беззакония, на которой мне постоянно приходится балансировать в последнее время.

– Здравствуйте. Вы к кому? – Охранник, здоровенный бритый детина в форменном пятнистом комбинезоне, на глуповатом лице которого нет и тени доброжелательности, преграждает мне путь. Вот и подтверждение моих мыслей: у этих ребят не хватает денег даже на приобретение нормальной сторожевой программы. Чучело, которое стоит сейчас передо мной – разработка программистов-любителей из Владивостока под названием «Витязь». Стоит этот коротко стриженый гражданин ровно десять

долларов. Примитивная сторожилка на входном портале, всего оружия у грозного Витязя – резиновая дубинка, которой он в случае необходимости может отоварить нежелательного посетителя по голове, разорвав его соединение с сервером. Словарный запас – три с половиной фразы. Не знаю, быть может я сноб, но охранники в защитных комбинезонах, на мой взгляд, это пошло.

– К Игорю Николаевичу. – Покорно отвечаю я. Узнать имя генерального директора «Нетлана» на официальном сайте фирмы в интернете не составило ни малейшего труда.

– Вы договаривались о встрече?

– Да.

– Как о вас доложить?

– Пароль «триал». – А вот это уже информация от моего неведомого заказчика.

– Проходите.

Внутри офисные помещения «Нетлана» выглядят значительно обширнее, чем снаружи. Стандартная уловка виртуальных дизайнеров. Подвесные потолки, чуть приглушенное освещение, пластиковые панели на стенах. Глядя на оформление электронного представительства этой конторы, хочется громко произнести в слух уже порядком приевшийся термин «евростандарт» с ударением на слове «стандарт». В мире, где даже самые скромные предприниматели в состоянии отгрохать себе настоящие дворцы с павлинами и оранжереями, владельцы «Нетлана» просто скопировали традиционную планировку обычного офиса, организованного в нескольких объединенных квартирах старого образца, из которых предварительно выселили жильцов. Присматриваюсь повнимательнее к обстановке: быть может, художник максимально детализировал серовато-белый пластик, прорисовав даже мелкие царапины и трещины однородной текстуры, быть может, в этой напускной скромности и кроется истинный шарм и индивидуальный стиль незатейливого на первый взгляд помещения? Ничего. Мелкие детали настенной облицовки явно рождены моим больным воображением, а отчетливый отпечаток чьей-то подошвы на белом плинтусе, скорее всего, просто ироничная реакция моего сознания на окружающую его владельца нарисованную убогость.

Щелкнуло выкидное лезвие небольшого перочинного ножа, подаренного мне сегодня Олегом. Отмычка простая, но действенная: черная металлическая дверца электрического щитка, вмонтированного в стену коридора на уровне человеческого роста, послушно откидывается в сторону, открывая доступ к тугим жгутам проводов, идущим неизвестно откуда

неизвестно куда. Я извлекаю из кармана кусачки: красный – желтый – белый – синий, схема служебных информационных каналов на этом узле стандартна и перерезанные мною провода должны прервать обмен данными между частью сервера, поддерживающей нарисованный офис и головным компьютером местной локальной сети. Так и есть: магнитный кодовый замок, запиравший расположенную напротив щитка тяжелую, обитую толстой сталью дверь, теперь разблокирован. Наверняка где-то в реальности, в вычислительном центре провайдера, обслуживающего это здание, сработала аварийная сигнализация. Мне на это наплевать: они просто не успеют восстановить поврежденную линию, не успеют предпринять какие-либо меры, чтобы вычислить источник неисправности.

Толкаю дверь и вхожу в помещение. Небольшая квадратная комната, шесть на шесть метров: письменный стол, кожаное кресло, компьютер, сейф. Сейф. Он-то и является целью моего визита. Запираю за собой дверь на примитивную задвижку: нехорошо, если кто-то появится за моей спиной в самый неподходящий момент. Кладу дипломат на стол, откидываю крышку, извлекаю оттуда вязаные шерстяные перчатки, выгнутую из толстой металлической проволоки отмычку и медицинский фонендоскоп. Отмычка вставляется в скважину сейфового замка, фонендоскоп прикладывается к неаккуратно выкрашенной в серый цвет дверце. Теперь нужно немного покрутить ручки, посредством которых владелец этого кабинета набирает обычно открывающий тяжелый железный ящик шестизначный цифровой код. Понятия не имею, что пытаются услышать настоящие воры в наушниках фонендоскопа, поскольку мой фонендоскоп немного необычный: эта несложная программа сама подбирает код для доступа к содержимому сейфа – данным, хранящимся в закрытой паролем директории на серверном компьютере. Честно говоря, можно было бы обойтись и без всего этого криминального антуража, однако человеческий мозг устроен таким образом, что ему обязательно необходимо передать информацию о факте вскрытия сейфа, иначе я просто не смогу открыть его дверцу. Где-то в глубине моей черепной коробки неумолимо тикает невидимый хронометр: прошло восемь секунд.

– Первое вхождение цифровой последовательности определено. – Доносится откуда-то слабый голос Виктора. Уже что-то. Машина сейчас загружена под завязку: она перебирает в оперативной памяти огромные массивы чисел, анализирует отклики удаленного компьютера, пытаясь определить среди обилия обрабатываемых данных те, которые помогут мне добраться до вожделенных бухгалтерских бумаг. Удивительно,

что у системы вообще хватает ресурсов посылать мне голосовые сообщения.

– Второе вхождение цифровой последовательности определено.

Долго. Слишком долго. Если они сумеют локализовать зону несанкционированного проникновения на сервер…

– Третье вхождение цифровой последовательности определено. Четвертое вхождение цифровой последовательности определено.

Ну давай же, давай. Самое страшное испытание – бездействие. Я сижу, ссутулившись, на корточках возле черного офисного стола и разглядываю желтовато-белый ленолиум. Противно посасывает где-то под солнечным сплетением: ужасно хочется курить. Нервы.

– Пятое вхождение цифровой последовательности определено.

Может, выйти из Глубины и выкурить сигарету? Нельзя. Слишком ответственный момент.

– Шестое вхождение цифровой последовательности определено. Доступ открыт.

Из моих легких едва не вырывается вздох облегчения. Открываю дверцу сейфа и достаю оттуда толстые разноцветные папки с бумагами. Так, красная папка, налоговая отчетность. Это неинтересно. Папка отправляется обратно в темное чрево стального ящика. Синяя папка, внутренние финансовые ведомости. Бегло пролистываю бумаги: где-то там, за пеленой нарисованного дип-программой вымышленного мира перед моими глазами скользят на экранах виртуального шлема ровные колонки символов и цифр, демонстрируя содержимое просматриваемых мною файлов. Было бы неплохо покопаться в этой макулатуре на досуге, наверняка найдется что-либо интересное. Но сейчас на это нет времени. Фиолетовая папка. Договора. То, что надо. Надеваю перчатки, пролистываю несколько страниц, обращая внимание только на вынесенные в заголовки даты, и обнаруживаю наконец интересующий меня документ. Провожу по белому бумажному листу ладонью: ровная колонка текста смывается, на месте старых слов, медленно, словно изображение на проявляющейся фотокарточке, появляются новые, выстраиваясь в предложения, предложения постепенно складываются в абзацы. Содержимое хранящегося в закрытой паролем серверной папке текстового документа меняется, моя машина закачивает туда новые данные, прогоняя их по сети сквозь десяток чужих узлов, количество и состав которых постоянно меняются совершенно случайным образом.

Даже если они и обнаружат подмену, ни один программист не сможет вычислить, как попала сюда эта информация.

Готово. Захлопываю папку и убираю ее обратно в сейф. Закрываю дверцу: слышен щелчок блокируемого замка. Дело сделано.

– Ты кто?

Звук чужого голоса режет слух, словно грохот разорвавшейся в двух шагах гранаты. Резко оборачиваюсь на сто восемьдесят градусов, едва не теряя равновесия.

Девушка. Стройная, хрупкая, невысокая, наверное, мне по плечо. Короткая блузка и брюки, волосы стянуты на затылке хвостиком. Большие зеленовато-карие глаза пристально вглядываются в мое лицо, чуть ниже этих глаз мне в лицо смотрит черное дуло пистолета. Я сижу на корточках в совершенно нелепой и неудобной позе, достать оружие, спрятанное в поясном кармане моего комбинезона из этого положения совершенно невозможно. Надо было надеть наплечную кобуру…

Поздно. Девушка, видимо расценив мое замешательство как отказ от дальнейшего диалога, решила действовать без промедления. Словно в замедленном кино я вижу, как ее палец напрягается на спусковом крючке. Через мгновение грянет выстрел. Какие вирусы использует ее оружие? Выдержит ли Виктор? Черт, я же закрыл дверь! Как она сумела сюда попасть?

На ее лице неожиданно проступает выражение удивления и недоверия, палец вздрагивает на курке…

В этот миг мир вокруг нас утрачивает краски и подергивается туманом. Затем наступает полная темнота.

– Соединение прекращено удаленным сервером. – Голос Виктора печален и серьезен, в его словах проскальзывают до нелепости торжественные интонации диктора центрального телевидения, сообщающего о скоропостижной кончине очередного генерального секретаря ЦК КПСС и лауреата каких-то там премий…

– Повторить попытку соединения?

– Нет. Выход.

– Точно?

– Абсолютно.

– Выход из Глубины завершен. – Охотно соглашается «виндоуз-оффис».

Стягиваю виртуальный шлем: пот льет с меня в три ручья.

Она не выстрелила. Просто не успела выстрелить. Кто-то или что-то помешало ей, перерубив канал связи. Грубо. Очень грубо. Чтобы действовать столь кардинальными методами, надо иметь

более, чем серьезные основания.

Утираю рукавом пот со лба, слегка расцарапав кожу металлизированной тканью комбинезона; противная саднящая боль приводит меня в чувство. Я принимаю решение.

– Виктор, соединение с интернет, ночной тариф.

– Выполняю. – Отвечает компьютер. Откуда-то из корпуса машины доносится равномерное постукивание набирающего номер модема.

Я успеваю раскурить сигарету, поставить чайник, сбегать в туалет и налить себе кофе. Промокшая насквозь футболка под комбинезоном прилипла к спине, но на переодевание уже нет ни сил, ни времени.

Официальная русскоязычная версия вэб-сайта Диптауна, расположенная на одном из серверов российского института развития общественных сетей, загружается ужасно медленно. Открываю страничку, содержащую подробную карту города, и ввожу в поле поискового запроса адрес конторы, где я только что побывал. В базе данных сервера хранится общедоступная информация обо всех организациях, имеющих представительства в Диптауне; возможно, я смогу узнать о загадочной фирме «Нетлан» чуть больше, чем знаю сейчас. А сейчас я не знаю практически ничего.

Задетая локтем чашка кофе едва не падает на пол. Я промахиваюсь сигаретой мимо пепельницы. Что это? Дип-психоз? Или просто сказалось хроническое недосыпание и полуголодный рацион, благодаря которым я тихо сошел с ума?

Упоминаний о фирме «Нетлан», офис которой расположен по адресу «улица Первых Дизайнеров, 25», в каталогах поискового сервера не найдено. Оно и не удивительно.

Поскольку в Диптауне попросту не существует улицы Первых Дизайнеров.

05

Я стою возле открытого окна обширной прямоугольной комнаты и смотрю на проносящиеся внизу потоки машин. Комната тонет в полумраке, неохотно проглатывающем гладкие серые стены и детали интерьера: мне не хочется света. В правой руке я сжимаю дымящуюся чашку кофе, в левой – толстую книгу. На губах остался неприятный обжигающий привкус: кофе отчего-то кажется мне горьким, его аромат напоминает запах горелой бумаги. Я закрываю глаза и швыряю книгу в окно.

– Кто ты?

Оборачиваюсь к двери. Там, у дальней стены помещения стоит невысокая хрупкая девушка; в ее руках пистолет, направленный в мою сторону. Черты неожиданной гостьи размыты, они тонут в темноте, я вижу лишь ее силуэт, но твердо знаю, что она устала и рассержена.

– Как ты сюда попала? – Спрашиваю я. Мой голос срывается, и последние слова я произношу шепотом. – Я не звал тебя. Кто тебя прислал?

Девушка становится выше ростом и шире в плечах. Теперь на меня смотрит Олегатор; он держит пистолет одной рукой, сжимая в другой пухлый бумажный сверток.

– Я принес тебе подарок. – Тихо отвечает он и качает головой. – Лови.

Раздается выстрел.

Это виртуальное оружие – проносится в моей голове – оно неспособно причинить мне вред. Но резкая боль почему-то пронзает мое тело. Так не бывает, в Глубине невозможно убить!

Однако выстрелы раздаются снова и снова, пули толчками входят в мою грудь, рубашка быстро намокает, пропитываясь кровью. Я теряю равновесие и падаю в окно.

Полет длится несколько коротких мгновений, затем я ощущаю спиной и затылком удар об асфальт. В висках пульсирует высокая тоскливая мелодия, небо меркнет, сворачиваясь в точку, ослепляющую меня. Я умираю.

Мелодия больно бьется в затылке, подобно пытающейся вырваться на волю из тесной клетки птице, протяжно отзываясь где-то под глазными яблоками. Яркий солнечный свет хлещет из окна в лицо. Уже утро? С трудом отрываю свинцовую голову от подушки и выключаю будильник.

В комнате бардак. Комбинезон, брошенный мною вчера на стул, валяется на сидении бесформенной грудой тряпья, плед, которым я накрылся, укладываясь на неразобранный диван, сполз

на пол. Прибираться нет сил: дурацкий сон вымотал меня так, словно я затащил в гору не одну тонну кирпичей.

На столе – типичный завтрак человека виртуальной эпохи: залитый кипятком суп быстрого приготовления из китайского полиэтиленового пакетика, кофе, таблетка анальгина. Безвкусная лапша не лезет в горло.

Думай, Слава, думай.

Первое: как наша прекрасная незнакомка проникла в запертое изнутри помещение? На Дэвида Копперфильда она не похожа, ходить сквозь стены не умеет. Да это не под силу любому человеку, будь он хоть трижды дайвер. Мозг не обманешь: для того, чтобы войти куда бы то ни было, нужна дверь. Иначе люди проваливались бы сквозь виртуальный пол и тонули в виртуальном асфальте.

Второе: кто она? На представителя службы безопасности фирмы «Нетлан» не похожа, к тому же девушка, судя по всему, сама была крайне удивлена, застав меня на месте преступления. Хакер? Возможно. Только какого черта ее принесло туда же, куда принятый четыре дня назад заказ привел меня? Совпадение? Не верю я в такие совпадения. Или работодатель выдал одно и то же задание сразу нескольким исполнителям, не понадеявшись на мои силы? Вряд ли. Наверняка он знаком с кодексом дайверов хотя бы понаслышке и знает, что подобный поступок автоматически приведет к самым печальным последствием, а именно к тому, что никто из нас не станет даже разговаривать с ним в случае, если ему снова понадобится наша помощь. Быть может, он знает, что я – одиночка, что я не поддерживаю никаких контактов с другими дайверами и никогда не посещаю общие собрания «братьев по цеху», изредка проводящиеся в Глубине? Ерунда. Откуда? Такое предположение автоматически влечет за собой вывод, что он знает обо мне почти все, включая мое реальное имя, адрес, телефон, место работы и группу крови. Что решительно невозможно.

Третье. Куда пропала из виртуальности улица Первых Дизайнеров? Если пройти сквозь стену не под силу простому человеку, то уничтожить целый квартал виртуального города не под силу даже крупной организации, включая легендарное ФСБ, причем уничтожить так, что упоминание о нем разом исчезло даже из баз данных поисковых серверов, информационных служб и маршрутизаторов. Бред собачий.

С другой стороны, а что, собственно, я беспокоюсь? Работа выполнена, обещанные деньги поступили на мой счет, в чем я самостоятельно убедился, проверив утром отчет банковской электронной службы, пока китайские макароны разбухали в

кружке под действием горячей воды. Заказ был плевый, я заработал на нем всего триста долларов, половина из которых тут же ушла на оплату следующего месяца моего пребывания в Диптауне. То, что от него неожиданно запахло паленым, не должно меня волновать. Я удачно выкрутился. Однако какая-то заноза в сердце упорно не дает мне покоя. Если бы не это проклятое исчезновение целой улицы, не этот моментальный обрыв связи, заставивший меня оставить в проклятом офисе свой дипломат с кучей полезных инструментов…

Словно разряд электрического тока прошиб меня насквозь. Дипломат! В Глубине я утратил пластмассовую коробку с ценным инструментарием, большей половиной которого я так и не успел воспользоваться, в реальности я утратил каталог на жестком диске моего компьютера, содержащий множество файлов, представляющихся мне в Диптауне в образе соответствующих их функциональному назначению устройств. Вернее, каталог-то остался на месте, только вот его точная копия хранится теперь в одном из компьютеров организации, поддерживавшей когда-то старинное здание на улице Первых Дизайнеров. Половина этих утилит была взята мною с пиратских дисков, содержащих наборы хакерских программ, второй половиной поделился со мной Олегатор. Если программисты «Нетлана» анализируют содержимое дипломата, они смогут вычленить обрывки информации, которая в конце концов приведет их ко мне. Или к Олегу, который без задней мысли выдаст им меня. Если на него соответствующим образом надавят. Опять же, подставлять Олега мне совсем не хочется. Он-то здесь причем?

Вывод очевиден: нужно во что бы то ни стало разыскать фирму «Нетлан» и уничтожить в их компьютерах любую компрометирующую меня информацию. Хотелось бы успеть сделать это раньше, чем такая информация будет обнаружена. А если они уже нашли дипломат? Тогда уничтожение данных не поможет: файлы вполне могли быть скопированы на съемные носители, до которых мне все равно не добраться. Бежать? Продавать квартиру, менять номер телефона? Судя по тому, как оперативно канул в небытие дом номер двадцать пять по несуществующей улице, я умудрился вляпаться во что-то очень серьезное…

Стоп. Я паникую. Я веду себя, как ребенок. Если мой потенциальный противник настолько силен, что его не остановили даже элементарные законы человеческой логики, которые он походя нарушил, как неосторожный пешеход нарушает правила дорожного движения, бегство не поможет. Меня все равно найдут.

Значит, нужно действовать. А там будет видно.

Залпом допиваю остывший бульон, ставлю кружку в раковину, где уже скопилась гора немытой посуды, направляюсь в комнату. Нехорошее предчувствие теребит спину противным холодком. Виртуальный костюм еще не просох после вчерашнего, шлем кажется тесным и неудобным. Втыкаю шнур в разъем на поясе комбинезона, усаживаюсь в кресло возле компьютера.

– Погружение. – Командую я.

Цветной водоворот.

Ощущение стремительного движения в неизвестность.

Глубина.

06

Когда Диптаун еще только создавался, на месте этого памятника был голый заасфальтированный пустырь, отведенный под грядущее строительство. Кажется, была еще баскетбольная площадка и теннисный корт, вон там, где расположился сейчас магазин по продаже бытовой техники. Город, выросший за несколько месяцев на пустом месте, обступил бывший пустырь со всех сторон, тротуары замостили гранитом, в центре образованной домами площадки разбили газон и поместили посреди него бронзовую фигуру, символизирующую покорителя Глубины – бросающегося с края невидимого обрыва в пугающую неизвестность человека. Интересная аллегория. Мне чем-то полюбился этот памятник – надгробие на могиле несбывшихся надежд, бронзовая эпитафия пустым человеческим амбициям. Не мы покорили Глубину, Глубина покорила нас. Увлекла захватывающей дыхание пропастью, ослепила призрачным блеском несуществующей свободы, затянула в цветной водоворот миражей, в которые мы сами страстно хотим верить.

Фигура Покорителя, стремительно падающего в пустоту, касается постамента лишь одним пальцем поднятой в застывшем движении ноги. В реальности памятник сразу же рухнул бы на землю под действием естественной силы тяжести и собственного веса. Здесь он стоит уже второй год, поскольку фальшивый закон тяготения не действует на нарисованный металл. Весь наш мир построен на фальшивых законах, на ненастоящих облаках в искусственном небе, на придуманных проблемах, радостях и печалях. Только мы, люди, настоящие. Здесь. Там. Везде.

Проспект Высоких Технологий выводит меня к знакомому скверу. Особняк на месте, на окруженной шиповником скамейке целуется влюбленная пара. Девочка в клетчатой юбке выгуливает на газоне черно-белого спаниеля: собака крутится у ее ног, виляет коротким хвостом, звонко и отрывисто лает. Девочка смеется, бросает ярко-красную летающую тарелку, спаниель кидается вдогонку, подпрыгивает, хватая зубами добычу, возвращает хозяйке. Я иду дальше.

На месте улицы Первых Дизайнеров – засаженная тополями аллея, по ровной и прямой, как стрела, дорожке неторопливо прогуливаются люди. Знакомого мне дома нет и в помине, вместо него – высотное здание из стекла и бетона, кажется, целиком принадлежащее какой-то крупной компании. На всякий случай смотрю на вывеску: так и есть, «Интерлайн», новые разработки в области электронных технологий. Ясно. Здесь искать нечего.

Возвращаюсь на оживленный проспект и останавливаю такси.

В «Тиме и Деззи» сегодня на удивление много посетителей. Почти все столики заняты, свободных мест – наперечет. Глен крутится за стойкой бара, словно теннисный шарик, невесть как попавший в контейнер работающей стиральной машины. Кажется, он даже не замечает моего присутствия. Это хорошо. Сейчас мне не хочется общаться.

Одна из отличительных особенностей «Тима и Деззи», которая в свое время привлекла мое внимание к этому маленькому уютному заведению, заключается в том, что здесь можно просто сидеть за столиком, ничего не заказывая. Владельцы кафе справедливо рассудили, что если кто-то решил потратить часть своего оплаченного в виртуальности времени на то, чтобы просто побывать в «Тиме и Деззи», значит, ему здесь нравится. И значит, он рано или поздно снова сюда вернется. Рынок. Острая конкуренция. Хотя временами у меня создавалось впечатление, будто Глен и Джесси завели это кафе не ради прибыли, ими двигали какие-то иные, скрытые от меня внутренние мотивы. Наверное, им просто нравилось содержать маленький бар, нравилось принимать посетителей, завязывать новые знакомства, видеть вокруг себя новые лица, втайне осознавая, что эти лица – всего лишь нарисованные кем-то искусные маски, но старательно играя в правду. Эдакая психологическая ширма, отгораживающая сознание и душу от окружающей действительности. Виртуальный наркотик. Бегство от реальности. Зачем? Не знаю. Не хочу знать.

Прислонившись затылком к деревянной стене кафе и опустив веки, я вдруг отчетливо осознал, что постепенно, исподволь, но неумолимо и бесцельно скатываюсь в какую-то липкую серую депрессию, в какую-то меланхолию, причины которой мне ухватить в своем сознании так и не удалось.

Взять себя в руки. Встряхнуться. Собраться. Думать. Думать. Думать…

Почему-то практически все без исключения герои приключенческих романов, которые я запоем проглатывал в детстве, отыскивали какой-то рациональный, единственно правильный выход из любой ситуации вот так вот сидя в кафе и мирно рассуждая о подкинутых им заботливым автором неразрешимых проблемах, терпеливо раскладывая по полочкам сложившиеся обстоятельства, мудро анализируя уже свершившиеся события и связывая их в прочную, отполированную до блеска неопровержимой логикой цепочку. Тогда на них снисходило озарение. Они прозревали корень тревожащих их проблем. И начинали действовать.

Я не герой приключенческого романа. Я живой человек. И потому в голову лезет решительно все, что угодно, кроме того, что нужно. В ней, в голове, пусто, как в барабане. Мысли, лениво шевелясь в этой вязкой пустоте, крутятся на одном месте, как зациклившийся отрывок компьютерной программы: ни туда, ни сюда. Пустота. Глубина. В которой мне остается только одно.

Ждать.

Когда противник ударит первым.

Если вообще ударит.

Если он есть, этот противник.

Тогда можно будет хоть что-то понять.

– У вас свободно?

Смутно знакомый голос заставляет меня открыть глаза. Рядом с занятым мною столиком, пожалуй единственным в полутемном зале, не окруженным еще шумной компанией отдыхающих, стоит Лорд со своей неизменной тростью и вежливой улыбкой на аристократично-правильном лице.

– Не помешаю?

– Ни в коем случае. Присаживайтесь, – делаю приглашающий жест рукой. Лорд благодарно кивает и осторожно опускается на соседний стул, словно опасаясь, что он развалится под тяжестью его худощавого тела.

– Виски?

– Нет, благодарю, – отрицательно качаю головой я.

Он наливает себе с два пальца в тонкий хрустальный бокал из плоской, словно фляжка, прозрачной бутылки и поднимает его за донышко, грея хрупкое стекло в ладони.

– Я часто вижу вас здесь. – Говорит он. – Вы приходите в это кафе почти каждый день.

– Равно как и вы. – Осторожно отвечаю я. Лорд снова кивает, отстраненно обводит взглядом заполненное людьми помещение и наконец останавливает его на мне.

– Уютное место. Хорошая кухня. Интересные люди. Эдгар. – Он протягивает мне руку.

– Влад. – Я отвечаю вежливым рукопожатием.

– Удивительно. – Он снова смотрит куда-то в сторону и на его губах появляется едва заметная полуулыбка, направленная, мне кажется, внутрь него самого. – Сегодня здесь людно. Мне кажется, что если столько различных индивидуальностей по собственной воле оказываются в одно и то же время в одном и том же месте, при всем богатстве имеющегося перед ними выбора, есть в них какое-то общее духовное начало, связывающее их воедино. Это как культ. Как религия, если хотите.

– То же самое можно сказать про Глубину вообще. – Пожав плечами, отвечаю я. – Большую часть людей, оказавшихся здесь, также что-то объединяет, на психологическом уровне, например. Возьмите хотя бы пресловутую любовь к компьютерам…

– Вы любите компьютеры? – Удивленно спрашивает он.

– Странная, по-моему, позиция – любить компьютер. Любить надо людей. Они, по крайней мере, способны это оценить.

– Мало кто может похвастаться безграничной любовью ко всему человечеству. – Произносит в ответ Лорд. – Человек по природе своей эгоистичен.

– Скорее, все люди в большей степени индивидуалисты. Это нормальное свойство человеческого характера. Без него нам было бы не выжить в этом мире.

– В этом? Или – в том?

– Глубина – лишь отражение реальности реальной. – Пытаюсь пояснить свою мысль я. – По большому счету, мы перенесли сюда все то, что окружало нас в привычном нам мире, наверное, поэтому мы с такой легкостью адаптируемся к здешним условиям, принимаем правила игры, придуманные нами же самими. Человек не смог бы создать здесь нечто, выходящее за рамки его реального жизненного опыта. Люди везде одинаковы.

– Не скажите, – поправляет меня Эдгар, – на мой взгляд, Глубина успешно играет роль некоего интеллектуального фильтра, беспристрастно отсеивающего в человеческом потоке весь мусор. Люди, культурный или умственный уровень которых ниже определенной условной планки, просто не попадут сюда, не смогут этого сделать. Им это не интересно. Не нужно. У них другие устремления. Иные цели в жизни.

– Мне кажется, вы не совсем правы. – Осторожно возражаю я. – Безусловно, адаптироваться к виртуальности могут далеко не все. Но интеллектуальный уровень – далеко не единственный критерий.

– Вы можете назвать другие?

– Существует определенная категория людей, умных, интересных, любознательных, которых виртуальность по не вполне понятным причинам не принимает, «выплевывает» обратно, выталкивает вовне, как вода выталкивает на поверхность легкую пробку из-под шампанского. Те, кто не может прижиться в киберпространстве, признать его, как еще одну альтернативную реальность. Других эта воронка быстро затягивает в электронный мир, в самую его глубину, выбраться из которой бывает порой весьма и весьма сложно. В свое время и я чуть не захлебнулся…

– Тоже стали своего рода пленником Сети? – Понимающе улыбается Эдгар.

– И это было. И это тоже было. Но я сумел вовремя вынырнуть… – Отвечаю я несколько двусмысленной фразой и тут же резко одергиваю самого себя. По-моему, я слишком много говорю. Но Лорд, кажется, пропустил мою незначительную оплошность мимо ушей, либо просто не воспринял ее буквально.

– Сказалось давление реального мира? – Он немного отхлебывает из своего бокала. – Многим помогает удержаться на плаву именно это. Дом, семья, друзья, работа…

– Не совсем так. Я думаю, что через какой-то срок, а у каждого он свой, попросту наступает «насыщение» Глубиной, состояние, в котором тебе кажется, будто ты полностью исчерпал все возможные прелести виртуальной реальности и ничего нового она подарить тебе уже не сможет. Ты побывал там, где хотел побывать и увидел то, что мог увидеть. Это приходит само собой.

– Сладчайший мед нам от избытка сладости противен…

Ого! А ведь это, кажется, Шекспир.

– Да. Не могу судить обо всех, но лично я ощущал нечто подобное.

– Что же, можно сказать, что вам, в отличие от многих, повезло, – улыбается Эдгар, – к тому же вы, сами того не ведая, изобрели оригинальный метод лечения виртуальной зависимости – передозировкой.

– Владислав, время. – Доносится из болтающихся на шее наушников моего плеера спокойный голос Виктора. Время? Да, я же сам просил программу предупредить меня, когда подойдет срок. Я поднимаюсь из-за стола и протягиваю своему собеседнику руку.

– Было очень приятно пообщаться с вами, Эдгар, но мне нужно идти.

– Взаимно. – Понимающе кивает он. Здесь, в Глубине, не спрашивают, куда ты спешишь и не просят задержаться еще ненадолго, чтобы закончить прерванную беседу. Это не принято. Каждая минута, проведенная здесь, для большинства обывателей стоит денег. И где-то там, в невидимой отсюда дали, электронные таймеры беззвучно отсчитывают мгновения, проведенные ими в киберпространстве. Не будем разрушать стереотипы.

Я направляюсь к выходу из бара. Какое-то неприятное, тоскливое чувство щемит сердце, не дает мне покоя. Что-то случится. Что-то должно случиться, не знаю пока что, но что-то неприятное и неотвратимое. Сейчас я выйду отсюда, и…

Я открываю дверь, делаю шаг за порог, очутившись на улице.

И ничего не происходит.

Кажется, предчувствия на сей раз обманули меня.

07

Груда немытой посуды в моей раковине, увеличившаяся было еще на одну тарелку, постепенно тает. Иногда надо заставлять себя выполнять элементарную работу по дому, иначе призрачная опасность зарасти грязью по самые уши превратится в горькую реальность. Два года назад, когда я разошелся со своей женой, меня окунуло в омут домашних хлопот с головой – я ходил по магазинам, готовил, пылесосил, стирал и гладил. Поначалу даже мыл пол в комнате два раза в неделю. Наверное, чтобы отвлечься, забыться, не думать. Потом этот импульс как-то иссяк сам собой, сошел на нет, растворился в каждодневной рутине. Безусловно, я никогда не позволял себе расслабляться настолько, чтобы моя квартира постепенно начинала приобретать черты свинарника, поскольку это было прежде всего противно мне самому. Однако идеалом чистоты ее тоже назвать было нельзя. Скорее, нечто среднее. Дом образцового порядка и высокой культуры быта… Нет, не тот случай.

Покончив с посудой, я направился в комнату. Десять минут бесплодных поисков, и из-под шкафа была извлечена пыльная спортивная сумка с наплечным ремнем, откуда в свою очередь мне пришлось вытряхнуть старую газету, отвертку и пару трехдюймовых дискет. Джинсы и свитер обнаружились в шкафу. Бумажник. Ключи. Сигареты. Зажигалка. Кажется, все.

На улице моросил дождь – мелкая взвесь из невидимых ледяных капель, серой пеленой застилавших небо. Низкие тучи цеплялись за крыши домов, стараясь улечься поудобнее меж прямоугольными выступами старых печных труб и мокрым металлом редких телевизионных антенн. Короткая и столь щедрая промозглыми пасмурными днями питерская осень кончилась. Зима медленно наползала на город.

Спустя пятнадцать минут в раздувшейся до размеров небольшого дорожного тюка сумке многообещающе позвякивало. Остановить машину не составило большого труда: стоило мне поднять руку, как через мгновение рядом притормозил замызганный дряхлый «Москвич».

– Мне на Каменноостровский, – сказал я в чуть приоткрывшуюся дверцу. Водитель недоверчиво посмотрел на мой порядком вылинявший свитер и потерявшие свой изначальный цвет джинсы.

– Полтинник.

Пожалуй, пора обновить гардероб.

– Годится. – Отозвался я, усаживаясь на переднее сиденье.

– Деньги вперед.

Однозначно, пора.

Я извлек из бумажника мятую сотенную купюру и протянул водителю. Тот недовольно засопел и принялся отсчитывать сдачу. Затем столь же недовольно выкрутил вмонтированный в «торпедо» радиоприемник на полную громкость и тронулся с места. Я уставился в оплывающее мелкими дождевыми каплями стекло.

В гулких коридорах просторного офиса на Каменноостровском было пустынно. Я вежливо постучал в дверь и, не дождавшись ответа, вошел в небольшой, ярко освещенный кабинет.

Олегатор сидел за компьютером в какой-то неестественно-нервной позе, подобравшись, словно кошка, высматривающая в кустах беззаботную стайку воробьев. Голова в виртуальном шлеме резко поворачивалась из стороны в сторону, кажется, Олегатор непрерывно озирался. Левая рука лежала на клавиатуре, правая лихорадочно теребила мышь. Из стоящих рядом с машиной акустических колонок доносился раскатистый рев монстров, отдаленный грохот выстрелов и металлическое звяканье падающих на каменный пол стреляных гильз.

Я мельком взглянул на экран и, расстегнув сумку, принялся выставлять на заваленный какими-то распечатками письменный стол пивные бутылки. Не стоило беспокоить Олегатора сейчас: согласно показаниям его таймера, компьютер сам выведет его из Глубины через восемь минут. Видимо, я просто явился немного раньше условленного времени. Недосуг было посмотреть на часы.

Откупорив «Хольстен», я уселся в узкое вращающееся кресло и выхватил из стопки бумаг какой-то пестрый журнал. Ага, «Виртуальный мир» за позапрошлый месяц. Чтиво так себе, но за неимением лучшего, пожалуй, сойдет.

Олегатор вынырнул как всегда неожиданно, снял шлем, несколько мгновений смотрел на меня непонимающе хлопающими глазами. После расставания с Глубиной человеку нужно некоторое время, чтобы придти в себя, чтобы сознание успело определиться в зыбкой грани между тем миром и этим.

– Доброе утро, страна, – приветствовал я его, откладывая журнал в сторону, – пиво остынет.

– Привет. – Коротко бросил он. Поднялся, потирая рукой небритый подбородок, взял со стола бутылку, сковырнул пробку зубами. Было очевидно, что Олегатор чем-то недоволен. Что-то у него пошло наперекосяк. Только вот что? Не связано ли это с недавними событиями на улице Первых Дизайнеров?

Да нет, вряд ли. Тогда Олегатор не казался бы столь

спокойным. Он был не взволнован, нет, просто раздосадован и расстроен.

– Что-то случилось, Олег? – Как бы между прочим поинтересовался я, допивая остатки своего пива и открывая о край столешницы новую бутылку. Не слишком-то интеллигентно. И плевать.

– Фигня. – Мрачно отозвался тот. – Устал просто, как собака. Боссы работы навалили – хоть вешайся. У меня еще четыре проги в отладке, а тут старую бету одного нашего халтурщика приволокли, тормозит, говорят, на шестнадцати метрах и критическую ошибку выдает раз в два часа. Что делать, спрашивают. А я отвечаю: да снесите свой мастдай к саксам собачьим и ставьте линукс. Ну, перелаялись, блин, как сявки… Сам-то как? Что-то выглядишь ты не очень…

– На себя посмотри, Бельмондо, – отшучиваюсь я в ответ. Олежка саркастически хмыкает и одним глотком осушает чуть ли не половину бутылки.

– Слушай, тебе случайно не знаком человек по имени Стрелок? – Неожиданно спрашивает он.

Изо всех сил напрягаю извилины, но разнеженная пивом память упорно отказывается выдавать какую-либо полезную информацию. Эта кличка мне просто ни о чем не говорит.

– Нет. А что?

– Сволочь. – Коротко отзывается о неизвестном Стрелке Олегатор и залпом допивает оставшийся на дне бутылки «Хольстен». – Эта скотина идет сейчас сквозь «Лабиринт», как нож сквозь масло. Ничем его, гада, не достать.

– «Лабиринт Смерти»? – Удивленно спрашиваю я.

Так вот откуда взялись рев монстров и грохот выстрелов, доносившиеся из динамиков Олежкиной машины, когда я вошел в комнату. Я и сам когда-то был заядлым поклонником «Лабиринта» – широко известного в Диптауне развлекательного игрового центра, в котором игроки самозабвенно расстреливали друг друга из гранатометов и ракетниц, бегая по созданным искусными дизайнерами условным уровням захваченного инопланетными колонизаторами полуразрушенного города. Ностальгический ремейк на тему популярных компьютерных ходилок-стрелялок довиртуальной эпохи. Только вот давно уже я не был в «Лабиринте Смерти». Около года, пожалуй.

– Ну. – Кивает Олег. – Решил вот оттянуться после работы, а тут… Эх…

Он с досадой машет рукой и вновь принимается за пиво.

– Слушай, Олежка, – осторожно, как бы исподволь, начинаю я, – ты никогда не сталкивался с тем, чтобы в Диптауне

неожиданно пропадала улица? Не дом, не несколько домов, а целая улица со всеми прилегающими кварталами?

– Сталкивался, – откликается он и я весь обращаюсь в слух. – Перебрали мы как-то с приятелями пива в «Гольфстриме», ну, нажрались, в общем, до зеленых чертей, и вот иду я, значит, до дому…

– Олежка, я серьезно спрашиваю.

С минуту он пристально и внимательно смотрит на меня. Затем ставит бутылку на стол и медленно опускается в соседнее кресло.

– Во что ты вляпался, Славка?

– Не знаю. – Честно отвечаю я. – Ей богу, не знаю, Олег.

– Помощь нужна?

– И этого не знаю. Не хочу я никого впутывать в собственные проблемы. Пока сам не разобрался.

– Слав… – Олег сосредоточенно трет переносицу, берет в руки бутылку, но тут же, словно передумав, ставит ее обратно. – Я понимаю, конечно, что это не мое собачье дело и далеко не во все следует соваться, но я действительно хочу тебе помочь. Понимаешь, то, что ты постоянно темнишь, постоянно что-то скрываешь, меня нисколько не задевает, в конце концов, у каждого человека могут быть собственные тайны. Но чтобы помочь, надо хотя бы понять…

Не могу. Не могу больше врать и изворачиваться. В конце концов, мой моральный долг перед Олежкой уже сейчас настолько велик, что никаким пивом его не залить. А теперь я уже так или иначе втравил его неизвестно во что – ведь половина программ, оставшихся в том чертовом дипломате, писал он. И если что, у него тоже будут неприятности. В конце концов, мне самому не помешал бы сейчас надежный союзник. А играть с ним вслепую… Нет, это не по мне. Не могу я так. Совсем не могу.

И я принимаю решение.

– …а понять мне тебя и не удается, как ни стараюсь. Может, я чего-то не так делаю, тогда ты…

– Я дайвер, Олег.

Олегатор замолкает на полуслове. В комнате повисает мертвая тишина.

– Настоящий?

– Игрушечный, блин…

Несколько утомительно-долгих секунд Олег смотрит на меня расширившимися глазами, затем взъерошивает ладонью волосы и достает из лежащей на столе пачки сигарету.

– Первый раз в жизни вижу живого дайвера. – Произносит наконец он.

– Где ж ты мертвых-то насмотрелся?

Еще мгновение Олегатор сидит, непонимающе уставившись в мою сторону, а затем взрывается оглушительным хохотом.

– Может, тебе приснилось? – Недоверчиво спрашивает Олег, стремительно щелкая клавиатурой компьютера.

– Ага. И дипломат приснился, и девчонка с пистолетом, и охранник. Триста баксов тоже приснились. И вообще, ты мне кажешься.

Я не вдавался в подробности выполненного мною заказа, рассказал все лишь в общих чертах, взяв с Олегатора клятвенное обещание держать язык за зубами. Во имя его же блага. Олег обещал, а я знал, что его словам можно верить.

– Ничего. – Говорит он, устало откидываясь на спинку кресла. – Я прошерстил сеть тремя специальными утилитами, даже до индекса двух адресных поисковых систем добрался. Нет такой улицы в Диптауне. Нет и никогда не было.

– Что и следовало доказать. – Эхом откликаюсь я.

– Чего делать будем?

– Пиво пить. – Я встаю на ноги и направляюсь к заставленному бутылками столику, полными и пустыми, половина на половину. – Не пропадать же добру?

– Все бы тебе шутки шутить. – Недовольно ворчит Олег но все же присоединяется ко мне. – Не, а серьезно. Что-то же надо предпринять? Может быть, в офф-лайне твою контору поискать, ну, в справочниках там покопаться…

«Офф-лайном» Олежка привычно называет мир, расположенный по эту сторону дип-программы. Намертво въевшаяся, словно ржавчина, привычная терминология, прочно сложившаяся еще до появления Глубины. Мы с Олегом успели застать это «до». Но пройдет одно-два поколения и общепринятый жаргон виртуальщиков наверняка изменится. Сможем ли мы тогда понимать наших собственных детей? Ох, сомневаюсь…

– Ты хоть знаешь, чем она занимается, в каком городе расположена? – Кажется, Олегатор решил взяться за меня всерьез.

– Нет. Как-то, понимаешь ли, не пришло в голову поинтересоваться.

– Тогда облом. – Он задумчиво теребит пальцами подбородок. – А может, это… Ну, заказчика твоего потрясти… Аккуратно так, ненавязчиво…

А вот это уже идея. Наша схема передачи заказа подразумевала соблюдение полной анонимности с обеих сторон, однако у меня оставался резервный канал связи. На всякий случай. Шанс дохленький – адрес наверняка липовый, арендованный «на раз», но попытаться все равно стоит.

– Олежка, ты молодец! – Искренне говорю я. – Я об этом вообще не подумал.

– А о чем-нибудь ты вообще думаешь? Временами?

– Ага! О бабах. Причем постоянно. Этого достаточно?

Мы с Олегатором дружно расхохотались.

– Кстати, о бабах. Набрел я тут недавно на один порносайт…

Разговор под все усиливающимся влиянием потребляемого нами напитка постепенно переместился в привычное для подобных бесед русло. Давно подмечено, что люди, так или иначе плотно связанные с программной индустрией, могут полноценно общаться только о двух невзаимосвязанных категориях: о компьютерах и о женщинах. О первом – подолгу и конкретно, о втором – изредка и отвлеченно. В полной мере эта философская сентенция относилась и к Олегатору. Ну не клеились у нас разговоры на другую тематику после третьей бутылки, ну никак не клеились. Вместе с тем пиво брало свое: проблемы понемногу отошли на второй план, и мир вокруг стал казаться более прекрасным и приветливым.

– Ты, это… Поосторожнее, что ли… – Произнес я, из последних сил стараясь припомнить, что еще я собирался сказать Олегу на прощанье. Что-то ведь собирался? Нет, не помню. В голове была вата, асфальт под моими ногами равномерно покачивало приятным легким прибоем, желудок грела изнутри мягкая теплая печка.

Мы стояли возле стеклянных дверей станции метро, за которыми уже маячила уборщица в ситцевом синем халате, возила обмотанной мокрой тряпкой шваброй по гранитному полу, недовольно поглядывала на нас из-под цветастого платка. Дождь кончился, пахло свежестью и мокрой листвой, из-за расступавшихся туч показались бледные на синевато-черном питерском небе звезды.

– Иди, а то закроют. – Олег тоже удерживал вертикальное положение тела явными усилиями воли. – И сам, того… Ну в общем, давай.

Я крепко пожал протянутую мне руку, посмотрел, как Олег, что-то насвистывая себе под нос, зашагал к дому – ему недалеко, всего две остановки, – и вошел в вестибюль. С трудом нащупал в кармане жетон – под руками все время путалась какая-то мелкая ерунда – со второй попытки попал им в щель турникета и под пристальным, недобрым взглядом постового милиционера ступил на эскалатор.

Переход на третью линию уже, разумеется, закрыли. Я вышел на станции «Гостиный Двор» и зашагал к площади Восстания пешком. Невский светился разноцветным маревом реклам, из

распахнутых дверей ночных клубов и ресторанов доносилась приятная музыка, создавая неповторимую праздничную атмосферу, благодаря которой мое настроение становилось с каждой минутой все лучше и лучше. И вот это мы променяли на неумело нарисованную картинку? Неужели там, в царстве чужих миражей, нам лучше, чем здесь? Чужие миражи… Как-то странно это звучит.

На тротуарах Старо-Невского тут и там встречались небольшие группы девушек, жавшихся к стеклянным витринам троллейбусных остановок. Квартал свободной любви. Низкие цены, высокое качество обслуживания. Вон, светло-серый «Мерседес» прямо по курсу неторопливо скользит вдоль поребрика, наверное, выбирают девчонку посимпатичнее. Ну, флаг вам в руки. И барабан, как говорится, в соответствующее место.

Шикарная иномарка ехала действительно не спеша, вскоре я нагнал ее, несмотря на то, что направлялся к дому прогулочным шагом, не особенно торопясь. «Мерс» чуть увеличил скорость и поравнялся со мной, теперь мы двигались параллельными курсами. Неприятный маячок тревоги тонким зуммером запел где-то на уровне затылка. Совпадение? Или – пугают? От этих бритоголовых можно ожидать всего, чего угодно. Когда у молодых парней, и без того считающих себя полными хозяевами жизни, в крови начинает играть алкоголь, они утрачивают над собой всяческий контроль. А в свете последних событий…

Нет, лучше показаться посторонним людям полным идиотом и параноиком, чем…

Чем что-нибудь другое.

Кажется, я начинаю стремительно трезветь. Внутренне напрягшись, сконцентрировавшись, чуть ускоряю шаг и сворачиваю в первую попавшуюся подворотню. Затем рывком ныряю за узкий выступ, к которому крепятся петли тяжелых чугунных ворот, уже много десятилетий назад намертво утонувших в растрескавшемся старом асфальте.

И за моей спиной раздается короткое тявканье автоматной очереди.

В лицо бьет тугой фонтан извести и цементного крошева.

Сердце сковывает липкий, холодный страх.

08

На улице слышен скрипящий шелест прокручивающихся на оборотах шин, машина отъезжает, доносится запоздалый женский визг.

Проходные дворы. Я вырос здесь, я знаю их наизусть.

Инстинктивно стараясь держаться в тени угрюмых каменных стен, пытаясь не бежать, чтобы не привлекать внимание случайных свидетелей, ныряю из одного «колодца» в другой, тороплюсь оказаться в ближайшем переулке. Подсознательно хочется очутиться как можно дальше отсюда, бежать, бежать, бежать…

И что потом?

Не знаю.

Мысли скачут галопом, скручиваются в неразборчивый вихрь. Откуда они меня пасли? От метро? Маловероятно. Скорее, от Олежкиной конторы.

Значит, дела совсем плохи. Значит, меня все-таки вычислили. И его тоже. Не дай Бог.

Противник все-таки ударил. Только удар пришелся не с той стороны, откуда я его ждал. Да с чего я вообще решил, что меня попытаются достать в виртуальности? Реальность – вот она, под рукой, близко, рядом. До нее гораздо проще дотянуться. Здесь гораздо легче проследить, найти, поймать в ловушку. Здесь можно убить по-настоящему.

Идиот.

Долгое пребывание в виртуальном пространстве притупляет чувство опасности, дает фальшивое ощущение надежности, защищенности, покоя. Смерть? До следующего входа в Глубину. Выстрел в упор? Пара вирусов на жестком диске машины. Падение с небоскреба? Несколько синяков на ребрах, да и то если виртуальный костюм не откалиброван как следует.

Здесь все по-другому. Здесь падение с небоскреба заканчивается обычно похоронами.

И к этому очень трудно привыкнуть.

Что дальше? Искать оружие? Где? Я не мафиози, соответствующих связей не имею. И куда я с ним? До первого мента? Детский сад. Захотят – все равно достанут.

Одно ясно: муравейник, в который мне посчастливилось по неосторожности наступить, где-то рядом. Иначе они не сумели бы столь быстро отреагировать. Интересный муравейник. С большими возможностями.

Осторожно выглянув из-за угла здания и не заметив никакой

очевидной опасности, бегом направляюсь к подъезду. Соваться сейчас домой – еще одна глупость. Но ничего другого мне все равно не остается. Друзей, к которым можно было бы безнаказанно вломиться в такой час, у меня попросту нет, а ночевать на улице не хочется.

Замок закрыт. Этот замок можно запереть только снаружи, значит, в квартире сейчас никого. Уже лучше.

Зажигаю свет в коридоре, на кухне, проверяю обе комнаты, затем на всякий случай ванную и сортир. Пусто. Кажется, это уже психоз. Поплотнее задергиваю толстые шторы и только после этого включаю свет в спальне. Путаясь в кнопках, набираю Олежкин номер.

Гудок. Два. Три. Терпеливо отсчитываю десять гудков. Затем еще десять. И только после этого вешаю трубку, окончательно убедившись, что к телефону никто не подойдет. Нехорошее предчувствие обжигает меня изнутри могильным холодом. Может, спит? Да фиг там, он бы услышал.

Содержимое ящиков письменного стола летит на пол. Где-то она была. Где-то здесь. Вчера видел. Черт, вот же.

Перелистываю истрепанные страницы извлеченной из груды хлама записной книжки со скоростью профессиональной кассирши, перетасовывающей стопку денежных купюр. Обнаружив нужную запись, снова бросаюсь к телефону.

Гудок. Два. Три. Нетерпение закипает во мне удушливой горячей волной и вот-вот плеснет через край. Пять. Шесть. Семь. Громкий щелчок.

– Да? – Недовольный заспанный голос.

– Денис Вениаминович?

Пауза.

– Охренел? Полвторого ночи!

– Денис Вениаминович, в меня стреляли.

Снова пауза.

– Кто?

– Не представились. Только что. Из автомата. На Невском.

На том конце провода сонливость куда-то мгновенно исчезает. Голос становится резким, собранным, деловым.

– У тебя дверь железная?

– Да.

– Сиди тихо. Не высовывайся. Никому не открывай. В девять утра. Три звонка: два коротких, один длинный. Повтори.

– Два коротких, один длинный.

– Молодец. Не проспи, журналист.

Гудки отбоя.

Запускаю компьютер и бегом направляюсь на кухню ставить

чайник. Выпитое пиво напирает изнутри и упорно просится наружу. Позже. Возвращаюсь в комнату, открываю почтовую программу и отыскиваю в списке контактов короткий адрес, оставленный мне моим неведомым заказчиком. Дважды щелкнув по нему мышью, набираю в открывшемся бланке письма одну короткую фразу. «Надо поговорить». Enter.

Модем, защелкав, начинает накручивать номер. Не ответит. Не ответит, скотина.

И черт с ним. Придумаем что-нибудь другое.

Налив себе кофе, возвращаюсь за машину. И, открыв «проводник», начинаю затирать на основном диске информацию, оставляя только системные файлы и псевдоинтеллектуальную оболочку Виктора. Надо бы отформатировать для надежности. Или вообще утопить винчестер в унитазе. Два других логических диска форматировать придется точно…

09

Два коротких, один длинный.

Дверь у меня без глазка, придется открывать «на голос», однако с той стороны уже слышен бодрый баритон:

– Давай, давай, шевелись, свои.

Щелкаю замками. Голова свинцовая, от бессонницы под веки набился колючий песок.

– Так, давай тапки, бегом ставь чайник, у меня всего полчаса. Кофе у тебя есть? Отлично. Где тут туалет?

Майор ФСБ Денис Вениаминович Денисов, шаркая шлепанцами по полустертому ленолиуму, проходит в кухню. Сегодня он одет в скромные джинсы и вязаную шерстяную жакетку, в форме я его не видел ни разу. И вообще мы виделись крайне редко – я не считал себя вправе без необходимости беспокоить друзей моих покойных родителей. Тогда, в микроавтобусе, суровый, седой и уже полнеющий Денисов положил мне руку на плечо и тихо сказал на ухо: «молодец, держишься…». И добавил после секундной паузы: «Звони если что. Телефон знаешь?». Это не было простым проявлением вежливости или деликатным знаком внимания: с того момента нас связала какая-то незримая, невидимая нить. Похоже, он самостоятельно возложил на себя какую-то непонятную мне ответственность за мою жизнь. Я не звонил – Денисов отзванивался сам, раз в два месяца, иногда чаще. Наши разговоры длились считанные минуты, но удостоверившись, что со мной все в порядке, Денисов как-то успокаивался и вновь пропадал на тридцать – шестьдесят дней, предлагая в случае чего беспокоить в любое время суток. Теперь этот случай настал.

– Ну, рассказывай. – Предложил он, отодвинув чашку в сторону и дожидаясь, пока кофе остынет.

И я начал рассказывать. Денисов пристально смотрел на меня, внимательно слушал, изредка прерывая мой монолог краткими уточняющими вопросами. Помешал ложечкой в чашке, закурил, бросив сигареты и зажигалку на стол, помолчал с минуту, глядя куда-то в пол.

– Значит, дайверы все-таки существуют? – Спросил он, поднимая на меня глаза.

– Значит, существуют, Денис Вениаминович. – Согласился я.

– Дурак ты, Владик.

– Сам знаю, что дурак. Что теперь делать-то?

– Разберемся.

Некоторое время он беззвучно разглядывал поднимающуюся

с черной поверхности остывающего кофе жидкую струйку пара.

– Сколько у тебя продуктов?

– На день… может быть. – С неохотой признался я.

– Что надо?

– Не знаю… – Признаться, я немного растерялся. – Ну, супы быстрорастворимые, штук десять, колбасы, булки, масла… Сахар кончается.

– Язву заработаешь.

– Уже.

– Плохо. Сколько тебе? Двадцать пять?

– Двадцать три.

– Вдвойне плохо. Где тут ближайший магазин?

– Налево через дорогу будет супермаркет. Но там дорого. Сейчас, минутку…

Я зашел в комнату, взял с трюмо бумажник, вытащил оттуда две сотенные купюры и вернулся на кухню.

– Вот… – Я протянул деньги Денисову. – Надеюсь, хватит…

– Убери. – Резко сказал он, поднимаясь на ноги. – Вернусь через пятнадцать минут. Два коротких один длинный, помнишь?

– Конечно, помню. Да, Денис Вениаминович… – Я отчего-то смутился. – Сигарет бы…

– Будут тебе сигареты.

– Значит, так, – Денисов деловито выкладывал на стол пельмени, макароны, сгущенку и полуфабрикаты котлет, сверху, гордо сияя желтыми боками, лег блок «Кэмела» – картошку почистить сумеешь?

– Обижаете, – отозвался я, оторопело разглядывая неторопливо растущую на столе гору продуктов: к макаронам и котлетам прибавился килограммовый мешок отборного картофеля, сметана и два замороженных куриных окорока. Сам я редко позволял себе такие разносолы, предпочитая пищу, которую не нужно готовить.

– Дверь закрой покрепче и никому не отпирай, если мне нужно будет придти, я позвоню. На улицу не высовывайся, в Глубину – тем более. Вот тебе номер моего мобильника, на всякий случай. Все, вечером отзвонюсь.

Он протянул мне белый листок картона, на котором значилась только фамилия и номер телефона.

– Спасибо, Денис Вениаминович.

– Не за что. Закрой за мной.

Заперев входную дверь на все возможные засовы, я отправился в комнату. Бессонная ночь сказалась усталостью и головной болью, но спать уже не хотелось. Запустив компьютер, я несколько раз разложил «пасьянс-косынку», затем загрузил

«биоконструктор» и принялся рисовать себе новое тело, просто так, от нечего делать. Не рисовалось: на экране медленно появлялся кряжистый сутулый мужик со злым, каким-то осунувшимся и болезненным лицом. Я стер файл не сохраняя. Писать тем более не хотелось. С какой-то отстраненной грустью я подумал о том, что вскоре меня опять ждет неприятный разговор с редактором на повышенных тонах. Ну и пусть.

Щелкнув мышью, я запустил почтовую программу, терпеливо дожидаясь писка соединяющегося модема, закурил сигарету. В почтовом ящике оказалось три письма: очередная рекламная ерунда от какой-то «службы информационной рассылки», автоматическое напоминание провайдерского сервера о необходимости вовремя оплачивать доступ в интернет с сообщением о том, что в ближайшее время будут введены в строй четыре новые многоканальные линии… Третье письмо, скромно подписанное «Клиент», заставило меня внутренне напрячься.

Даже не взглянув на обратный адрес, я дважды щелкнул курсором по маленькому изображению желтого конверта, разворачивая послание во весь экран. «Хорошо. Ресторан „Заоблачный“, Диптаун, проспект Свободы, 23. В 10.30 по Москве. Не опаздывайте». Я мельком взглянул на крошечные часы, неторопливо отсчитывающие секунды в панели задач «Виндоуз Оффис». 10:06. Сомнения длились несколько мгновений.

Второго такого случая не представится.

Значит, другого выхода нет.

Рывком поднявшись со стула, я принялся торопливо натягивать виртуальный костюм. Едва закрепив на подбородке «липучку» виртуального шлема и вставив в укрепленный на его поверхности разъем аудиокабель, я вновь уселся за клавиатуру.

– Виктор, погружение. Личность номер два, «Студент».

– Выполняю, Владислав.

Калейдоскопический водоворот.

Стремительное падение в неизвестность.

Легкое головокружение.

Глубина.

0A

Этим входом я не пользовался уже довольно давно. Берег его как резервный вариант, оставлял про запас, на всякий случай. До последнего момента я сомневался, не удалили ли владельцы сервера мою учетную запись, не стерли ли регистрационную информацию из банка данных дешевой и малоизвестной службы публичного доступа в Диптаун.

Не стерли. Крошечная комната, зеркало на стене, стол, кровать, компьютер. Все предметы обстановки стандартные, плохо детализированные, серийного производства. Здесь большего и не требуется.

Подхожу к зеркалу, придирчиво осматриваю свое отражение в серебристом стекле. На меня смотрит невысокий, узкоплечий парнишка-подросток лет шестнадцати на вид, с симпатичным, хорошо прорисованным, но неброским лицом, пепельные волосы уложены в аккуратный пробор. Джемпер, брюки, светлый пиджак. Студент-первокурсник провинциального университета.

Я знаю цену этой худощавой, тонкой фигуре.

Тело проектировалось таким образом, что этот хрупкий, сопливый паренек мог легко перебросить через себя стопятидесятикилограммового мускулистого мужика. В описание проекта виртуального образа, который я кропотливо создавал с помощью «биоконстуктора» несколько недель подряд, были заложены макросы высокой подвижности, выносливости и знание нескольких видов боевых единоборств. Банальность, но ничего лучшего в скромном ассортименте программы просто не нашлось. Внешность обманчива: хрупкого мальчишку-подростка вряд ли кто-то станет принимать всерьез. Косность человеческой психики. В свое время я прошел в этом теле двадцать уровней «Лабиринта Смерти»: парень исправно тащил на себе тяжелую неудобную броню и легко управлялся с громоздким огнеметом. Стыдно признаться: тогда я создавал это тело специально для «Лабиринта». Сейчас мне это кажется смешным.

Будем надеяться, время было потрачено не зря.

Выхожу в узкий полутемный коридор и запираю дверь на сам собой обнаружившийся в кармане пиджака ключ. Обшарпанная лестница наводит на невеселые мысли о частичной схожести двух миров, воображение услужливо заставляет меня морщиться от едва ощутимого запаха подвальной сырости и кошачьей мочи.

Рывком открываю дверь, в лицо бьет порыв свежего, прохладного ветра. Зажмурившись от слепящего глаза солнца, делаю шаг к тротуару, в надежде поймать такси.

Все-таки отсутствие сна и физическая усталость сделали свое дело, мои движения стали вялыми, реакции притупились. Иначе я успел бы отпрыгнуть прочь.

Стремительно выруливший на тротуар «Понтиак» боднул меня в живот, голова разбила лобовое стекло напротив темного силуэта водителя, плеснула кровь, чудовищной силы удар отбросил меня на асфальт. Напоследок я услышал хруст ломающихся ребер, когда сверкающее никелем колесо отъезжающей машины переехало мое тело.

Глупо.

Я смотрю на распростертую в луже крови бесформенную фигуру. На экранчиках виртуального шлема застывшая картинка сделалась условной, контрастной, мультяшной. Более чем глупо. Если они смогли вычислить меня в реальном мире, наверняка они догадываются о моих способностях дайвера. Да и на простого жителя Диптауна такая смерть вряд ли оказала бы более сильное воздействие, нежели простое раздражение. Тогда – зачем? Предупреждение? О чем? Или – все-таки не они?

Интересно другое: всем транспортом в виртуальном мегаполисе заведует «дип-проводник» и случаи наездов на пешеходов здесь практически исключены: программы этой компании работают четко и слажено. Неужели кто-то сумел вмешаться в деятельность «дип-проводника»? Что-то не вяжется. Есть в последовательности событий какая-то логическая нестыковка.

Одни вопросы. Сплошные вопросы и ни одного ответа. Хотя ответ на один из вопросов я могу попытаться получить прямо сейчас.

– Виктор, повторное погружение. – Командую я.

Цветная воронка застилает сознание пьянящей пеленой.

Смуглый темноволосый мужчина в скромном, но аккуратном деловом костюме, с узким, немного восточным лицом, пристально рассматривает меня с другого конца стола. Я терпеливо выдерживаю взгляд.

– Здравствуйте, дайвер.

– Здравствуйте… Клиент.

Собеседник неторопливо кивает. Называться любым, даже вымышленным именем он явно не намерен. Что же, ладно.

– Я представлял вас несколько… другим. – Осторожно говорит он.

Пожимаю плечами, давая собеседнику понять, что ему в любом случае придется принимать меня таким, каков я есть. Тот остается невозмутим.

– О чем вы хотели говорить?

В его подчеркнуто-вежливом тоне звучит тщательно скрываемое, но все же едва заметное легкое превосходство. Подсознательное психологическое превосходство зрелого человека, общающегося с подростком, и вынужденного в силу обстоятельств беседовать с ним на равных. Хорошо это, или плохо, я пока еще не решил.

– Об улице Первых Дизайнеров. – Отвечаю я.

– С ней что-то не так? – Он вопросительно приподнимает бровь.

– Не валяйте дурака. Вы в курсе.

Клиент молчит, изучающе разглядывая меня. Я начинаю неторопливо листать меню. За высокими, порядка десяти метров, стеклянными стенами неторопливо проплывают облака: ресторан «Заоблачный» расположен на вершине узкой стрельчатой башни, вздымающейся над поверхностью виртуального города на полукилометровую высоту. Внизу расстилается завораживающей, головокружительной панорамой сверкающий миллиардами разноцветных огней Диптаун, над ним, насколько хватает глаз – нежное, едва тронутое золотистой краской заката небо. Посетителей немного, в это время ресторан почти всегда пустует.

– Я полагал, вы знаете об этом инциденте больше меня. – Говорит наконец он. – Это была одна из причин, по которым я согласился на встречу.

– Вы ошиблись. Могу я поинтересоваться остальными причинами?

– Хотелось взглянуть на живого дайвера.

Не могу удержаться от скептической ухмылки.

– Иными словами, к упомянутым событиям вы никоим образом не причастны…

Человек, называющий себя Клиентом, отрицательно качает головой.

– Дайверы всегда старались держаться в тени, – вкрадчиво произносит мой собеседник, – они всеми силами таятся от людей…

Интересно. Выходит, дайверы – не люди?

– У них есть на то веские причины. – Стараясь скрыть легкое раздражение, отвечаю я.

– Понимаю. И тем не менее… Вы любите «кока-колу»?

– Нет.

– А я люблю. Здесь ее не подают.

Понятно. Уважаемый Клиент относится с легким недоверием к щуплому, худосочному мальчишке, объявляющему себя дайвером. Не может поверить до конца в то, что я именно тот, за кого себя выдаю…

Облака за окном неторопливо разбиваются о стекло призрачным туманом, белесым миражом, рассеивающимся от соприкосновения с льющимся из-за невидимой преграды мягким желтоватым светом. Чужие миражи моего нарисованного мира.

Раз. Этот мир – мираж. Я не в нем. Он – не во мне. Сознание начинает медленно ощущать оставленное за фантомной пеленой тело. Два. Проснуться. Пробудиться. Сбросить калейдоскопические путы дип-программы. Разбить мираж на мелкие, сверкающие всеми цветами радуги осколки. Три.

Нащупав мышь, быстро перелистываю на экране страницы каталога всевозможных аксессуаров. Ага, вот оно. «Кока-кола», говоришь? Пусть будет «Кока-кола».

– Погружение.

Калейдоскопический вихрь, затягивающий в свое голодное чрево неосторожного пловца.

Бесконечное падение.

Глубина.

– Клиент всегда прав. – Я протягиваю ему небольшую пластиковую бутылку с темно-красным напитком. Мужчина чуть улыбается, оценив шутку.

– Информация за информацию.

– Если это будет в моих силах.

– Я в этом уверен.

– Хорошо.

– Некая организация… – Он замолкает на несколько секунд, тщательно подбирая слова. – Некая организация весьма заинтересована в зарубежных разработках, направленных на обеспечение удаленного контроля за различными вычислительными системами, в том числе – из виртуального пространства. Другая организация крайне заинтересована в том, чтобы эти разработки не попали в руки конкурентов. Это все, что я могу вам сказать.

– Не густо.

– Этого достаточно.

– Хорошо. Насколько могущественна эта организация?

– Она обладает достаточным влиянием.

– Достаточным для того, чтобы без малейших следов уничтожить целый квартал Диптауна?

– Сомневаюсь.

– Тогда я ничего не понимаю.

– Поверьте, я тоже. – Клиент, улыбаясь, разводит руками.

– Мне бы хотелось… – После непродолжительной паузы начинает он, но замолкает, пристально всматриваясь в меня, как бы взвешивая в уме все «за» и «против». – Мне бы хотелось, чтобы

вы попытались разобраться с этим вопросом. В меру ваших сил.

– Зачем?

– Будем считать это любопытством. – Улыбается он. – Любопытством, подкрепленным небольшим вознаграждением.

– Вы пытаетесь нанять меня на работу?

– Почему бы нет?

– И каково же будет вознаграждение?

– Я могу расценивать ваш вопрос, как согласие к сотрудничеству?

Теперь уже я внимательно всматриваюсь в лицо своего собеседника. Он безмятежно улыбается, «Кока-кола» стоит на столе чуть в стороне, он даже не притронулся к бутылке.

– Вряд ли это возможно.

– Почему?

– Я слишком высоко ценю свою жизнь.

– Простите?

– Вчера меня пытались убить.

– В виртуальности?

– Нет.

Улыбка пропадает с его лица, он тянется к «Кока-коле», но вместо того, чтобы открутить пробку, начинает нервно теребить бутылку в руках.

– Поверьте, я искренне вам сочувствую. И тем не менее, мое предложение остается в силе.

– Кажется, вы упоминали о вознаграждении…

– Назовите цену.

– Я бы хотел услышать ее от вас. – Улыбаюсь в ответ я. Интересно, во сколько он оценит мою жизнь? Десять тысяч? Двадцать? Сто?

– Хорошо. Скажем, пятьсот тысяч долларов. В случае успешного завершения вашего мероприятия.

Ого! Любопытно, кто он такой на самом деле? Миллионер? Владелец нефтяного концерна? Хозяин крупной корпорации?

– А в случае провала вы обещаете мне роскошные похороны…

– Мне крайне импонирует ваше чувство юмора… Э-э-э… дайвер.

– Я не могу дать вам никаких гарантий.

– Понимаю. – Он протягивает мне через стол небольшую визитку. На ней – только семизначный номер виртуального пейджера. И больше ничего. Конспиратор…

– Буду рад, если вы свяжетесь со мной, когда у вас появится новая информация. – Вновь улыбаясь, говорит он. – Могу я поинтересоваться номером вашей кредитной карты для выплаты небольшого аван…

– Нет.

– Жаль. – Он снова пристально смотрит на меня. – Я не могу сейчас заплатить вам наличными.

– Этого и не требуется.

Я поднимаюсь с места, собираясь уходить, протягиваю ему руку для прощания. Он поднимается следом за мной.

– Было приятно пообщаться с вами.

– Взаимно.

Он крепко пожимает мою ладонь.

– Э-э-э… Простите, кажется, мы договаривались о небольшом обмене информацией… – Бросает он мне в след. Я оборачиваюсь.

– Слушаю вас.

– Как вы стали дайвером?

Клиент испытующе смотрит мне в лицо. По-моему, ему действительно любопытно. Что же, так или иначе я ничего не теряю.

– Язва желудка. Приступ в Глубине. Сильная боль. Мне удалось вынырнуть.

Еще мгновение его цепкие глаза не отпускают мой взгляд, затем он медленно кивает головой.

– Спасибо. Желаю вам здоровья.

Криво усмехнувшись, я поворачиваюсь к своему собеседнику спиной и неторопливо направляюсь к ведущим в подножие башни шахтам скоростных лифтов. Кажется, он все еще смотрит мне вслед.

Усталость постепенно сковывает мое сознание, кажется, что черепная коробка залита изнутри расплавленным свинцом. Именно поэтому я решил пройтись по проспекту Свободы пешком – в такси меня непременно сморило бы в сон. Может, выйти из Глубины? Разорвать виртуальный канал, сымитировав сработавший на моем компьютере таймер? Да, наверное, так будет лучше…

– Тормозни.

Я оборачиваюсь: рядом со мной идет высокая стройная блондинка в рельефно обтягивающей красивую грудь блузке и коротких шортах, на плече болтается маленькая дамская сумочка. Девушка старается выровнять шаг, пытаясь попасть в ногу. Удивляться уже нет сил.

– Ты кто? – Грубовато спрашиваю я.

– Не важно. Надо поговорить.

– О чем?

– О тебе.

– Не о чем нам с тобой разговаривать…

– Как хочешь.

Девушка резко замедляет шаг, извлекая что-то из сумочки. Я едва успеваю сообразить, что происходит.

Раздается выстрел. Второй. Третий.

Я ощущаю затылком сильный удар об асфальт, воспаленный мозг реагирует на него нестерпимой болью. Небо сворачивается в яркую точку, невыносимое сияние которой ослепляет меня…

0В

Тихое гудение системного блока успокаивающе действует на нервы, на экранах виртуального шлема – непроглядная чернота. Монитор также черен и пуст. Нажимаю «ресет» и, дождавшись сообщения BIOS об успешном включении машины, пытаюсь заново определить диски. Винчестеров в системе нет. Виктор мертв.

Я слава Богу, жив. В Глубине можно убить только компьютер.

Вполголоса матюгнувшись, выключаю питание машины и, стянув виртуальный костюм, заваливаюсь на диван. Сон приходит мгновенно.

Мирный морской прибой устало шелестит у моих ног, теплая вода осторожно касается ступней, словно боясь ранить. Небо чистое, но в воздухе неощутимо носится тревожное дыхание близкой грозы. Чайки, с тоскливым клёканьем кувыркаясь над волнами в каком-то мистическом танце, едва касаются крыльями темно-зеленой воды, взметая невесомую белую пену. Неожиданный порыв ветра толкает меня в грудь, приносит свежий запах моря и дождя. Я едва не задыхаюсь от этого прохладного дуновения.

– Хорошо, что ты пришел.

Голос, звучащий за моей спиной, мне не знаком, и я с удивлением осознаю, что ощущал чье-то теплое, отстраненное присутствие с первых мгновений моего пребывания на этом пляже.

– Пожалуйста, не оборачивайся. – Тихо говорит голос.

Я молчаливо соглашаюсь, вглядываясь в янтарно-зеленый горизонт. Темнеющие небеса безжалостно рассекают уходящие в бесконечность янтарные лучи падающего за призрачную черту морской глади солнца. Оно застыло в этом вечном падении, опустив в темную воду лишь нижний край сверкающего золотистого диска. Теперь я могу смотреть на него не жмурясь, горячий свет больше не ослепляет меня.

– Что это? – Спрашиваю я.

– Это мираж. – Раздается за моей спиной.

– Твой?

– Нет. Ничей. Он сам по себе.

Я беззвучно киваю, наблюдая за медленным танцем чаек над изумрудными волнами. Тот, кто стоит за моей спиной, тоже смотрит на воду и молчит. Он не ждет от меня никаких слов.

– Не стоит разбивать миражи. – Шепотом говорю я.

И мир – море, перламутровое небо, чайки – меркнет передо

мной, тает невесомым туманом, стремительно рассеиваясь в пустоте.

Вместо него остается лишь чернота.

Которую разрывает на части треньканье стоящего на столе телефона.

За окнами уже темно. Вечер? Ночь? Утро? Едва не свернув аппарат на пол, поднимаю трубку.

– Жив? – Раздается на том конце провода бодрый баритон.

– Да… Здравствуйте, Денис Вениаминович.

– Ну, здравствуй.

– Как… там? – Спрашиваю я, с трудом ворочая непослушным спросонья языком.

– Пока никак.

– А Олег? Что-нибудь известно?

– Ничего.

Я безуспешно пытаюсь разлепить свинцовые веки.

– Быстро только кошки родятся. – Успокаивает меня Денисов. – Ты курицу пожарил?

– Нет… Не успел еще…

– Разгильдяй. Давай, трудись, жизнь еще не кончается. Завтра перезвоню.

С этими словами он обрывает связь.

Усилием воли стараясь оторвать голову от подушки, набираю номер Олегатора. Может, все-таки дома?

Никто не берет трубку.

Поставив телефон обратно на стол, закрываю глаза и снова засыпаю. На этот раз без сновидений.

– Идиот!

Таким раздраженным я Денисова не видел еще никогда.

– Дайвер хренов! Кем ты себя возомнил? Если тебе говорят не соваться в Глубину, значит, соваться туда тебе нельзя. Ты понимаешь?

– Да, Денис Вениаминович. – Смущенно отвечаю я. Рядом с этим человеком я отчего-то всегда ощущаю себя ребенком. Сейчас я испытываю крайнюю неловкость и неудобство: сам позвонил, попросил о помощи и не выполняю данных мне указаний. Свинья, одним словом.

– Да ни хрена ты не понимаешь… – Устало говорит он. – Понимал бы – делал что говорят. Черт, ты хоть представляешь себе, какой опасности ты себя подвергал?

– В Глубине?

– Нет, ты точно дурак. Зациклился на своей Глубине, как…

Он машет рукой, даже не пытаясь подобрать нужного слова. С силой придавливает окурок в пепельнице.

– Пока ты болтаешься в виртуальности, твое тело совершенно беззащитно здесь, перед компьютером. Тебе могли взломать дверь, войти в комнату, и ты ни черта бы не услышал. После чего с тобой можно было бы делать все, что угодно. Все. Что. Угодно. Ясно, нет?

– Но ведь все же обошлось…

– Сейчас обошлось. В следующий раз не обойдется. Сколько тебе пообещали?

– Пятьсот тысяч долларов.

Названная мною сумма не произвела на Денисова ни малейшего впечатления.

– Запомни, парень: в этом мире легких денег не бывает. – Говорит он. – За все надо платить. Никто и никогда ничего не дает просто так. И если тебе сулят крупное вознаграждение, самое время задуматься: а, собственно, за что? Пуля иногда стоит много дешевле. Скорее всего, ты уже заранее покойник.

Денис Вениаминович допивает из стакана кофе и тяжело поднимается на ноги.

– Ладно, поехали.

– Куда?

– Узнаешь. Еще один вопрос – и получишь по морде. Собирайся быстрее, через десять минут жду в машине.

Белая «Волга» Дениса Вениаминовича неторопливо катится по дневному Питеру. Я, успокаивая нервы, курю в окно уже третью сигарету подряд, он, насупившись, молчит на переднем сидении. Водитель тоже неразговорчив. «Волга» Проезжает по Средней линии Васильевского острова и сворачивает в ничем не приметный дворик. Пыль, примятый истоптанный газон, жухлый кустарник. Высокий металлический зеленый забор, по периметру которого натянута в четыре ряда на изогнутых штангах колючая проволока, мрачное, неухоженное, медленно разрушающееся кирпичное здание заводского типа с другой стороны. На воротах дешевая вывеска: «ОАО Электромашэнергострой».

Ворота медленно ползут в сторону, из невысокой будки с металлическим трапом появляется человек в сером камуфляже, на груди которого красуется небольшая черная нашивка с лаконичным словом «охрана». Вроде бы все вполне традиционно, однако на плече охранника виднеется короткий автомат с обрезанным стволом, а его неповоротливая, угловатая фигура однозначно говорит о том, что под нейлоновым комбинезоном скрывается прочный бронежилет. Чуть в стороне, подняв уши, за автомобилем внимательно следит умными желтыми глазами здоровенная немецкая овчарка.

Водитель протягивает охраннику какую-то бумажку, тот

мгновение внимательно изучает ее, заглядывает в салон, после чего, сделав разрешающий жест рукой, поднимается по трапу в свою кабинку, закрыв за спиной дверь. Ворота с гудением и скрежетом ползут на место.

Машина проезжает по узкому, асфальтированному, но плотно заваленному какой-то арматурой, старыми силовыми шкафами и прочим металлическим хламом дворику, и останавливается возле облупленного крыльца с проржавевшей крышей и прочной железной дверью. Денисов молча выходит из машины и несколько секунд возится с кодовым замком.

– Пошли. – Говорит он не оборачиваясь.

Мы входим в прохладный, просторный коридор.

Кабинет небольшой, но аккуратный, окна завешены белыми жалюзи, на стене висит позапрошлогодний календарь с какой-то полуобнаженной звездой. Тихо работает кондиционер. Под календарем, за покрытым лаком простым письменным столом, заставшим, наверное, еще хрущевскую эпоху, сидит, перекладывая какие-то бумаги, коренастый лысеющий мужчина в сером вязаном свитере, из-под которого выглядывает наружу расстегнутый воротник рубашки.

– Привел? – Он поднимает глаза. Взгляд хмурый, внимательный, оценивающий.

– Привел, – отвечает Денисов.

– Это хорошо. Тебя, Денис Вениаминович, Курашов искал.

– Спасибо. Где он?

– В тридцать третьей, у Глицевича.

– Если что – буду там.

С этими словами Денисов выходит, плотно закрыв за собой дверь. Человек за столом, не обращая на меня ни малейшего внимания, продолжает ворошить документы. Я, как дурак, стою посреди комнаты, не решаясь сесть без приглашения на стоящий у соседнего пустого стола свободный стул. В тишине помещения раздается дребезжащий звонок телефона, человек за столом угрюмо снимает трубку.

– Да? Да. Хорошо. Сейчас поднимусь.

Он собирает бумаги в аккуратную стопку, утрамбовывает ее о столешницу, после чего прячет их в ящик стола, который с хрустом закрывает на ключ. Стол остается девственно чистым.

– Подожди пять минут, – говорит он мне и уходит.

Потоптавшись в центре кабинета, я все-таки усаживаюсь за свободный столик. Заняться совершенно нечем и я начинаю разглядывать стены, однако вскоре это занятие мне надоедает. Вновь звонит телефон: на столе, за которым я сижу, их два – один самый обыкновенный, если не считать небольшой черной кнопки

на лицевой стороне, второй – уродливый и угловатый, на нем диска нет вообще. Оттрезвонив раз десять, телефон умолкает.

Проходит пять минут. Пятнадцать. Двадцать. Я начинаю нервничать. Когда мое состояние доходит до верхней точки кипения, дверь кабинета открывается и его хозяин, проскрипев каблуками по древнему паркету, усаживается обратно за свой стол.

– Акимов Владислав Сергеевич? – Задает он полувопрос-полуутверждение, неприветливо припечатывая меня взглядом к стулу и расположив сцепленные замком руки перед собой.

– Я.

– Алексей Анатольевич. – Представляется в ответ он. – Образование?

– Высшее техническое.

– Что заканчивал?

– Бонч-Бруевича. Институт связи… – Зачем-то добавляю я после непродолжительной паузы.

– Я в курсе. Компьютерами увлекаешься?

В течение четверти часа он задает вопросы о моей семье, работе, вкусах, привычках, хаотично перескакивая с темы на тему и периодически интересуясь то установленным на моей домашней машине программным обеспечением, то успехами в давно минувшей учебе. Спустя двадцать минут, когда некоторые, ничего не значащие на мой взгляд вопросы начали повторяться по второму кругу в различных формулировках, этот своеобразный допрос стал меня понемногу утомлять.

– Ладно, – неожиданно останавливается он, хлопнув ладонью по столу, – теперь постарайся ответить серьезно и хорошо подумав: кто поручил тебе залезть в офис «Нетлана»?

– Понятия не имею.

– А подробнее?

Тяжело вздохнув, начинаю пересказывать всю историю с самого начала, успокаивая себя тем, что у меня не остается иного выбора. Второй раз попасть под пули очень не хочется. Алексей Анатольевич, так же как и Денисов несколькими днями ранее, слушает внимательно, время от времени уточняя различные детали. Сцену со свиданием в «Заоблачном» он мусолит особенно тщательно. Больше всего меня огорчило то, что мой собеседник не терпящим возражений тоном потребовал сдать ему во всех подробностях тщательно выверенную мною схему получения заказа. Возражать не было смысла.

– Отлично. – Произносит наконец он, когда я, выдохшись окончательно, замолкаю. – Во-первых, мне хотелось бы извиниться перед тобой за недавний инцидент.

– Какой инцидент? – Непонимающе хлопая глазами, переспрашиваю я.

– Тот самый.

– Так это…

– Я стреляла не в вас, я стреляла в лошадь. – Пародируя интонации экранной леди Винтер из старых «Трех Мушкетеров» с Боярским в главной роли, перебивает меня он. – Сильно напугался?

Я молча открываю и закрываю рот, словно вытащенная за леску из воды рыба. Подыши, рыбка, свежим воздухом. Тебе полезно. Противное ощущение того, что меня, выражаясь современным языком, немного «подставили», наполняет мой мозг изнутри нехорошим липким чувством.

– А вы напугались бы, если бы вам пальнули в спину из автомата? – Выдавливаю из себя я.

– Сомневаюсь. – Алексей Анатольевич улыбается.

– И зачем? – В моем голосе звучит плохо скрываемая злость.

– В силу необходимости. Слишком интересная пошла игра. Нехорошая. – Отвечает мой собеседник. – Если кратко, мне хотелось проверить твою реакцию, посмотреть куда ты дернешься, к кому побежишь за помощью. Любой человек на твоем месте начал бы суетиться. Это нормально. Сознаюсь, мера крайняя, экстремальная, но вынужденная. Более того: поначалу у меня было подозрение, что в исчезновении этой злосчастной улицы каким-то боком замешан ты. И я получил гарантию, что спасая свою жизнь, ты будешь со мной предельно откровенен.

Вот так-то. Получай, дайвер, по физиономии. Заслужил.

– Так значит, «Нетлан» был вашей конторой?

Алексей Анатольевич неторопливо кивает.

– Наши операторы следили за тобой с самого начала, с момента, когда ты заговорил с охранником. И решили тебя пропустить. Посмотреть, что ты будешь делать.

Любопытно. Выходит, я с такой легкостью проник в помещения «Нетлана» только потому, что мне решили не мешать. И «Витязь» у входа, был, скорее всего, не просто «Витязем». Наверняка имелось у него в арсенале что-нибудь покрепче резиновой дубинки.

– Надеюсь, я не нанес вам значительного ущерба? – Осторожно спросил я.

– Ни малейшего. Вся информация, хранившаяся в сейфе, была предварительно скопирована на внешние носители. Да и не представляла она никакой ценности. Твой клиент это отлично знал.

– Тогда зачем… – Начал было я, но смолк, окончательно

запутавшись.

– Не догадался еще, юный гений? – Улыбается Алексей Анатольевич. – Ну же? Все просто. Твой заказчик, то есть наш конкурент, всего-навсего хотел прощупать нашу реакцию на такое вот не слишком аккуратное и не очень профессиональное вторжение. Посмотреть на наши ответные действия. Использовав тебя в качестве пешки.

Я смачно выругался про себя. Алексей Анатольевич, улыбаясь, с интересом наблюдает за изменяющимся на моем лице выражением.

– Один вопрос можно? – Вяло поинтересовался я.

– Давай.

– Вы из ФСБ?

Мой собеседник слегка морщится.

– Не совсем. Скажем так… Соседи.

Понятно. Что ничего не понятно.

– И что же произошло с улицей Первых Дизайнеров? На физическом уровне?

– Это уже второй вопрос, – отвечает он, – но тебе, так уж и быть, скажу. На физическом уровне просто пропали все данные с дисков. Как корова языком слизнула: начисто. Словно после низкоуровневого форматирования. Удовлетворен?

– Не совсем. Давайте все по порядку.

Улыбка Алексея Анатольевича становится еще шире.

– Ого! Вижу, наш молодой друг уже оправился после эмоционального шока. Что же, давай по порядку. Чай будешь?

– Буду. – Кисло соглашаюсь я.

– Наливай себе сам. И заварку клади, у нас самообслуживание. Сахара нет.

Чай без сахара пить не могу категорически. Однако из уважения к хозяину кабинета наливаю себе кипяток из китайского пластмассового чайника в зеленую керамическую кружку. На поверхность всплывают какие-то щепки, которые я начинаю неторопливо размешивать алюминиевой ложечкой. Щепки упорно отказывались тонуть, крутясь хороводом в созданном мною маленьком водовороте.

– Как ты знаешь, – начал Алексей Анатольевич, громко отхлебывая из своего стакана, – Все комплектующие к современным персоналкам выпускаются либо в Штатах, либо на нашем континенте по американской лицензии и на американском же оборудовании.

Я кивнул.

– Простите, Алексей Анатольевич, – прервал его я, – у вас тут курить можно?

– Кури, – отозвался он, придвигая ко мне пепельницу. – Так вот, выпускаемые и на американских, и на азиатских заводах процессоры, микросхемы постоянной памяти, материнские платы, имеют заводские серийные номера. Спецификации BIOS и систем команд процессора, не говоря уже об их внутренней архитектуре, большая часть которой является предметом коммерческой тайны фирмы-изготовителя, занимают огромные тома документации. И эти спецификации далеко не исчерпывающи. Говоря иначе, то, что доступно разработчикам программного обеспечения и прочей ерунды – лишь надводная часть айсберга. А вот под водой скрывается очень много всевозможных интересных вещей. Например, базовые системы компьютера при подключении к сети могут самостоятельно осуществлять двусторонний обмен данными с неким удаленным информационным центром, идентифицируя себя по серийному номеру комплектующих. Передано может быть все, что угодно, от списка установленных на твоих жестких дисках программ до некоторых отдельно выбранных файлов и каталогов. Догадываешься, кому это может быть интересно?

– Догадываюсь. – Мрачно отозвался я. – Американской разведке.

– Не только. – Кивает Алексей Анатольевич. – Но вывод, в общем-то, верный. Американским военным это тоже весьма на руку. Ты невнимательно меня слушал: я сказал, что обмен

данными осуществляется по двусторонней схеме. Иными словами, твоя машина также может принимать информацию, например, некоторые команды и директивы, соответствующим образом обрабатываемые процессором. Заблокировать работу системы, отформатировать винчестер…

– Принцип «задних дверей», – сказал я.

– Он самый. Тебя никогда не удивлял тот факт, что выпущенное за рубежом новое программное обеспечение настоятельно требует, чтобы его устанавливали на машины, поддерживающие новейшие технические средства, хотя сами эти приложения никак их не используют? Таким образом весьма эффективно стимулируется переход пользователей на современную аппаратную базу. Без этого программу просто не выпустят на рынок. Например, графическому редактору совершенно не нужно, чтобы твой компьютер поддерживал программное управление питанием, но зато по команде с удаленного сервера с помощью этой функции можно запросто спалить твой процессор.

Я с трудом переваривал услышанное. Слишком уж это было неправдоподобно. Слишком жутковато и страшно.

– Но ведь аппаратными средствами логическая структура компьютера далеко не исчерпывается. Существует и операционная система…

– Умница. – Кивнул Алексей Анатольевич. – Забавно, правда: одна небезызвестная тебе фирма, основанная людьми, никогда не занимавшимися до этого бизнесом, неожиданно испытывает бурный взлет и без труда, в сжатые сроки становится едва ли не монополистом на рынке операционных систем, причем, заметь, во всемирном масштабе. Получилось бы у нее это без государственной поддержки, как ты считаешь? А что должна делать в качестве ответной любезности эта фирма, заимев столь мощную «крышу»?

– Но ведь их многократно пытались разделить, в том числе через суд, были крупные скандалы…

– Вот именно поэтому ни у кого ничего не получилось. Наивные американские судьи просто не знали, с кем связались. Да и самой компании это только на руку: все подозрения после очередного такого шумного скандала как-то сами собой отпадали. Вот смотрите, национальный антимонопольный комитет не дает нам покоя, государство нас прижимает к ногтю… И общественное мнение уже на стороне пострадавшего. Уверен: большая часть всех этих разборок была спровоцирована самой корпорацией… В самом деле, Влад, зачем распространять какие-то вредоносные вирусы, пытаться обойти операционную систему,

когда сама система, стремительно распространившись по всему миру, может прекрасно выполнять функции и сторожа, и шпиона, и, если нужно, убийцы пользовательской машины? Все гениальное просто. Пару сотен лишних килобайт кода, и ты получаешь тотальный контроль над человечеством.

– Но ведь любой хакер, взломав операционку, сможет вычленить все эти недокументированные фрагменты программ…

– И тут же попадет под суд за нарушение законодательства. Кто ему поверит? Он преступник, вор, вредитель. Быть может, он сам дописал эти модули, дабы опорочить честное имя фирмы. Длительное тюремное заключение – вот все, чего он добьется.

Да уж. Если верить Алексею Анатольевичу, дела складываются совсем печально. Выходит, сидя за своим компьютером в виртуальности, я постоянно находился под чьим-то невидимым присмотром, и вежливый, услужливый Виктор молчаливо работал на два фронта, отсылая данные о моих действиях какой-то бездушной анализирующей программе, внимательно оценивающей происходящие со мной в Глубине события. Неприятно. Очень неприятно.

– Одного не могу понять, – начал я, отхлебывая уже порядком остывший чай, – почему в таком случае ушел со своего поста тот, с чьего молчаливого согласия заварилась вся эта каша?

– Ну явно не из-за того, что получил кремовым тортом по физиономии, – улыбается Алексей Анатольевич. – Между нами, он не ушел. Его ушли. Эта контора уже давно не принадлежит своим номинальным владельцам. Что-то не поделили они с военными…

В кабинете повисает мрачная тишина. Тихо гудит кондиционер.

– Мы уже лет десять как не выпускаем собственной вычислительной техники, – неожиданно прерывает свое молчание Алексей Анатольевич, – пользуемся западными образцами. Понимаешь, чем потенциально опасна такая ситуация?

– Военные системы тоже под контролем? – Вяло интересуюсь я.

– Нет, – смеется мой собеседник, – все оборонные комплексы работают на отечественной аппаратуре. Огромные гробы, позавчерашний день, но зато свои. Понемногу строятся и новые системы, но процесс идет медленно: одни элементы выпускались в Белоруссии, другие на Украине…

– Тогда не понимаю.

– Вспомни, как американцы бомбили Югославию.

Я напрягаю память.

– Аэропорт… Потом, кажется, передающие центры и

телевидение… Заводы… Мосты…

– Верно. Они целенаправленно разрушали инфраструктуру государства.

Кажется, до меня понемногу начинает доходить.

– Вы хотите сказать, что практически все бухгалтерии, системы пейджинговой и сотовой связи, гражданский транспорт, вычислительные центры предприятий…

– …работают на американских компьютерах. – Заканчивает за меня он. – Разрушить буквально все у них ракет не хватит, слишком большая территория. Да и системы ПВО у нас по сравнению с югославами пока еще на уровне. Чересчур дорого обойдется. А вот вывести из строя всю эту кухню изнутри – дело нескольких минут. Как тебе картинка?

Картинка получалась безрадостной.

– Значит, мой заказчик… Тот, с кем я встречался в ресторане…

– Скорее всего, американские спецслужбы. Проверим.

– И исчезновение улицы Первых Дизайнеров…

– Очень похоже. Любое оружие надо испытывать. В условиях, так сказать, приближенных к боевым. Хотя есть тут много неясностей. Во-первых, зачем они все это устроили тогда, сразу, отправив тебя к нам. Не похоже это на продуманную акцию. Крайне не похоже. Во-вторых, кто та самая девушка с пистолетом и почему вчера тебя дважды пытались убить в Глубине. В-третьих…

– Зачем вы мне все это рассказываете? – Не слишком-то вежливо обрываю его я.

Алексей Анатольевич осекается, пристально смотрит мне в глаза.

– Затем, что теперь ты работаешь с нами. По-моему, это было очевидно с самого начала.

– У меня нет компьютера.

– Зато у нас они есть. Мне бы хотелось, чтобы ты всегда был… Под рукой.

«Под присмотром» – поправляю его про себя я. Вот так. Значит, из здания меня не выпустят. Заимели спецслужбы ручного дайвера. Блин…

– И исходя из каких соображений я стану с вами сотрудничать? – Стараясь придать голосу максимум уверенности, спрашиваю я. По-моему, получилось не очень правдоподобно.

– Исходя из соображений собственной безопасности. Извини, Влад, у меня есть только кнут. Пряников не завезли в силу экономического кризиса. В конце концов, ты сам влез во все это дерьмо. Никто тебя насильно не тянул.

С минуту я напряженно размышляю. Кажется, выбора мне просто не оставили.

– Алексей Анатольевич, – осторожно начинаю я, – мне хотелось бы узнать насчет Олегатора…

– Кого?

– Олега Дукатова.

– А, вот ты о чем. Пойдем.

С этими словами он поднимается на ноги и жестом предлагает мне следовать за ним.

Олег сидит за компьютером, закинув ноги на заваленный дискетами стол и читает книгу в пестрой глянцевой обложке. Рядом с развороченным системным блоком его персоналки монотонно жужжит мой винчестер, небрежно брошенный на старую газету.

Я присматриваюсь к названию книги, которую Олежка держит в руках. Хороший роман. Мне самому нравился этот автор, первым в нашей стране написавший произведение, которое вскоре стало поистине культовым среди людей, так или иначе связанных с компьютерами. Безусловно, я был в восторге далеко не от всех его работ, но выбор Олега пришелся мне по душе.

– Ну что, удалось определить, чем стреляли в твоего приятеля? – С порога обратился к нему Алексей Анатольевич.

– Тоже мне, геном Ньютона… – Не отрываясь от книги, ворчит в ответ Олег.

– Бином, – мягко поправляю его я. Олегатор поднимает глаза и на его физиономии отражается смешанное с радостью удивление.

– И ты здесь?

– Все тут будем. – Мрачно предрекаю я. Алексей Анатольевич отвечает коротким смешком.

– И все же? – Спрашивает он Олега. – Что это было?

– «Мальдея», – неохотно откликается тот, – вирус, между прочим, не подпадающий под московскую конвенцию. Весьма редкая пакость. Где-то через полчаса некоторые данные удастся спасти, но винт все равно придется выбрасывать.

– Крепко тебя приложили, – подмигивает мне Алексей Анатольевич, – за что это она тебя так?

– С руками небось к бабе полез, – высказывает свое предположение Олегатор, – она его и уделала. За сексуальные домогательства.

– Ладно, общайтесь, – произносит Алексей Анатольевич, – я через полчасика загляну.

Сказав это, он разворачивается и уходит.

– И как же твоя работа? – Спрашиваю я, усаживаясь на стол

рядом с мерно журчащим компьютером.

– Отпуск оформил за свой счет. На месяц. Они подсуетились, ну и отпустили меня без проблем.

– Слушай Олежка, прости, что я втянул тебя во все это…

– Да ладно. – Отмахивается он. – Обещали компенсировать упущенную прибыль, на машине возят, кормят, опять же, бесплатно… Работа интересная… Все нормально. Слышал, чего сейчас в Глубине творится?

– Нет. – Честно отвечаю я.

– Серьезно? Вся полиция Диптауна на ушах стоит. Один твой… Коллега… Активизировал в виртуальности очень нехороший вирус. Теперь вот ловят, аж с ног сбились… Странное там что-то происходит, Влад, – как-то сразу помрачнев, тихо говорит он, – очень странное. Не нравится мне все это.

Уж в чем – в чем, а в этом я вынужден с ним согласиться.

– Не жмет?

Алексей Анатольевич заботливо поправляет застежку виртуального костюма на моем плече. Костюм хороший, «микротек» последней модели, с активными сенсорными датчиками и встроенной термосистемой. Компьютер, к которому тянется толстый жгут проводов от вмонтированного в пояс пластикового разъема, тоже неплохой: «пентиум-три», семьсот мегагерц, двести пятьдесят шесть мегабайт оперативки. Кризис, говорите?

На экране пятнадцатидюймового монитора отображается малознакомый оконный интерфейс с широкой, непривычной глазу панелью задач.

– «Линукс»? – Киваю я в сторону машины.

– Он самый. Русский «Блек кат» с перекомпеллированным ядром. Работал с ним раньше?

– Нет.

– Ничего, привыкнешь. Значит так: эта машина теперь твоя. Интерфейс настроишь по своему вкусу, если будут проблемы, позовешь Олегатора или Диму, он сидит в соседней комнате. Сейчас можешь войти в Глубину и болтаться там, сколько влезет, таймер установлен на двадцать четыре часа. Основная задача – освоиться с машиной и привыкнуть к костюму, чтобы потом не было неожиданностей. Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ командир! – Щелкнув каблуками, издевательски отбарабанил я.

– Подполковник, – поправил меня Алексей Анатольевич, – кончай паясничать, не в цирке. Здесь все называют меня по имени-отчеству, чего и тебе советую. Все, действуй.

Он сунул мне в руки блестящую черную полусферу виртуального шлема и удалился.

Я устало уселся за клавиатуру, протер ладонями глаза, взъерошил волосы. Неужели все это на самом деле происходит со мной? Ерунда какая-то… Попала песчинка в камнедробильную машину. Самое неприятное заключается в том, что я теперь совершенно не представляю себе, как из всего этого буду выкручиваться. Если даже меня рано или поздно отпустят на все четыре стороны, в чем, честно говоря, я уже начал слегка сомневаться, на моей дайверской карьере можно смело ставить большой и жирный крест. То, что теперь за мной будут вежливо и деликатно приглядывать до конца дней моих, обсуждению даже не подлежало. Разве что наняться спасателем в какой-нибудь

паршивенький игровой центр и вытаскивать время от времени загулявших в виртуальности чайников. Или пописывать по вечерам скучные статьи в электронные журналы, сидя в семейных трусах перед клавиатурой дешевенького компьютера и стряхивая пепел в переполненную с позавчерашнего дня окурками и пивными крышками пепельницу… От одного осознания столь ослепительных перспектив меня начало понемногу мутить.

Щелкнув мышью, я вызвал на экран изображение симпатичной голубоглазой девушки с длинными, вьющимися каштановыми волосами. Очаровательное личико, приятное, но без изысков, щечки с ямочками, губки бантиком. Девушка улыбается, глядя на меня с той стороны толстого непрозрачного стекла.

– Ну, и как мне тебя называть? – Тихо говорю я.

– Еще, пожалуйста. – Вежливо просит машина.

– Иди ты к черту. Дура полупроводниковая…

– Спасибо, достаточно. Ваш голос идентифицирован. – Девушка улыбается еще шире, показывая ровные белые зубы. – Я готова к работе, Владислав.

– Ну и прекрасно. – Отвечаю я, надевая шлем. – Погружение.

– Выполняю.

Все краски вселенной одновременно брызнули мне в лицо, размывая мое сознание ослепительным вихрем. Кожаная подкладка шлема исчезла, вместо нее образовался яркий водоворот, куда меня стремительно затянуло несуществующим бесконечным движением. Несколько секунд я обреченно падал в пустоту.

Потом наступила Глубина.

Моя комната в виртуальности осталась без изменений: стол, компьютер, диван, окно, призрачный зеленый свет льется внутрь из-за неплотно прикрытых штор. Только вот я немного изменился.

– Все в порядке, Владислав?

Девушка, которая теперь внимательно смотрит на меня с развернутого в пол оборота экрана, исключительно предупредительна и заботлива. Иначе она не умеет.

– Да, спасибо.

Первый раз в жизни вхожу в Глубину под невидимым, неощутимым присмотром. За мной, конечно же, следят, и от этого становится нестерпимо тошно. От безысходности и невозможности что-либо изменить хочется плакать и биться головой в равнодушные стены. Теперь я утратил свободу. Кажется, уже навсегда.

Подхожу к зеркалу, гляжу на свое отражение, кисло

взирающее на меня оттуда, из зазеркалья. Я в своем основном теле, но оно, видимо, подверглось небольшой модификации: кожа приобрела какой-то нездоровый матовый оттенок, глянцево поблескивающий в мягком свете настенного бра. Осторожно прикасаюсь пальцами к собственным щекам – может быть, показалось?

– Автономная антивирусная защита, – комментирует мои действия машина, – способна обезвредить более ста двадцати тысяч известных вирусов. Библиотеки ежемесячно обновляются.

Ага. Значит, программисты все же немного повозились с моим виртуальным образом. Что же, неплохо. Хотя я вполне мог бы обойтись и без этого.

Карман джинсов оттягивает какой-то незнакомый, непривычный груз. Протягиваю руку – и моя ладонь натыкается на шероховатую, рифленую рукоять револьвера. С интересом верчу оружие в руках: маленький барабанный шестизарядник с хищным, коротко обрезанным стволом. Дуло широкое, мушка крошечная и едва заметная на вороненой стальной поверхности, с дальнего расстояния наверняка промахнешься. Но точность, подозреваю, здесь и не требуется.

– Набор из шести боевых нефатальных вирусов, – менторским тоном профессионального экскурсовода продолжает комментировать компьютер, – новые программные модули автоматически подгружаются по мере расходования базового боекомпле…

– Замолкни. – Обрываю я этот поток электронного самосознания.

– Как хочешь, – обиженно соглашается машина.

Смотрю на свое отражение, неуверенно сжимающее пистолет в руках. Агент ноль-ноль-семь. Гроза американской разведки. Урод, блин. Угораздило же идиота…

Подхожу к противоположной стене и открываю пластиковые дверцы стенного шкафа. На вешалке среди прочей одежды висит просторный черный пиджак, под которым одиноко болтается небольшая наплечная кобура. То, что надо. Надев кобуру и прикрыв ее сверху пиджаком, убираю туда пистолет, осторожно зафиксировав удобную застежку. Сойдет.

– Пойду, подышу свежим воздухом, – бросаю я притихшему компьютеру.

– Когда вернешься?

– Часа через два.

Черт, отчего-то с самого начала я стал относиться к этой машине с холодным, равнодушным недоверием. Так дело не пойдет. Если вдруг в экстренной ситуации мне понадобится

помощь компьютера, я должен буду положиться на него на все сто. Иначе возможны неприятности. А как я смогу довериться машине, к которой даже обращаюсь безлично-отстраненно, всячески избегая в своей речи любых эмоциональных оттенков? Слишком уж я привык к услужливо-вежливому Виктору.

Надо срочно придумать этой обаятельной персоналке имя. Только вот какое? Машина… Машина… Машина.

– Если ты не против, я буду называть тебя Машей.

– Как угодно. – Безропотно соглашается компьютер.

Вот и отлично.

Закрыв за собой дверь, направляюсь к гостеприимно распахнутым дверям скоростного лифта. Внизу меня ожидает Диптаун.

Внизу меня ожидает неизвестность.

Я переступаю порог «Тима и Деззи» и моим глазам предстает неожиданная картина: за одним из столиков сидит Эдгар, смеется, призывно машет мне рукой. Рядом с ним, закинув ногу на ногу, неторопливо потягивает коктейль обаятельная девушка в весьма выразительном, но отнюдь не вызывающем мини, Эдгар что-то говорит ей вполголоса, склонившись к самому уху, она смотрит в мою сторону, улыбается. Отчего-то до этого момента я совершенно не мог представить себе Лорда с девушкой, а тем более – смеющегося Лорда. Слишком уж он чопорен и серьезен. В каком-нибудь увитом плющом родовом поместье, чем-то напоминающем древний средневековый замок, образ Эдгара смотрелся бы куда естественнее, чем за столом небольшого уютного кафе в компании симпатичной юной особы. Хотя – кто знает? Жители виртуального мира редко открывают друг другу подробности своей реальной жизни. Быть может, на самом деле Эдгар как раз и обитает в таком поместье-замке с седым, старым, как само это поместье, дворецким – обладателем пышных бакенбард, с развешанным по стенам старинным оружием и с привидениями. Непременно с привидениями.

Киваю Лорду и его спутнице, подхожу к стойке бара и легонько бью ладонью по укрепленному на ней круглому металлическому звонку. Из-за занавески возникает улыбающаяся Джессика, при виде меня на ее лице появляется плутовато-игривое выражение.

– Доброе утро, сэр, – приветствует меня она, – снова будете заказывать ваше любимое блюдо – яичницу в кредит?

У нас уже давно вечер, но я лишь улыбаюсь ей в ответ, не желая облекать собственное приветствие в соответствующую словесную форму. В несуществующем пространстве, где локальные временные границы раздроблены и смыты, подобные

слова не значат почти ничего.

– Здравствуй, Джесси. – Стараясь придать своей физиономии серьезное выражение, какое, по моему мнению, и приличествует степенному посетителю виртуального бара, говорю я. – Я хотел бы заказать небольшую порцию свежих шуток и пару кружек твоего фирменного искрящегося юмора.

– О! – Джессика в притворном удивлении поднимает брови. – Неплохо сказано! Извините, мистер Шекспир, шутки в кредит не отпускаем. Что-нибудь еще?

За моей спиной появляется несколько человек в коротких шортах и цветастых гавайских рубахах навыпуск. Двое, в нелепых песочно-желтых шляпах, чем-то напоминающих пробковые тропические шлемы, начинают, перебивая друг друга, обсуждать предлагаемый в баре ассортимент выпивки, третий, с огромным фотоаппаратом на груди, сосредоточенно копается в бумажнике. Оценив коротким взглядом эту импровизированную очередь, я решаю про себя, что балаган пора сворачивать.

– Если не трудно, Джесси, бутылку «Кристалла», пустой бокал, тоник и две порции соленой осетрины. Спасибо.

Джессика морщится, но все же снимает с полки прихотливо выгнутую у горлышка водочную бутылку, протирает ее полотенцем и выставляет на стойку рядом с запотевшим от холода тоником и блюдами с аккуратно выложенными и присыпанными свежей зеленью ломтиками красной рыбы.

– Поль, у меня есть хороший знакомый в клубе анонимных алкоголиков, – хитро и немного сочувственно косит она глазом в мою сторону, – могу на всякий случай оставить его телефон.

– Благодарю, Джесси, но, боюсь, это лишнее. – С горечью в голосе отвечаю я. – Я неизлечим. К тому же у меня вполне традиционная половая ориентация, потому твой знакомый вряд ли вызовет мой интерес.

Джессика тихонько порскает в кулачок, а я, с трудом разместив свой заказ в руках, направляюсь к Эдгару и его приятельнице. Сегодня мне на удивление непереносимо хочется напиться в хлам. Виртуальная выпивка опьяняет не хуже реальной – сознание мгновенно реагирует на условное попадание в организм алкоголя, вызывая из глубин памяти полный спектр соответствующих ощущений и охотно затуманивая мозг вязким хмельным дурманом. Даже после выхода из Глубины после длительной посиделки за «чашечкой коньяка» чувство заметного опьянения проходит далеко не сразу.

От настоящей водки нарисованный «Кристалл» отличает лишь одна существенная черта: после него не бывает похмелья.

– Привет, – говорю я, усаживаясь за столик.

– Привет, – пожимает мою руку Эдгар, – знакомься, это Юлия. Моя боевая подруга в виртуальности… и не только.

– Влад, – коротко представляюсь я. Русское имя девушки заставляет меня слегка задуматься. Намек Эдгара на то, что они знакомы вне Глубины, наводит на невольную мысль, что я, возможно, немного ошибся, сходу записав моего нового приятеля в англичане. Хотя… Мало ли сейчас за границей наших?

– До твоего прихода мы как раз обсуждали некоторые особенности психики виртуальщиков, – говорит мне Лорд и оборачивается к своей спутнице, – у Влада весьма любопытные, и, я бы даже сказал, нетривиальные суждения по многим занимательным вопросам. Его очень интересно послушать.

– Да брось ты… – Смущенно отвечаю я, наливая себе водки на дно бокала. Предлагаю «Кристалл» Эдгару но тот жестом отказывается, демонстрируя покоящуюся перед ним на столе почти полную бутылку «мартини». Стоящий перед Юлией стакан наполовину наполнен джином, в нем медленно тают прозрачные кубики льда.

– Мы говорили о том, – начинает она, – что каждый из нас приходит в Глубину не просто так. Человек не может приобщиться к виртуальности без какой-то скрытой, внутренней причины, что-то в его душе должно гармонировать с этим миром, соответствовать ему, вступать с ним в резонанс, иначе мы просто не смогли бы здесь существовать…

– Юлия хочет сказать, – вступает в диалог Эдгар, – что без человека киберпространство представляет собой лишь несущиеся по проводам массивы двоичных чисел и потоки машинного кода. Чтобы вдохнуть в него жизнь, дать ему краски, силу, сделать виртуальность реальностью, необходим наш разум, наша душевная теплота. Но при этом она утверждает, будто для этой высокой цели годится разум далеко не всякого человека.

– Ты обобщаешь, Эдик, – хмурится Юлия, – я имела в виду лишь то, что сюда приходят люди, чье сознание обладает определенной гибкостью и способно быстро адаптироваться к виртуальной реальности.

Эдик? Значит, все-таки русский?

– Постойте, – говорю я, – по статистике в Диптауне постоянно пребывает около двадцати миллионов человек. Как ты считаешь, Юля, сколько процентов из них начисто лишено фантазии? И сколько процентов наделено негибкой, закостенелой психикой? Быть может, каждый из нас всего-навсего находит в Глубине что-то свое, что-то глубоко личное, и восприятие виртуальности у всех сугубо индивидуально?

– Кто-то видит сыр, а кто-то бутерброд с сыром… – Бормочет

вполголоса Эдик.

– Согласна, – кивает Юлия, – однако вряд ли ты станешь спорить с тем, что за последние пять-шесть лет в обществе с чисто социальной точки зрения наметился весьма любопытный раскол, который ширится с каждым днем. Виртуальщики, люди, постоянно посещающие Глубину, выделились в некую замкнутую касту, куда консерваторам-реалам входа нет. Они создали свою субкультуру, свой сленг, свой эпос, свои анекдоты, своих героев и антигероев. Не удивлюсь, если через пару лет они выдумают собственный гимн и потребуют независимости. Глубина разобщает человечество, разводит их по разные грани реальности. Разделяет на тех, кто здесь и на тех, кто – там. А слышали ли вы, что говорят о своих супругах жены виртуалов?..

– Позволю себе возразить, – охотно отвечаю я, – все то же самое было характерно и для довиртуальной эпохи. Люди также делились на компьютерщиков и всех остальных, просто сейчас эти противоречия многократно обострились. Думаю, ты не права: Глубина не столько разобщает, сколько объединяет. Просто она объединяет людей со схожими интересами.

– За Глубину, – поднимает свой бокал Эдгар.

– За Глубину, – подхватывает его тост Юлия.

Водка хорошая, она проходит в горло легко и без затруднений, в нос бьет терпкий, но не отвратительный запах спирта. Протягиваю руку к блюду, закусываю рыбой, затем достаю сигареты и закуриваю.

– Наверное, этот мир и прекрасен тем, что каждый может отыскать здесь недостающую частичку себя, – задумчиво говорит Юлия. – Ученый отправится ставить опыты в виртуальную лабораторию, сексуально озабоченный подросток пойдет набираться жизненного опыта в публичный дом, а дурак будет сутками сидеть в сквере с такими же дураками и травить древние анекдоты под пиво с воблой…

– Ты слишком критична к окружающим, – мягко останавливает ее Лорд, – если Господь не дал кому-то ума или ограничил его интересы анекдотами и пивом, не стоит винить в этом самого человека.

– Существует еще и элементарная, заложенная самой природой мудрость, – парирует его довод Юля.

– Мудрость при отсутствии ума? – Задумчиво повторяю я, затягиваясь сигаретой. – Мне кажется, определенное рациональное зерно в этом есть. Если обратиться к славянскому эпосу и вспомнить главного героя русских народных сказок… Хотя, полагаю, мудрецы-иваны-дураки в наши дни все же перевелись. Остались мудрецы. Иваны. И дураки.

– Одна из наиболее ярких черт русского характера – потрясающе трезвый взгляд на окружающую действительность и непревзойденная самокритичность. – Подмигивая мне, улыбается Эдгар.

– С чего ты взял, что я русский? – Смеясь, спрашиваю я.

– Только русский человек может столь грамотно хлестать водку, да еще и в таких количествах, ничуть не опасаясь при этом за свое здоровье. – Эдик кивает в сторону стоящей рядом со мной бутылки.

– Со стороны виднее? – Поддеваю его в ответ я. Эдгар пожимает плечами:

– Я наполовину латыш, наполовину эстонец, но тоже живу в России. Однако водку пить так и не научился.

Юля, наблюдая за нами, тихонько хихикает.

– За мудрецов? – Спрашивает она, отрывая от стола свой джин. Лед уже почти растаял.

– За Иванов, – соглашается Эдгар.

– За дураков. – Заканчиваю я, мимоходом подумав, что пить за самого себя, наверное, не слишком-то пристойно.

Водка разливается по организму приятным теплом, в голове начинает тихонько шуметь. Эдгар крутит в руках опустевший бокал, его спутница с рассеянным видом жует похищенную с моего блюда осетрину. Я курю.

– Мне кажется, что очень многое о человеке может сказать то, при каких обстоятельствах он впервые осознал Глубину, – тихо говорит Юля. – Знаете, в тот день я сидела на лекции по истории и слушала рассказ о восточных религиях. И вот, когда преподаватель завел речь о буддизме, в аудитории прозвучала фраза, поразившая меня до глубины души, встряхнувшая меня, словно разряд электрического тока: «в каждом пространстве своя энергия»… Мне много раз доводилось слышать нечто подобное, но только тогда я впервые связала эту философскую истину с виртуальностью. Энергия виртуального мира – вот что влечет сюда меня, да и, наверное, всех, кто так или иначе может причислить себя к обитателям Глубины.

– Я иногда думаю, что многие из нас вообще не могут помыслить себя вне виртуального пространства, – с какой-то грустью в голосе говорит Эдгар, – находясь здесь, в этом уютном мире, иногда ловишь себя на мысли, что тебе страшно не хочется возвращаться домой…

Юлия смотрит на Эдика каким-то теплым, заботливо-успокаивающим взглядом, и я начинаю ощущать, что эти двое знают друг о друге нечто, что никому другому знать не дано, что этих людей связывает какая-то прочная, незримая нить,

состоящая из более крепкого и тонкого материала, нежели простое общение на отвлеченные темы двух заинтересованных друг в друге людей.

– Может быть, на некоторых из пользователей дип-программы Глубина влияет чуть сильнее, чем на остальных, – говорит она, – и они погружаются в дип несколько глубже, чем я, или, например, вон тот парень в ковбойке…

– Дип действует на подсознание всех людей одинаково, – качает головой Эдик, – это научно установленный факт. Есть, конечно, так называемые дайверы, но это, по-видимому, просто красивая легенда.

– Ты веришь в дайверов, Влад? – Обращается ко мне Юля.

– Нет. – Отвечаю я. – Я верю в Глубину.

В тишине бара раздается короткий мелодичный всплеск гитары. Мы оборачиваемся на звук. Парень в ковбойке, о котором говорила Юлия несколько секунд назад, осторожно настраивает лежащий на коленях инструмент. Я наливаю в свой бокал, мы чокаемся и молча выпиваем. Под потолком разливается хрустальный перебор металлических струн, парень начинает петь.

Мне тяжело, и в тишине звенящей
Лишь звук шагов до хрипоты звучит,
И я завидую в никчемном настоящем
Тем, кто давно в безвестности почит.

Тем, кто ушел, не пережив утраты,
Всю жизнь ведя войну с самим собой,
Тем, кто ушел, не потерпев когда-то
Насилия над собственной душой.

И я ищу. Во тьме ищу спасенья
Вокруг меня несчастья, да беда,
И толпы – вечно жаждущих забвенья,
И спины – уходящих навсегда…

Хорошая песня. Как раз под мое настроение. Еще не умолкли последние аккорды, но где-то в груди уже подул слабый сквознячок тихой беспричинной тоски.

– А пойдемте гулять? – Блестя глазами в полумраке кафе, говорит Юлия.

– А пойдемте. – Отвечаю я и поднимаюсь из-за стола.

Юлия бережно, деликатно берет Эдгара под локоть, и тот, слегка опираясь на свою извечную трость, увлекаемый ею,

направляется к выходу.

– Ты забыл на столе свой «Кристалл», – оборачивается ко мне она.

– И черт с ним, – говорю в ответ я.

Мы выходим на улицу и неторопливым шагом бредем по широким тротуарам, что-то неспешно обсуждая на ходу. Юля пытается доказать нам необратимость процесса повальной виртуализации человечества, Эдик вежливо возражает, приводя в качестве примера возникновение телефонной связи и телевидения, что в конечном итоге ничуть не повлияло на направление развития современной цивилизации. Я просто наслаждаюсь прогулкой.

Мы ступаем на неширокий проспект. Вдоль одной из его сторон тянется невысокий ажурный забор, из-за которого выглядывает наружу плотная стена густой зелени.

– Интересно, что это там? – Кивает в сторону непроницаемых для взгляда зарослей Эдик.

– Кладбище, – отвечает Юля, – еще одна придурь местных аборигенов. Хоронить в Глубине тех, кто ушел из нее навсегда. Недавно вот где-то на юго-западе Диптауна открыли кладбище для домашних животных. Я в газетах читала. Ты не слышал, Влад?

Я отрицательно качаю головой.

– Пойдемте, посмотрим? – С энтузиазмом предлагает Эдгар.

– Вот еще, – морщится Юля, – нашел развлечение. С детства не люблю кладбища.

Впереди, всего лишь в нескольких шагах, через кладбищенский забор стремительно перемахивает какая-то размытая тень. Мы останавливаемся на месте. Молодой сутулый парень в расстегнутой куртке и интеллигентных круглых очках, насколько я могу различить в теплых городских сумерках, пристально смотрит в нашу сторону, небрежно заступив нам дорогу.

– Доброй ночи, – вежливо говорит он.

И стремительно бросается на нас.

Юля, испуганно вскрикнув, прячется за спину Эдгара.

Я действую чисто рефлекторно, даже не отдавая себе отчета в том, что делает за меня мое тело.

– Замри.

В лоб паренька смотрит короткое дуло пистолета.

Парень отступает на шаг и, злобно оскалившись, издает какое-то сдавленное кошачье шипение. Я с любопытством разглядываю его бледное, нездорово-зеленоватое лицо, вернее, передние зубы нападавшего. Резцы заметно удлиненны,

гипертрофировавшись в острые, тонкие, как шило, клыки.

– Вампир, – коротко поясняет в пространство Эдгар, скорее заинтересованно, чем испуганно.

– Похоже на то, – соглашаюсь я.

Каждый житель Глубины сходит с ума по-своему. Кто-то сутками не вылезает из виртуальных боев на выживание, колотя пятками и шинкуя мечами в капусту неумолимых и бесстрашных противников, кто-то и впрямь бродит по виртуальным борделям, выпуская нездоровые эмоции в традиционных и не очень контактах. Кто-то пьет кровь. Однако в Диптауне наличествуют десятки, если не сотни замкнутых развлекательных и игровых серверов, в пространстве которых существование вампиров вполне допускается и где находят себе приют такие вот извращенцы. Причем подобные заведения отнюдь не пустуют: кому-то нравится быть охотником, а кому-то – жертвой. Полная свобода.

Тем не менее, в самом Диптауне я вижу вампира впервые в жизни. Наверное, парню просто захотелось острых ощущений и он решил немного поиграть в реальность, поохотиться на «живых» людей на улицах «настоящего» города. Забыв или просто не подумав о том, что он вполне мог напасть на ребенка либо просто на человека со слишком чувствительной психикой или слабым сердцем. Конечно, жертва не умерла бы от потери крови. Но психологическая травма была бы самой настоящей.

– Убери оружие. Я уйду.

Его голос звучит немного неестественно, слова доносятся до меня после непродолжительной паузы. Похоже, горе-вампир общается через программу-переводчик.

– А осиновый кол не желаешь?

Парень вновь ощерился и зашипел, точно политый водой раскаленный утюг. Понял.

– Да пристрели ты его на фиг, – советует из-за плеча Эдгара Юлия. Кажется, она все еще немного дрожит, окончательно не оправившись после столь увлекательной встречи. Впечатлительная девушка.

– Как скажешь, – отвечаю я и взвожу курок. Что-то необъяснимое, какой-то невидимый тормоз на уровне подсознания останавливает меня, не позволяет надавить на спусковой крючок. Не могу я выстрелить в безоружного человека. Даже в вампира.

Однако обстоятельства все решают за меня сами. Видимо осознав, что именно ему сейчас грозит, вампир стрелой бросается в сторону, и перекувырнувшись в воздухе, выпускает в меня несколько зарядов из крошечного дамского пистолета, который

до этого он, наверное, прятал где-то в одежде. Четыре пули отскакивают от моего тела, как горох от стенки, на пятый раз его оружие просто дает осечку. Что там говорили писатели о феноменальной ловкости вампиров? Кажется, они не врали.

– Зря, – говорю я и шесть раз нажав на курок, выпускаю в паренька содержимое барабана своего револьвера. Вспыхнув призрачным голубоватым пламенем, вампир на наших глазах мгновенно рассыпается в прах.

– Похоже, машину ему теперь придется выбрасывать. – Комментирует происшедшее Эдгар, задумчиво ковыряя ботинком оставшуюся на закопченном асфальте горстку жирного пепла. – Забавное у тебя оружие, Влад.

– Стандартный «бульдог», – нагло вру я, откидывая в сторону теплый еще барабан. В нос ударяет терпкий запах пороховой гари. Однако делать уже ничего не нужно: револьвер снова заряжен. – Обычная серийная игрушка, свободно продается во всех оружейных магазинах.

– Не совсем, – Эдгар поднимает на меня внимательные глаза, – это «клаймакс-пистоль» шестьдесят девятой модели. Я видел такие программы, Влад.

– Интересно, где? – Неохотно спрашиваю я, убирая револьвер в кобуру и уже заранее зная ответ.

– На вооружении полиции Диптауна. Правда, до сегодняшнего дня я не знал, что туда принимают наших соотечественников.

0E

На площади, куда вывел нас переулок, людно. Прохожие сидят на узких деревянных скамеечках, вполголоса разговаривают, смеются, прогуливаются по мощеному крупным булыжникам, обрамленному цветущими клумбами, словно красочным живым ожерельем, круглому пространству. Молодой парень в футболке и джинсах сосредоточенно читает книгу, расположившаяся неподалеку прямо на земле девушка со вкусом уплетает большое сине-зеленое мороженое. Тихая, идиллическая, успокаивающая картина, картина мира, в котором не существует ни боли, ни страданий, ни смерти, ни зла. По крайней мере, на первый взгляд.

Эдгар молчит, Юля тоже хранит молчание, время от времени испытующе глядя на меня. Что же, они приняли меня за сотрудника полиции. Теперь в наших отношениях неожиданно возникла какая-то неловкая, неудобная натянутость: не любят в нашей стране полицейских, ох как не любят. И мне не хочется их разубеждать, не хочется говорить правду.

Потому что правда – еще страшнее.

Мы создавали этот мир, кропотливо строили его в зыбкой пустоте, собирали по кирпичику, движимые лишь одной целью – обрести свободу. Свободу везде и во всем. Свободу от стылой реальности, с ее загаженными подъездами и заплеванными лифтами, с ее вечно протекающей канализацией и отсутствием горячей воды, свободу от усталых, изможденных и неприветливых лиц, встречающих тебя каждое утро в переполненном вагоне метро, свободу от необходимости верить только в собственные силы, добывая на завтра кусок хлеба и судорожно стараясь протянуть до следующей зарплаты. Свободу от реальности, в которой нам неожиданно стало тесно.

Боже, как мы были наивны! Мы верили в чудо, верили в то, что Глубина сделает нас лучше, а мир – чище, в то, что здесь мы освободимся наконец от тех комплексов и пороков, которые свинцовым грузом приковывают нас к земле, не позволяя нашим душам развернуться во всю свою ширь и творить, творить, творить тот рай, что сделает нас наконец счастливыми. Но мы ошибались.

Наша свобода оказалась миражом. Миражом, который рассыпается в прах, в жирный пепел на асфальте, от соприкосновения с той реальностью, что мы сами несем в себе. Нет ничего страшнее пропасти, в которую ты падаешь, попытавшись взлететь. Нет ничего страшнее миража, который

стал твоей жизнью, поскольку эта жизнь может мгновенно развеяться в пепел вместе с ним.

Мой взгляд рассеянно скользит по прохожим, осторожно касаясь их лиц. Высокий чернокожий парень в сдвинутой на затылок бейсболке ловко гоняет баскетбольный мяч, перебрасывая его троим своим приятелям, суетящимся вокруг; статная, красивая женщина прогуливается под руку с высоким плечистым мужчиной, чем-то напоминающим издалека молодого Ричарда Гира, стройная хрупкая девушка куда-то спешит мимо, сосредоточенно глядя перед собой, наши глаза на миг пересекаются, но она следует дальше, окинув меня лишь быстрым равнодушным взглядом.

Конечно, она не узнала меня.

Тогда, в офисе «Нетлана», я был в другом теле.

Но я хорошо запомнил эту фигуру, это лицо, этот взор, направленный в мою сторону сквозь прицел поднятого пистолета.

– Извините, – говорю я своим спутникам, и, чуть ускорив шаг, иду следом.

– Что-то случилось? – Встревожено бросает мне в спину Эдгар, но я не успеваю ответить, лишь неопределенно махнув рукой.

Быть может, я ошибся? Быть может, это тело девушки-подростка – одно из стандартных тел, поставляемых в комплекте с некоторыми малознакомыми мне программами, предназначенными для создания виртуальных образов? Сколько их, таких специализированных утилит? «Личина», «Морфолог», «Имидж», «Бодипайнт»… На любом интернетовском сервере, предлагающем разнообразный бесплатный софт, можно скачать десятки подобных программ. Очень может быть. Вполне вероятно, что я впустую трачу время, но я упорно иду вслед за удаляющейся хрупкой фигурой.

Я не умею следить. Ну какой из меня, к черту, «хвост»? Любой профессионал вычислил бы меня за несколько секунд. Однако девушка либо не является профессионалом, либо слишком увлечена собственными мыслями, чтобы следить за тем, что происходит вокруг. И это стократ облегчает мне задачу.

– Маша? – Тихо зову я.

– Да, Влад? – Доносится откуда-то голос моей машины.

– Копируй на диск образ девушки в синем платье и белой блузке, которая идет впереди меня.

Не знаю, зачем. Олегатор разберется.

– Выполнено.

Быстро. Хороший у них канал, мегабит десять в секунду, не меньше.

Девушка сворачивает в один переулок, затем в другой. Я не отстаю. Останавливается возле границы тротуара. Будет ловить такси? Для меня это чревато непредвиденными сложностями. Нет, просто оглядывается по сторонам и, выбрав промежуток между проносящимися по улице машинами, бегом пересекает ее, скрывшись за широкими стеклянными дверями высящегося напротив здания. Я смотрю на расположенную надо входом аляповатую рекламную вывеску, на которой аршинными буквами, по-английски, по-русски, по-французски и по-немецки выведена одна и та же сверкающая всеми цветами радуги надпись: «Миссия Судеб». И чуть ниже, более мелко: «Судьбы Галактики в твоих руках». Что это? Очередной развлекательный аттракцион?

Потом узнаем.

Неторопливо топаю дальше, с видом праздношатающегося туриста разглядывая витрины бесчисленных магазинов. Что-то богат этот день на неожиданные встречи… Около одной из витрин, за стеклом которой выставлены всевозможные безделушки для тех, кто заходит в Глубину на один раз из чистого любопытства, останавливаюсь, заинтересовавшись забавным маленьким сувениром. Внутри самостоятельно, без всякой видимой опоры висящего в воздухе тонкого серебристого кольца медленно вращается крупный, чем-то похожий на призму алмаз, сверкая и переливаясь расцвеченными изнутри яркими неоновыми красками гранями. Такой небольшой, лишенный всякой функциональной нагрузки, но эффектный и красивый файл можно запросто разместить на «рабочем столе» домашнего компьютера, и, с гордостью демонстрируя его друзьям, рассказывать о своем визите в это загадочное виртуальное пространство. Обычная анимированная трехмерная картинка. Но она притягивает взгляд, чем-то очаровывает и гипнотизирует зрителя, куда-то манит, увлекает, зовет… На мгновение мне даже начинает казаться, что я вижу собственное отражение в глубине драгоценного камня, отражение, размытое и смазанное бесконечными переливами дип-программы…

Встряхнув головой, отгоняю наваждение и иллюзия призрачного цветного водоворота пропадает. Я делаю шаг, чтобы следовать дальше, но в этот миг происходят сразу три события, мешающие мне осуществить собственное намерение.

Во-первых, моих ушей достигает вежливый голос Маши, сообщающей мне, что два часа, отведенные мною на прогулку по улицам Диптауна, только что истекли.

Во-вторых, я принимаю решение вынырнуть из Глубины и выпить чашку крепкого растворимого кофе.

В-третьих, откуда-то сверху доносится приглушенный треск,

на меня начинает сыпаться известь и мелкий строительный мусор, вслед за чем на мою голову с грохотом падает рухнувший с фасада здания, возле которого я сейчас стою, тяжелый бетонный балкон.

Я успеваю расслышать чей-то изумленный возглас и звон разбитого стекла.

Потом мое сознание медленно возвращается в реальность.

– Умирать в Глубине вошло у тебя в дурную привычку, Влад.

Молча пожимаю плечами. Мы сидим в тесной прокуренной комнатке, глядя друг на друга сквозь плотную завесу сизого сигаретного дыма. Алексей Анатольевич развалился в кресле, закинув ногу на ногу и пристально разглядывая меня сквозь прищуренные веки. Олегатор разместился напротив, уставившись куда-то в пол и задумчиво качая ногой в старой кроссовке.

– Может ли в Диптауне просто так, ни с того ни с сего, упасть на человека балкон? – Интересуется Алексей Анатольевич.

– Просто так – не может. – С уверенностью отвечает Олег. – Просто так не падает ничего и никогда, даже в Диптауне. Создается впечатление, что Влада кто-то целенаправленно убивает.

– Вот только кто? – Вновь задает вопрос Алексей Анатольевич.

– И зачем? – Вяло подхватываю я.

– Вы меня спрашиваете? – Сердито откликается Олегатор. – Спросите лучше у нашего дайвера. Или, например, у балкона. Может, скажет.

Мы не сговариваясь замолкаем.

– Удалось что-нибудь выяснить об этой девушке? – Нарушаю тишину я, доставая очередную сигарету.

– Пока только то, что это образ штучной работы, а не серийная штамповка. – Говорит Олег. – Причем нарисовано достаточно профессионально. Сейчас с ней Димка ковыряется. Работаем…

– А что с моим клиентом? – Не унимаюсь я.

– Идентифицировали, – кивает Алексей Анатольевич. – Роберт Спайлз, пресс-атташе генерального консульства США в Москве. Мы за ним понемногу приглядываем… уже несколько месяцев.

– Значит…

– Ага. Не бери в голову, Влад, это уже наша епархия.

Бог ты мой, как интересно.

– И что же вы мне теперь прикажете делать?

– То же, что и раньше, – улыбается Алексей Анатольевич, – искать улицу Первых Дизайнеров. В «Миссии Судеб». Возможно,

девчонка заглянула туда совершенно случайно, однако на сегодняшний день это единственная наша ниточка. Других пока, к сожалению, нет. Может быть, мы и размотаем клубок, а может быть, вытянем пустышку. Там будет видно.

– У меня создается впечатление, – говорю я, – что вы, Алексей Анатольевич, знаете об этой «Миссии» значительно больше меня.

– Только то, что можно почерпнуть на их официальном сервере в интернете.

– Я не знаю и этого.

– Вот Олег тебе и расскажет, – мой собеседник поднимается на ноги, – он более компетентен в таких вопросах. Я уже тысячу лет не играю в компьютерные игры.

* ЧАСТЬ ВТОРАЯ *

00

Мечта о возможном контакте с представителями иных цивилизаций являлась заветной для человечества на протяжении многих лет. Однако лишь в двадцатом веке, с появлением новых технологий и бурным развитием различных областей науки и техники она обрела реальную силу, приобретя черты едва ли не повальной эпидемии. Теория параллельных пространств, палеовизит, летающие тарелки… Людям всегда нравилось выдавать желаемое за действительное. Мы посылали в космос модулированные радиосигналы и анализировали приходящие от далеких звезд электромагнитные импульсы, безуспешно пытаясь вычислить среди электронного шума признаки чужого разума. Мы ждали и надеялись, мы верили и мечтали…

Когда иной разум пришел на нашу планету, человечество оказалось к этому не готовым. В небе не появилось огромных кораблей, в мгновение ока испепеляющих целые города, на центральных площадях мировых столиц не приземлились сверкающие звездолеты и из них не вышли зеленые гуманоиды в скафандрах, сжимая в волосатых щупальцах букеты цветов и разумные кристаллы с лекарством от рака. Иному разуму оказалось глубоко наплевать на жителей крошечного захолустного кислородного мира, расположенного на самом отшибе галактики, вдали от торговых магистралей и напряженных пассажирских трасс. Никакого стратегического значения эта планета также ни для кого не представляла. Она стала своего рода перевалочным пунктом для редких исследовательских кораблей, изучающих галактическую периферию – с единственной автономной базой, куда дай Бог один раз в астрономический год опускался транспортный орбитальный модуль, да и то управляемый автопилотом.

Они не скрывали от нас своих технологий – мы просто не смогли бы построить подобные двигатели, позволяющие осуществлять межзвездные переходы, у нас не было необходимых материалов, добываемых ими на других планетах, а экспортировать их на Землю никто не собирался. Все, чего добились люди – это несколько морально устаревших кораблей, которые были способны достичь ближайших звезд, если бы не развалились по дороге от старости.

Человечество разделилось на два противоборствующих лагеря. Одни считали, что свершившийся контакт есть вполне прогнозируемый и абсолютно закономерный этап развития земной цивилизации, из которого непременно следует извлечь

максимум возможной пользы. Другие полагали, что подобное вмешательство в жизнь планеты извне способно повлечь для людей лишь самые печальные последствия, нарушив естественный ход эволюции человеческого общества. Одни утверждали, что перед нами открылся единственный реальный шанс осуществить прорыв к звездам и воплотить мечты многих поколений о других планетах в жизнь, вторые говорили, что если мы не смогли достичь звезд своими силами, значит, время для этого еще не пришло.

Немногие «беглецы», или как их презрительно называли – «трейторы», ушли, решив колонизировать четыре обнаружившиеся близ соседних звезд планеты, пригодные для существования человека. Дальше их все равно бы не пустили.

«Консерваторы» остались.

Шло время. Освоившиеся в колонизированных мирах бывшие земляне заключили с чужими своеобразный технологический союз: те строили на земных планетах предприятия по переработке необходимых им материалов, полностью автоматизировать которые по каким-либо причинам не представлялось возможным и работать на которых никто кроме людей не согласился бы в силу опасности самого производства. За это выходцев с нашей планеты оставили в покое, отделив им для существования небольшую резервацию из пяти звездных систем на окраине галактического пространства и вежливо предупредив, что попытки выйти за пределы этого пространства будут жестоко пресекаться. Завязалось вялое подобие торговли с другими планетами, «беглецы» стали посещать чужие миры, где их все равно не ставили ни в грош.

Тем временем земляне сами вышли в космос и сумели прорваться за пределы солнечной системы. Однако все пригодные для освоения миры в пределах человеческого сектора галактики были уже заняты теми, кто покинул планету первым.

И люди занялись тем, чем они привыкли заниматься испокон веков – истреблением друг друга. Война длилась боле полусотни земных лет с переменным успехом, то постепенно затухая, то вспыхивая с новой силой.

И длится до сих пор.

По крайней мере, приблизительно так звучала та вводная информация, которую я получил частично от Олегатора, а частично – из интернета, собираясь навестить популярный игровой центр с романтическим названием «Миссия Судеб».

Огромное, похожее на чудовищных размеров стеклянный парник здание терминала тонет в ослепительно-мертвом свете мощных ламп, спрятанных где-то под потолком. Снаружи

пасмурно. Снаружи идет дождь.

Честно говоря, я впервые в жизни вижу дождь в Глубине. Оно и не удивительно: здесь не Диптаун, «Миссия Судеб» – пространство в пространстве, живущее по своим законам, пространство, сотканное из сотен и тысяч файлов, кропотливо создаваемых, тестируемых и регулярно обновляемых неведомыми мне дизайнерами. Здесь могут зажигаться и гаснуть звезды, сменяться времена года и дни недели, разрушаться и вновь отстраиваться города. Пространство, охватывающее небольшую часть бескрайней галактики и включающее в себя несколько независимых звездных систем с вращающимися вокруг светил планетами и их спутниками, однажды созданное людьми, больше не нуждалось в человеке. Теперь оно жило само по себе. Позволяя делась с собой все, что угодно.

В просторном зале безлюдно. Возможно, именно так организаторы этого грандиозного аттракциона пытались передать царящее сейчас на местных вербовочных пунктах запустение. Несколько дней назад Адион – последняя из двух захваченных людьми планет трейторов – подвергся ответному нападению, в результате которого люди лишились двух орбитальных баз и четырех из пяти расположенных здесь материков, объявив на последнем спешную всеобщую эвакуацию. Последствия недавней битвы были отчетливо видны за омываемым дождевыми струями толстым стеклом: несколько полуразрушенных, обугленных зданий высилось чуть вдалеке, за ограничивающими покрытое асфальтобетоном взлетное поле ажурными заправочными вышками.

Немного постояв в центре обширного полукруглого вестибюля, я направился в сторону длинных пластиковых стоек, отгораживающих вход в терминал от взлетных площадок высокими автоматическими турникетами. За одной из них рядом с вмонтированным в пластик плоским экраном компьютера скучал пожилой седовласый мужчина в темно-синей форме военного образца, незамедливший смерить меня тяжелым подозрительным взглядом, стоило мне приблизиться к нему на расстояние нескольких шагов. Оно и не удивительно: вряд ли я производил сейчас на окружающих достойное впечатление. Личность номер два. «Студент».

– Пилот? – Вяло поинтересовался он, когда я протянул ему полученную мною на входе пластиковую карточку, содержащую мои регистрационные данные.

– Пилот.

– На чем летал?

– На локальном тренажере.

Физиономия моего собеседника презрительно скривилась, и здесь я мог его понять: полученный им ответ означал, что я пришел в этот игровой центр впервые и, следовательно, от меня вряд ли можно ожидать каких-либо сногсшибательных результатов. На интернетовском сервере «Миссии» предлагался для свободного копирования широчайший набор программного обеспечения, позволявшего новичкам освоиться с управлением боевыми кораблями обеих противоборствующих сторон, не входя в Глубину. Я послушно скачал все эти программы и поочередно запустил их на своем компьютере. Ничего особенного: процесс пилотирования был организован до ужаса примитивно, видимо, в расчете на то, чтобы любой желающий смог изучить его в считанные секунды. Техника трейторов по не вполне понятным для меня причинам оказалась на порядок лучше. Не знаю, почему я решил принять сторону землян. Наверное, из патриотизма. Поигравшись с тренажерами несколько минут, я выключил их, справедливо рассудив, что при необходимости сумею управиться с шестью кнопками, посредством которых осуществляется управление перемещением здешних кораблей в пространстве.

Офицер за стойкой отправил мою карточку в приемное отверстие считывающего устройства и стремительно защелкал по клавиатуре пальцами левой руки. Только сейчас я заметил, что правой у него нет.

– Третий причал. – Коротко сказал он. – База «Лангар», учебный центр. Желаю удачи, парень.

Створки турникета беззвучно расползлись в стороны.

Возле люка посадочного шлюза собралась небольшая толпа человек в двадцать – двадцать пять, мужчины различных возрастов, три девушки. Все они ждали погрузки на челнок.

– Привет! – Окликнул меня кто-то из-за спины. Я обернулся: рядом со мной переминался с ноги на ногу высокий и худощавый, словно жердь, паренек лет двадцати пяти на вид, светловолосый, с пронзительно-голубыми глазами, взиравшими на меня из-под абсолютно белых бровей.

– Я Мика, – улыбаясь, приветствовал меня он, – из Хельсинки. Первый раз здесь?

– Угу. – Кивнул я, отвечая на его рукопожатие. В глазах паренька загорелись веселые искорки: похоже, он был крайне рад найти в моем лице заинтересованного и непосвященного в местные интриги слушателя.

– А я вот уже скоро год, как сюда наведываюсь. – Затараторил он. – Двести часов на «игле» налетал. Последний раз воевали над Бельзой, не слышал? Так я там троих сжег, пока меня не подбили. Сейчас вот вернусь на «Армагеддон», это крейсер такой, и по

новой… Тебя куда определили?

– На «Лангар».

– В учебку? Ах да, ты же новенький… Ничего, не робей, парень, может, еще встретимся. Мы их сделаем, точно тебе говорю.

Сомневаюсь. Я читал техническую документацию с подробным описанием этой игры. Истребители противника умели самостоятельно уходить в гиперпрыжок и спускаться в атмосферу, наши – нет. Их машины были вооружены самонаводящимися ракетами и навигационными компьютерами с подобием псевдоинтеллекта, земные корабли, оснащенные четырьмя протонными торпедами и двумя импульсными пушками, полностью управлялись людьми. Их крейсера и линкоры были способны развить более высокую скорость и обладали большей автономией, находясь в рейдах до шести месяцев подряд без заправки с орбитальных баз, что, естественно, обеспечивало соединениям трейторов чрезвычайно высокую мобильность. Зато в наземных силах – пехоте и десанте – земляне были далеко впереди. Что совершенно не мешало им с позором проигрывать сражение за сражением, откатываясь все дальше и дальше к солнечной системе. Вслух, разумеется, я этого не сказал.

Металлический люк с шипением втянулся куда-то под потолок и в помещении появилась высокая стройная девушка все в той же темно-синей пилотской форме. Пристально оглядела нас стального цвета глазами, оправила ладонью пепельные волосы, стянутые на затылке в тугой хвост.

– Шевелитесь, – скомандовала она, – взлет через пятнадцать минут.

Мы дружно засеменили на посадку.

База «Лангар» представляла собой небольшую космическую станцию, болтающуюся в пространстве неподалеку от пояса астероидов, расположенного на периферии звездной системы Галла. Челнок достиг ее через двадцать земных минут – время здесь было предельно сжато, дабы экономить деньги игроков, – дважды высаживая по пути часть пассажиров. Мика, подмигнув мне на прощанье, пересел на пристыковавшийся к нам встречный корабль, направлявшийся в сторону курсировавшей неподалеку земной эскадры, две девушки и четверо парней, как оказалось, летели на небольшую земную базу, приютившуюся на темной стороне естественного спутника одной из здешних планет. Нас осталось четырнадцать человек, включая женщину в форме пилота, встретившую нашу группу на Адионе, других людей челнок на борт не брал. За время полета я успел выйти из Глубины, выкурить несколько сигарет, перекинуться парой слов с

пробегавшим мимо Олегатором и выпить чашку кофе. Вернувшись на корабль за несколько минут до ожидаемого момента окончания полета, я сделал вид, будто только что проснулся, с хрустом потянувшись в кресле и широко зевнув. Я почти угадал: из динамиков как раз звучало вежливое предупреждение о возможной тряске при стыковке и настойчивое требование пристегнуть аварийные ремни.

Внутренние помещения учебного центра не отличались оригинальностью обстановки: узкие металлические стены, трассы проложенных по ним силовых кабелей и шестиугольные, выгнутые вовнутрь люки на пневмоприводе. Видимо, здешние дизайнеры решили не утруждать себя изобретением чего-то принципиально нового, позаимствовав антураж станции из фантастических фильмов или популярных компьютерных игр довиртуальной эры. Нас вели по извилистым коридорам, напоминающим ни то хитроумно проложенный в какой-то титанической стальной скале лабиринт, ни то систему ходов и тоннелей в гигантском муравейнике, откуда люди каким-то образом выселили исконных обитателей. Я старательно вертел головой по сторонам, словно экскурсант, впервые попавший на развалины афинского акрополя, но знакомой тонкой девичьей фигуры так нигде и не заметил. Вероятно, Алексей Анатольевич был прав и мы тянем сейчас пустышку, понапрасну теряя время. Что же, хотя бы представился шанс немного поразвлечься. За казенный счет…

Спустя пятнадцать минут мы очутились в огромном ангаре, вдоль высоких стен которого ровными рядами стояли истребители с поднятыми стеклянными колпаками. Возле некоторых из них суетились люди, из-под угловатых двигательных консолей обильно сыпались на пол искры вакуумной сварки. Я с улыбкой оглядел декорации: и ангар, и сама станция с каждой минутой все больше и больше напоминали мне внутренности имперского крейсера из лукасовских «звездных войн», кажется, где-то на краю зрения даже промелькнул маленький обтекаемый робот, напоминающий издалека цилиндрический японский пылесос на колесах… Неужели создатели этой игры настолько прониклись ностальгией по старой фантастике, что решили воспроизвести в «миссии» знаменитую космическую оперу чуть ли не в деталях?

Нас построили в ряд в центре ангара, перед строем появилась та самая девушка с тугим хвостиком вьющихся пепельных волос. Обвела нас пристальным взглядом, что-то шепнула стоящему рядом пареньку в оранжевом комбинезоне – видимо, технику, тот отрывисто козырнул и умчался прочь. В следующий миг ее голос

перекрыл царящий вокруг шум, напоминающий мне мерный гул заводского цеха.

– Предупреждая грядущие неуместные вопросы, сразу сообщаю следующее. – Зычно прокричала она. – Меня зовут Клара, мне двадцать девять, я из Канады, Торонто. Замужем, есть ребенок, в случайные связи не вступаю. Если кто-то лезет с руками, отрываю сразу и не задумываясь.

Она вновь обвела взглядом строй, я скосил глаза: несколько человек стояли, смущенно уставившись в пол, один, коренастый невысокий крепыш, заинтересованно и вызывающе разглядывал девушку. Видимо, Клара угадала мысли местной публики. Не первый день здесь работает.

– Если организационные вопросы решены, – она усмехнулась, – переходим к делу. Я буду вашим инструктором по летной практике. Вы проведете здесь ровно столько времени, сколько потребуется, чтобы научиться пилотировать «иглу» в боевых условиях. Это понятно?

Я посмотрел на стоящие чуть вдалеке истребители. Машины были старыми и изрядно потрепанными, видимо, уже списанными с вооружения действующего флота. Такие бить не жалко. Хотя, собственно, в Глубине нет разницы в стоимости между старой и новой техникой, администраторы сервера вполне могли оснастить базу неиспользованными кораблями, разве что только не в заводской смазке. Стараются соблюсти легенду. Что же, похвально.

– Полагаю, все вы уже упражнялись на локальных тренажерах, поэтому первый вылет в тренировочную зону состоится ровно через пятнадцать минут. Шлемы в кокпитах. Занимать можно истребители начиная с восемнадцатого и далее к шлюзу. По машинам!

Новички резво кинулись к кораблям, отпихивая друг друга локтями. Я не торопясь пошел следом.

– Тебе, что, отдельный приказ нужен? Шевелись! – Взревела за спиной Клара и я получил увесистый пинок под зад. Суровая девушка, ничего не скажешь. Пришлось чуть прибавить.

Кабина «иглы» оказалась тесной и неудобной, однако шлем с мягкой подкладкой и встроенными наушниками оказался на редкость легким и ничуть не мешал обзору. Я воткнул свитый пружиной кабель интеркома в приемное отверстие на приборной панели, включил борт-навигатор и начал предстартовую проверку бортового вооружения.

– «Спрайт-1» на связи, – произнес я, укрепив оснащенный липучкой микрофон под подбородком, – проверка канала.

– «Спрайт-1», диспетчер, слышу вас, – донеслось в наушниках.

Я чуть убавил громкость. – Вылетаете в первой группе. Можете запускать двигатели.

– Понял, – отозвался я и, захлопнув фонарь кабины, проверил герметизацию, после чего врубил обе турбины на прогрев. Истребитель мелко затрясло.

В ангаре уже никого не было: обслуживающий персонал успел покинуть его за пять минут до объявленного старта и сейчас мощные насосы, скрытые в толстых металлических стенах, выкачивали из огромного помещения воздух.

– Группа один, – раздался под подкладкой шлема голос Клары, – покидайте ангар с первого по шестой номер, я веду. После отключения лимитатора переходите на третий канал. Держите дистанцию не менее полукилометра, курс восемь-восемь-два.

– Принято, – откликнулся я и, выключив гравитационный контур, удерживавший «иглу» на поверхности ангара, плавно потянул рычаг тяги на себя. Истребитель медленно оторвался от пола и неуклюже развернулся носом к неторопливо расползающимся в стороны створкам выходного шлюза. За ними зияла пустотой непроглядная космическая чернота с ослепительной сыпью ярких, немигающих, голубовато – синих звезд. Вот, значит, как это выглядит на самом деле. Красиво.

Я осторожно тронул акселератор. Истребитель шел сейчас на лимитаторе – ограничителе скорости, автоматически включавшемся при подлете к базе, что исключало возможность непредвиденной аварии корабля в шлюзе и, соответственно, разрушения последнего, однако многократно усиливало шансы противника, окажись он поблизости, сбить беззащитный, медленно плывущий в пространстве истребитель. Далеко впереди мерцали двумя бело-желтыми огоньками дюзы корабля Клары, ведущей группу к учебному сектору. Здесь не было расстояний – взгляд просто не находил ориентиров, за которые он мог бы зацепиться при оценке дистанции. До нее могло быть и двести метров, и тысяча миль. Я включил круговой радар и перевел его в привычную мне метрическую систему длин. Пятьсот семьдесят семь метров. Я чуть прибавил скорости. Желтоватые точки дюз впереди полыхнули, переходя на форсаж – Клара сбросила лимитатор. Мне до безопасной зоны оставалось еще секунд тридцать лету.

Честно говоря, было просто скучно. Тренировочный сектор представлял собой гигантское кольцо, состоящее их неподвижно висящих в пространстве под разными углами к моему курсу плоских платформ с разбросанными по ним воротами, сквозь которые надо было пролетать, и грубо сваренными из

металлических листов орудийными башнями, которые надо было уничтожать. Башни в нас пока не стреляли, и на том спасибо.

Платформа, крен градусов в сорок направо, жирная фосфорицирующая стрелка, указывающая ее центр. Подправляем машину. Ворота справа, ворота слева – два осторожных движения штурвалом. Башня. Короткая очередь ядовито-зеленых вспышек из-под моих плоскостей, башня плавает в перекрестье прицела. Мимо. Еще одна очередь и уродливый стальной цилиндр тонет в фонтане искр.

– «Спрайт-1», выровняй плоскость, кретин! – Голос Клары неприятно дребезжит в шлеме. – Слишком медленно идешь. Если не хочешь, чтобы второй поддал тебе под зад, прибавь скорости.

Она не права. Научиться с первого раза правильно держать «Иглу» в пространстве невозможно, даже после длительной практики на тренажере. Это раз. Для того, чтобы привыкнуть к абсолютно любой машине, не говоря уже об истребителе, нужно время. Это два. И вообще, мне все здесь уже порядком надоело. Это три.

Рука сжимает джойстик, на экранчиках виртуального шлема – чернота космоса и прямоугольная равнина медленно приближающейся ко мне платформы. Приборная панель внизу, тонкий крестик прицела перед глазами. Чуть надавливаю джойстик вперед, прямоугольник начинает двигаться быстрее.

– «Спрайт-1», идешь с деферентом на нос. На приборы смотри, идиот!

Черт. Разучился я играть в компьютерные игры. Мало практики.

Но мы это исправим.

Отбросив джойстик прочь, кладу правую руку на клавиши управления курсором, пальцы левой привычно занимают свои места над кнопками «Tab», «Ctrl», «Alt» и «Space». Так удобнее. На моем первом компьютере не было мыши и джойстика. Винчестера на ней, впрочем, тоже не было. «Искра 1030» – кто сейчас вспомнит эту древнюю машину?

Щелкнув несколькими клавишами, разворачиваю картинку во весь экран. Приборная панель и детали кабины исчезли, остались только звезды, перекрестье прицела, ползущая на меня платформа и проецирующаяся прямо в пространство маленькая диаграмма радара. Меня больше не существовало. Я стал кораблем.

Чуть шевелю пальцами – истребитель едва заметно качает крыльями. Управление настроено не идеально, ощущается едва заметное запаздывание в реакциях корабля на действия пилота. Позже исправлю. Поиграем, пожалуй.

– Ты куда?! «Спрайт-1»! Разобьешься, болван!

Богатое у Клары воображение на предмет придумывания ласковых эпитетов. Знанием нецензурной брани Господь ее, похоже, также не обделил.

Моя «игла» взмывает над платформой, и, совершив мертвую петлю, стремительно уходит в штопор, атакуя первые ворота. Проскакиваю подковообразную арматуру на огромной скорости, выпуская одновременно короткую серию энергоразрядов из обоих орудий и ставя машину на ребро, уменьшив тем самым площадь потенциальной мишени для несуществующего противника. Башня рассыпается ослепительным золотым фейерверком, искры, мерцая, гаснут. Любоваться нет времени – впереди вторая платформа, она не ползет, она стремительно несется мне навстречу. Перед воротами надо сбросить мощность двигателей. Я увеличиваю ее. Скупой залп – нужно экономить ресурс энергосистемы корабля – и обе орудийных башни, прикрывающих вторые ворота, перестают существовать. Истребитель вертится волчком, подо мной проскакивает светящаяся алая черта, показывающая границу платформы. Новая цель, на сей раз развернута вверх ногами. Проскочим. Вправо, вниз, разворот. Пробел, вправо, вверх. Пробел, влево, вниз, прямо. Что может быть проще?

Я прохожу дистанцию за пятнадцать минут. Позади лениво меркнут среди звезд плавящиеся обломки последнего сбитого мною орудия, впереди – зияющий многокилометровой разрыв и продолговатая туша платформы, с которой я начал свое путешествие. Руки тянутся к клавиатуре, но в последний момент я одергиваю себя. Неудобно набирать «deep», когда твои глаза закрыты стекляшками виртуального шлема. Чертовски неудобно. А приподнимать шлем просто лень.

– Маша, погружение.

– Выполняю, Влад.

Сверкающий вихрь. Искрящийся разноцветный туннель, бесконечное падение в сладкую, манящую пропасть.

Глубина.

– «Спрайт-1» тренировку по летной практике закончил, – отчеканил в пространство я, – возвращаюсь на базу.

– «Спрайт-1», первый коридор. – Ответили наушники голосом диспетчера. Судя по его интонациям, парень внимательно следил за моим показательным выступлением. Теплый меня ожидает прием.

Моя «игла» плавно коснулась металлического покрытия ангара. Я выключил турбины, и, дождавшись, пока на приборной доске загорится зеленая лампочка, свидетельствуя о том, что

снаружи выровнялось давление, откинул фонарь кабины и отстегнул ремни. Все, приехали.

Неподалеку собралась небольшая толпа, добрую половину которой составляли мои недавние собратья-новички. Глаза у всех были большими, как у героев японских комиксов, однако с комментариями пока никто не лез. Я жестом подозвал механика.

– Кто отвечает за настройку истребителей? – Спросил его я.

– Тим Робертсон, старший механик. Только его сейчас нет. А что?

– Мне бы хотелось откалибровать эту машину так, чтобы она реагировала на движения штурвала мгновенно, а не спустя полсекунды. – Как можно более мягко попросил я, – это можно организовать?

Механик с сомнением посмотрел на мятые бока моей изрядно потрепанной «иглы».

– Попробуем. Я сообщу начальнику смены.

С этими словами он сдержанно кивнул и удалился. Я махнул ему вслед, и, весело вращая в воздухе шнуром с аудиоразъемом, направился к выходу из ангара.

– Влад?

Это была Клара. Я остановился.

– Мэм?

Девушка заметно поморщилась.

– Вольно. Есть разговор.

– Валяй.

Она мгновение помедлила, дожидаясь, пока программа-переводчик справится с этой несложной идиомой. Секунда, две. Похоже, мне придется переходить на английский.

– Ты прошел дистанцию так, как ее не проходят даже профессионалы, игравшие здесь не один год. – Говорит наконец она и смотрит на меня пронзительными серыми глазами. Да, видимо, я действительно немного перестарался. Увлекаться иногда тоже вредно.

– И что с того? – Я попытался придать себе максимально невозмутимый вид. – Я играл в «винг командер» и «дарк форсес» уже тогда, когда человечество еще не придумало «пентиум». Навык.

Клара осторожно кивнула, не сводя с меня глаз.

– Врешь. – Сказала она.

– Что? – Кажется, испытываемое мною удивление не замедлило отразиться на моей физиономии, Клара с довольным видом усмехнулась.

– Я хотела сказать, что в симуляторы ты, безусловно, играешь уже лет десять, это заметно сразу. Только вот дело совершенно не

в этом.

По-моему, я совершенно утратил нить разговора.

– А в чем?

– Ты слышал о Вторжении?

Я напряг память. Да, кажется, я что-то читал об этом в подборке опубликованных на сервере «Миссии» материалов. По-моему, несколько лет назад люди попытались сунуться со своими кораблями за пределы человеческого сектора галактики и тут же схлопотали от инопланетян по рогам. Этой скудной информацией мои знания по данному вопросу ограничивались, о чем я с радостью сообщил Кларе. Та едва заметно кивнула.

– Около четырех лет назад виртуальное пространство «Миссии» заметно превышало границы человеческого сектора, – подтвердила она, – наши клиенты могли по собственному желанию сражаться как между собой, так и с представителями иных рас – либо на их стороне. Было очень сложно поддерживать такое пространство в работоспособном состоянии, мы использовали четыреста двадцать пять независимых серверов, два спутника-ретранслятора, больше восьмисот маршрутизаторов, оптиковолоконные магистрали общей протяженностью в три сотни миль… Четыре года назад в одном из сражений за пределами человеческого сектора погиб человек.

– Люди гибнут здесь каждый день сотнями, – возразил я.

– Он погиб в реальности. – Откликнулась Клара. – Просто не выдержало сердце. Инфаркт.

Да, о чем-то подобном я читал в газетах. И, кажется, об этом даже говорили по телевизору. Мужик был пожилым американцем и уже долгое время наблюдался у кардиолога. Неудивительно, что его путешествие в киберпространство закончилось в конце концов столь плачевно.

– С тех пор мы сократили игровое поле, – продолжала тем временем Клара, – и сосредоточились на вопросах безопасности. Сетевая станция, обслуживающая каждый отдельный участок космоса, непрерывно получает от игрока информацию о состоянии его организма: пульс, частота сокращений легких, давление… Если показатели не вписываются в критерии безопасности для здоровья, клиента просто автоматически выбрасывает из игры. Лучше получать разгневанные письма от неудачников, чем платить сотни тысяч долларов скорбящим родственникам.

Кажется, я начал понемногу осознавать ситуацию.

– Я просмотрела твои лог-файлы, Влад. Твой пульс, давление и дыхание были такими, словно во время тренировки ты сидел дома перед телевизором с бутылкой пива и смотрел бейсбол.

– Я не люблю бейсбол. – Буркнул я.

Надо же было так облажаться? Наверняка информация о контроле за организмом игроков была опубликована на официальном сервере компании. В качестве рекламы. Иностранцы любят подобную показуху, они буквально помешаны на собственном драгоценном здоровье. Надо же, поленился прочитать. Блин. Впредь надо быть внимательнее.

– Влад, ни один человек не способен выдерживать подобный темп и настолько хорошо контролировать себя. Перегрузки, опасность, азарт. Мозг должен реагировать на эти факторы. Ты – человек, Влад?

Здрасьте вам. Сначала меня приняли за полицейского. А теперь, интересно, за кого? За порождение компьютерного разума? Или за инопланетную зеленую ящерицу, одевшую ради разнообразия тело щуплого сопливого подростка? Мне стало смешно.

– Нет. – Сделав честные глаза и с опаской осмотревшись по сторонам, ответил я. – Я – последний джедай великого Императора. За мной охотится вся мощь империи за то, что я зарубил световым мечом любимую болонку Дарта Вейдера и сдал «Звезду Смерти» в металлолом. Только никому не рассказывай.

– Влад, я серьезно.

– Я тоже. Клара, я обыкновенный человек, поверь мне. Я ем, пью, писаю, какаю, люблю пиво и яичницу, сплю по ночам и иногда страдаю от насморка. Просто я не воспринимаю все это, как реальность. Для меня «Миссия» – всего лишь игра, развлечение, за которым не может скрываться опасность. Если я разобьюсь о поверхность планеты, дип-программа просто выведет меня из Глубины и я окажусь дома перед компьютером. Понимаешь?

Клара пристально смотрит на меня, хмурится и молчит. Кажется, она все еще сомневается.

– Хорошо, отследи мой канал. Если только так я смогу тебя убедить.

– Мы не отслеживаем каналы игроков. Это неэтично.

– Сообщи в службу безопасности, что я знаменитый террорист и пронес на сервер заранее проглоченную мною фотонную бомбу, о чем сообщил тебе в доверительной беседе. Может, подействует.

Клара едва заметно улыбнулась, но подозрительность в ее взгляде еще не растаяла до конца.

– Здесь есть бар? – Спросил я. – Если я приглашу тебя выпить чашку кофе, это не будет рассматриваться как приставание, за которое отрывают руки?

Кажется, это подействовало: девушка рассмеялась.
– Нет, не будет. Пошли.

01

Когда я расстегнул липучку виртуального шлема, за окнами уже была глубокая ночь.

– Выключайся, – устало сказал я машине.

– Серьезно?

– Абсолютно.

– Спокойной ночи, Влад… – Донесся из динамиков мелодичный голос моего полупроводникового чуда.

– Спокойной ночи, Маша.

На погасшем экране высветилась скромная надпись «system is shutting down, please wait», затем тихий шелест системного блока наконец стих.

Я поднялся с кресла и принялся выбираться из виртуального костюма. Задница затекла неимоверно, ужасно хотелось пить. Аккуратно сложив костюм на спинке своего кресла, я вышел в коридор.

Олегатор уже свалил домой, на дверях его кабинета темнела выдавленная в пластилине круглая печать и мигал красный огонек сигнализации. Меня, в отличие от него, за пределы здания не выпускали. Чертыхнувшись, я направился к Диме, из-за неплотно прикрытой двери комнатушки которого пробивался наружу узкий лучик света.

Тот сидел глубоко в отладке чего-то, совершенно неподвластного моему пониманию, торопливо пролистывая на экране компьютера бесконечные строки какого-то кода и сдавленно матюгаясь сквозь зубы. По опыту я уже прекрасно знал, что в таком состоянии Дима совершенно отключался от окружающей действительности и был абсолютно неприспособлен к общению: листинг разрабатываемых им кибернетических творений действовал на него подобно дип-программе, надолго уводя в какую-то недоступную для окружающих реальность. Однажды кто-то из наших шутников прицепил Димке на спину бумажку с надписью «system halted, please reboot» во время его очередного «транса», и тот заметил подвох лишь часов через двадцать, не раньше. Тормошить сейчас нашего штатного программиста попросту не имело смысла.

– Привет, – бросил я, целеустремленно направляясь к стоящему прямо на полу пластмассовому электрическому чайнику и дислоцирующейся неподалеку банке растворимого «Несткафе».

– На столе. – Невпопад отозвался Димка.

– Чего – на столе? – переспросил я, втапливая в паз темно-

синюю кнопку. Чайник довольно заурчал.

– Записка на столе. – Откликнулся Дима спустя непродолжительную паузу. – Олег оставил, когда уходил. Сказал, передать, если придешь кофе пить… Едит твои баги, кто же так библиотеки вызывает? Ламеры мастдайные…

Поискав среди пустых сигаретных пачек и ломаных коробок от компакт-дисков, я нашел-таки аккуратно сложенный лист бумаги. Текст был отпечатан на принтере. «Скин твоей подруги вскрыли, кишки вынули, в мочевой пузырь заглянули. Есть информация. Утром поговорим. О.» Интересное послание. «Скином» Олег привычно называл виртуальный образ, проецируемый компьютером в ту или иную точку Диптауна, когда его владелец входит в Глубину. Значит, они все-таки анализировали код, составляющий добытую мною копию тела нашей прекрасной незнакомки и нашли там что-то интересное. Иначе Олегатор не стал бы беспокоиться. Ладно, утром – так утром…

Вскипевший чайник радостно щелкнул, выключаясь, я налил до краев любимого напитка в обнаружившуюся неподалеку чашку, размешал алюминиевой ложкой сахар и отправился к себе.

– Кружку за собой потом вымой, дайвер. – Бросил мне вслед Димка.

– Я тебе туда гуталину насыплю. – Беззлобно огрызнулся я и закрыл за собой дверь.

У меня была небольшая комнатка с раскладушкой, тумбочкой, телевизором, маленьким холодильником и микроволновкой. Личных вещей почти не имелось. Я отдал Денисову ключи от своей квартиры и составил список того, что мне могло понадобиться в хозяйстве, он обещал привезти все необходимое, но до сих пор так и не сумел найти для этого время. Ладно, переживем. Соорудив себе огромный бутерброд с сыром, я включил телевизор и завалился на раскладушку. По ящику гоняли какую-то муть, смотреть ее решительно не хотелось. Читать тоже было нечего, а усталость бесследно рассеялась после третьего глотка кофе. Минут десять я лениво наблюдал за новостями, выслушивая информацию об очередном налете вооруженных бандформирований на позиции федеральных сил и уверения какого-то обильно потеющего мужика в больших погонах с предательски бегающими глазами о том, что ситуация взята под контроль. Просмотрел репортаж о теракте где-то в провинции, полюбовался на пятна крови на асфальте, оставшиеся после расстрела тремя неизвестными бронированного джипа какого-то мирного коммерсанта, который долго отстреливался,

но погиб вслед за двумя своими телохранителями, так и не успевшими использовать обнаружившийся в машине гранатомет. Потом началась реклама шампуня от перхоти и гигиенических прокладок. Мне стало тошно.

Я выключил телевизор, и, закурив сигарету, долго лежал на подушке, бессмысленно глядя в потолок. Спать совершенно не хотелось.

Меня звала Глубина. Она была рядом, я чувствовал это. Она билась в висках настойчивым пульсом, отстукивая в барабанных перепонках ровный ритм замедленной бомбы с часовым механизмом: дип, дип, дип, дип… Крепко она нас связала, эта Глубина. Подманила к себе, спеленала тонкой сетью радужных миражей, чтобы никогда больше не выпустить из этих цепких объятий. Зачем мы тебе нужны, Глубина? На что мы тебе? Почему ты пришла в этот мир, настойчиво и жадно вобрав нас в себя – нас, тех, кто еще не научился бороться с перхотью и не разучился убивать себе подобных? Рано ты появилась на свет, Глубина. Слишком рано. Мы еще не готовы к тебе. Мы пока еще не умеем любить тот мир, который был подарен нам от рождения, и уже породили новый. Не время. Сейчас – не время.

Но теперь уже все равно поздно что-либо менять.

Допив кофе, я благоразумно вымыл чашку в холодной ржавой воде, сочащейся из свистящего крана в продуваемом всеми мыслимыми и немыслимыми сквозняками туалете, занес ее Димке и, вернувшись к своей машине, нажал кнопку «power». Неспеша натянул на себя виртуальный костюм, проверил разъем.

– Доброй ночи, Влад, – поздоровалась со мной Маша, – я готова к работе.

– Привет, – бросил я, поудобнее устраиваясь в кресле и поправляя на голове полусферу виртуального шлема, – погружение. Базовое тело. Вход – через запасной гейт.

– Выполняю. – Откликнулся компьютер.

Калейдоскопический вихрь. Легкое головокружение и тошнота. Падение.

Здравствуй, Глубина.

Лорд и Юля оказались на месте. Глен приветливо помахал мне рукой из-за стойки бара, я помахал ему в ответ. Вооружившись подносом с дымящейся тарелкой вареного картофеля под мясным соусом и несколькими бутылками пива, я направился к столику, занятому моими старыми знакомыми.

– Можно? – Деликатно поинтересовался я.

– Нужно, – парировал Эдгар. – Влад, я не покажусь тебе бестактным, если поинтересуюсь, кто была та девушка, за которой ты столь увлеченно погнался на площади?

– Так… – Пожал плечами я. – Показалось, что знакомая.

– Я переживал, не нужна ли тебе помощь, – пожал плечами Эдик. Я поблагодарил его кивком головы.

– Это тебя раздавило балконом на джобс-стрит? – Живо спросила Юля.

– Меня.

– Мы подоспели минут через десять. Красивая из тебя получилась лепешка. Мозги так живописно разлетелись по стенам – загляденье…

– Да, ТАК умирать в Глубине – неприятно. – Эдгар наградил меня сочувствующим взглядом. Я охотно кивнул. Конечно, неприятно.

Для не-дайвера.

– Это был частный сервер. – Пустилась в пояснения Юлия. – У них на компе шарился какой-то хакер-недоучка, он и уронил систему, когда ты проходил транзитом через их канал.

– Очень удачно уронил, – скривился я, – прямо мне на голову.

Юля звонко расхохоталась, но Эдгар продолжал оставаться серьезным.

– Думаешь, это произошло не случайно? – Осторожно спросил он.

– Я вообще не верю в случайности, – отмахнулся я, – кто его теперь знает? Хакера, конечно же, не поймали?

– Не поймали, – подтвердила мои догадки Юлия, – как только операционка накрылась, он, естественно, повис в пустоте и тут же активизировал утилиту, запустившую дип-программу на выход. Есть у хакеров такие штучки. Полицейские как всегда отсекли какие-то логи, но толку от них, что дисководу от перфокарты… Да ты, наверное, все это и без меня знаешь.

– Не все, – покачал головой я, – спасибо за информацию, Юля.

– Ой, да не за что. – Смутилась она.

Информация и впрямь не бывает лишней.

– Я, с вашего позволения, немного поем, – сказал я и принялся усердно уплетать картошку. Несмотря на проглоченный мною бутерброд с сыром, жрать хотелось чудовищно, и я ел так, что треск за моими ушами было слышно, наверное, в русском квартале Диптауна. Юля смотрела на меня расширившимися глазами, и наконец не выдержала:

– Тебя что, не кормят? – Изумленно спросила она.

– Не-а, – отозвался я с набитым ртом, разбавляя картошку щедрым глотком пива. В моей новой тюрьме, любезно организованной специально для меня Алексеем Анатольевичем, не особенно-то и растолстеешь. – Пойду, возьму еще одну

порцию…

Провожаемый сочувствующими взглядами Юли и Эдгара, я направился к стойке.

– Скоро, видимо, мне придется расширить входную дверь, – подмигнул мне Глен, наваливая в мою тарелку гору картошки и поливая ее соусом, – если ты будешь так есть, станешь таким же толстым как я и рано или поздно застрянешь в проходе.

– Теперь я понял, почему ты пользуешься служебным входом, – отозвался я, расплачиваясь. Глен расхохотался. Наличных у меня теперь было достаточно – вот уж не знаю, какой платежной системой пользовались мои новоиспеченные начальники – однако на эти суммы они вполне могли бы лучше кормить меня в реальности. Жмоты.

Вернувшись за столик, я предпринял новую атаку на свой ужин. Картошка дрогнула и отступила под натиском моего аппетита, вскоре она лишилась флангов и я сосредоточил удары вилкой на основной части противника. Преимущество было явно на моей стороне.

– Чувствуется заядлый холостяк, который ленится готовить себе еду, а все наличные тратит исключительно на визиты в Глубину, – иронически посмотрел на меня Эдгар.

– Эдик, ты напрасно смеешься, – остановила его Юля, – может, у Влада действительно проблемы…

Ага. В точку. И вы даже не подозреваете, какие…

– Не обижайся, Влад, – примирительно сказал Эдгар, – однако у Юли слишком гипертрофировано чувство заботы об окружающих. Женщина…

– Да я и не обижаюсь, – откликнулся я, – не на что. Я действительно холостяк и у меня действительно нет сейчас возможности для себя готовить, только и всего. Бывает.

– Надо срочно найти для тебя заботливую девушку. – Задумчиво посмотрела на меня Юля.

– В Глубине? – Я едва не поперхнулся пивом. – Нет уж, увольте.

– А что здесь такого?

– Просто я не верю в виртуальные романы.

Юля чуть поморщилась, задумчиво глядя куда-то в сторону: похоже, своими словами я ненароком зацепил какие-то скрытые струны в ее душе, и прозвучавший аккорд чем-то отозвался в ее сердце. Тем не менее, я действительно не верил в «любовь по сети» и был готов твердо отстаивать собственную позицию. В последнее время в Диптауне и вправду зачастую самоорганизовывались эдакие виртуальные семьи, в которых пары, физически живущие в разных городах, старательно играли

в мужа и жену. Я же искренне считал моду на подобные отношения чем-то сродни японским электронным зверькам «тамагочи» – поиграются и надоест. Все-таки никакой электронный суррогат не сможет заменить человеку настоящий дом, куда он будет торопиться придти после работы, настоящий ужин вдвоем и настоящий чай на кухне под аккомпонимент старенького радиоприемника… Я был уверен в этом. И потому не хотел даже пытаться.

– Был негативный опыт? – Поинтересовался Эдгар.

– Да не то, чтобы… – пожал плечами я.

– А мне вот довелось полюбить в Глубине, – неожиданно сказала Юля, и Эдгар повернулся в ее сторону – знаешь, не так уж это и плохо. Чувства – они везде настоящие, что по ту сторону дип-программы, что по эту. И никогда, ни до, ни после этого мне не доводилось испытывать чего-то подобного. Я не жалею… о том, что было.

– Знаешь, – осторожно начал я, – я иногда думаю, что само явление любви в виртуальности происходит зачастую в силу чрезмерной идеализации одного партнера другим. Мы слишком доверчивы к Глубине, к тому же здесь все мы немного рыцари и романтики. Срабатывают наши эмоции, фантазия, и разум охотно закрывает глаза на недостатки избранника, самостоятельно дорисовывая образ до исчерпывающей полноты согласно внутренним, подсознательным идеалам. Ведь у каждого из нас где-то глубоко внутри уже придуман стереотип, модель того, кто может стать твоим единственным, того, кто создан только для тебя, и каждого встречного мы автоматически примериваем к этой модели, хотим мы того или нет. Увы, в реальной жизни найти подобный идеал почти невозможно – можно отыскать лишь нечто, приблизительно соответствующее нашим вкусам. И мы пытаемся обрести свое счастье здесь. Зачастую находим его. А потом, как правило, наступает разочарование, когда придуманная тобою фантазия разбивается вдребезги о небритую действительность.

Похоже, я снова попал в точку, ляпнув что-то не то, поскольку Эдгар лишь горько усмехнулся, а Юля нервно забарабанила ногтями по столу.

– А если человек может почувствовать себя счастливым только здесь, в Глубине? – С вызовом спросила она.

– Так не бывает, Юля, – попытался возразить я, но она прервала меня:

– Много ты знаешь!..

Потом добавила, уже мягче:

– Влад, не все, далеко не все могут найти себя в реальности.

Здесь по крайней мере у них есть шанс…

– Я не спорю, – ответил я, – просто мне казалось, что для любви существует реальный мир.

– Если ты никогда не испытывал чего-то подобного в Глубине, если ты не веришь в любовь и счастье, если относишься к этому с точки зрения голого прагматизма или личного опыта, не стоит оспаривать сам факт существования подобной возможности, – резко сказала она, – кому-то везет, кому-то нет. Я знаю много счастливых пар, нашедших друг друга в виртуальности. Послушали бы они тебя…

– В конце концов, далеко не все в человеческих отношениях ограничивается исключительно чувствами, – произнес я, стараясь увести разговор в сторону от скользкой темы, вызывающей почему-то столь бурную реакцию у моей собеседницы, – существует и просто общение.

– Которое доставляет порой не меньшее удовольствие. – Вставил Эдгар.

– Согласна. – Кивнула Юля с явным облегчением. Похоже, она сама не желала обсуждать вопрос взаимоотношений полов в виртуальном пространстве дальше. Черт, много бы я отдал за то, чтобы знать, что за история приключилась с ней когда-то, что именно заставляет ее реагировать на мои слова столь болезненно. Мне не хотелось больше допускать ошибок в разговоре, ошибок, в результате одной из которых она едва не сорвалась на мне несколько секунд назад. Разумеется, Юля никогда не расскажет. Наше прошлое навсегда скрыто от окружающих за плотной завесой доброжелательных и приветливых масок, которые мы привыкли носить в Глубине. Настоящее, впрочем, тоже. Мы живем в мире, крепко соединившем нас невидимыми путами дип-программы, навсегда оставаясь друг для друга чужими людьми. Такова жизнь. И это невозможно изменить, как бы нам порой того ни хотелось.

– Мне иногда кажется, что здесь, в Диптауне, концентрация интересных людей на квадратный метр площади значительно больше, чем где бы то ни было в мире, – улыбнулся Эдгар.

– Эдик прав, – кивнула Юля, обращаясь ко мне, – ты не представляешь себе, как иногда приятно щекочет от удовольствия мозг, когда тебе доведется услышать потрясающе интересную мысль или суждение, либо просто доведется встретиться с неординарным человеком… Однако, если честно, далеко не все люди в сети производят на меня впечатление.

– И каков же критерий? – Поинтересовался я. Юля задумчиво нахмурилась.

– Знаешь… Наверное, меня притягивают и манят те из них,

кто имеет отношение к компьютерному миру и особенно к виртуальности… Чем ближе к ней, тем лучше. Чем виртуознее и сильнее человек в Глубине… Наверное, это целая категория людей, приобщиться к которой мечтают многие. Это жутко интересно.

– Хакеры, например?

– Просто талантливые программисты… Хакеры… Дайверы…

– Дайверов не существует. – Устало отмахнулся я.

– А мне кажется, что они все-таки есть. – Улыбнулась Юля. – По крайней мере, я в них верю. Эх, хотела бы я пообщаться с настоящим дайвером…

– О чем? – Поднял брови я.

– Ну… Я бы, наверное, спросила, как это – не столько жить в Глубине, сколько повелевать ею… Что они при этом чувствуют, что испытывают, как они видят виртуальный мир – изнутри. И как они используют этот дар, дар управлять нашей реальностью…

Бред. Бред. Бред… Почему все наивно считают, будто дайверы – повелители Глубины? Будто они всемогущи, будто им беспрекословно подчиняются программы, будто они могут управлять серверами и ресурсами сети, словно своим настольным компьютером? Хотя большинство из нас, насколько я знаю, не могут даже разобраться в нескольких строках примитивного программного кода? Хотя нас убивают в виртуальности так же, как и всех остальных, а чтобы воскреснуть, мы в точности так же должны заново включать дип? Хотя некоторых из нас зашибает падающим балконом, и в этой ситуации ничего невозможно предпринять? Может быть, я какой-то неправильный дайвер? Тогда какие – правильные?

– А ты – хакер или дайвер? – Улыбнулся я, обращаясь к Эдгару.

– Я программист. Просто программист. – Рассмеявшись, ответил тот.

– Очень хороший программист. – Серьезно добавила Юля.

– Значит, со мной вам не повезло. – Я охотно подхватил смех Лорда.

– Ну, для того, чтобы быть интересным человеком, совершенно не обязательно являться хакером… или дайвером, – отозвался тот, – уверяю, у тебя неплохо получается.

– Спасибо, – кивнул я, – что же, мне пора. Благодарю за компанию.

– Пока, – махнула мне рукой Юля, а Эдик просто кивнул головой на прощание.

Я решил прогуляться до «Миссии судеб» пешком. В Диптауне как всегда стоял вечер, и мне как всегда не хотелось возвращаться

отсюда на жесткую раскладушку к опостылевшему телевизору. Солнце медленно уползало за горизонт, уползало вот уже почти шесть лет и никак не могло скрыться за этой призрачной чертой. «Словно сумерек наплыла тень, то ли ночь, то ли день…» – вертелись на языке слова популярной когда-то песни. Мне было хорошо.

Балконы сегодня с неба не падали и благодаря этому благоприятному обстоятельству я добрался до своей цели без приключений. Толкнул широкие стеклянные двери, и, оказавшись в просторном, пустом вестибюле, громко произнес свой пароль, приготовившись перенестись обратно в учебный центр «Лангар». Игра началась.

В течение часа мы отрабатывали торпедную атаку на корабли противника. В качестве мишеней использовался какой-то болтающийся в космосе металлический хлам, в качестве вооружения – стандартные протонные торпеды на реактивной тяге. Механикам все-таки удалось отрегулировать рули моей «иглы» так, что машина слушалась даже малейшего прикосновения пальцев к клавиатуре, за что я дал себе слово сказать им по возвращении отдельное спасибо. Работали мы долго и усердно, я пытался не выделяться из общей массы игроков, время от времени специально допуская мелкие ошибки в пилотировании, Клара все время старалась держаться поблизости, однако от комментариев воздерживалась, видимо, все же подозревая меня в этой маленькой хитрости. Спустя пятьдесят шесть минут мы вернулись на базу.

Передав свой истребитель в надежные руки обслуживающего персонала, я подошел к нашему инструктору.

– Клара, что у нас дальше в программе? – Поинтересовался я.

– Отработка парных полетов над платформами и репетиция ближнего боя. – Ответила она. – А что?

– Просто хотелось бы приступить сразу, не затягивая.

– Хорошо. Полетишь в следующей группе через двадцать минут. Что, уже надоело здесь?

– Нет, – пожал плечами я, – просто захотелось посмотреть на настоящий боевой корабль… А пока я не пройду практику, вы ведь меня отсюда не выпустите, я правильно понимаю?

– Верно, – Клара кивнула, – не хватало еще, чтобы тебя три раза подряд сшибли в первом же бою, после чего тебе придется начинать все сначала, а мне, соответственно, возиться тут с тобой еще чертову уйму времени… Хотя… Судя по твоему первому полету, я сомневаюсь, что тебя так уж легко сбить. Это все?

– Нет… – Я немного замялся. – Клара, тебе случайно не знакома девушка невысокого роста, с темно-каштановыми

волосами и хрупкой фигурой. Такая…

Я подробно описал внешность моей прекрасной незнакомки. Клара в задумчивости наморщила нос.

– Не помню. Зачем она тебе?

– Просто понравилась. – Нагло соврал я. – Хотел познакомиться. Я видел ее здесь.

– В учебном центре?

– Нет, она входила в ворота «Миссии», когда я раздумывал, стоит ли сюда заглянуть, или нет. Это решило дело.

– Бабник. – Ухмыльнулась Клара. – Ты представляешь, сколько народу играет в «Миссии судеб»? Тысячи человек! И состав игроков меняется каждый час! У тебя ни одного шанса ее отыскать, разве что подвернется фантастическое везение.

– Я думал, что она может оказаться сотрудником компании… – Попытался возразить я.

– У большинства сотрудников выделенные каналы и собственные точки входа. Хотя здесь работает много народа, живущего за пределами Северной Америки, они пользуются общими… Словом, на базе ее точно нет.

– Спасибо.

– Да иди ты… – Беззлобно ответила Клара и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, отправилась командовать очередной группой практикантов, столпившихся возле одного из истребителей и с любопытством туристов-неофитов заглядывающих в дюзы. Я затопал в бар.

02

– «Спрайт-1», вхожу в зону маневра, – сказал я, направляя истребитель в сторону неторопливо плывущей навстречу платформы, – ты в порядке?

– «Спрайт-лидер», первый заход с два-восемь-шесть. – Послышался в наушниках знакомый голос Клары, – прикрывай. Средняя дистанция, постарайся не отрываться.

Я усмехнулся. Задача была относительно несложной: на сей раз установленные на платформах орудия будут поливать нас огнем – разумеется, в учебном режиме, слабые энергоимпульсы не могли уничтожить наши корабли, но зато были вполне способны вывести из строя чувствительную электронику «иглы». Клара являлась лидером – она должна была провести машину через все смонтированные на поверхности платформы ворота, в то время как в мою задачу входило держаться позади, отвлекать огонь орудийных башен на себя и по возможности уничтожать огневые точки «противника». Потом мы поменяемся ролями. Ничего, справимся.

– Сообщи, когда будешь готов.

– Окей.

Платформа, тусклое зеленоватое свечение радара, белое сияние реактивной струи идущего чуть впереди истребителя Клары. Изображение становится резким, контрастным, нереальным, детали утрачивают яркость. Раз. Вокруг – игра, нелепая картинка, порожденная компьютером, идиотская фантазия бестолковых программистов. Я не могу быть частью игры. Я – не в ней. Она – не во мне. Два. Проснуться. Пробудиться. Я – живой человек. Я не в кабине истребителя, я сижу перед своей персоналкой в вычислительном центре, отдавая команды движениями моего тела через вмонтированные в виртуальный костюм детекторы на дип-карту Маши и дальше – в сеть. В ровный гул двигателей вплетается новый звук: где-то рядом работает кондиционер, слышны шаги в коридоре за спиной, Дима стреляет сигарету у Алексея Анатольевича… Три.

Закрываю и открываю глаза. Чернота, грубоватый рисунок маячащего передо мной истребителя, податливые клавиши под пальцами. На радаре шесть зеленых точек – за нами идут еще три пары таких же кораблей, готовых в любую минуту войти в учебный сектор. Что же, приступим.

– Начали. – Скомандовал я.

Клара без предупреждения разворачивает истребитель на крыло и стремительно падает в сторону кровожадно

поджидающей нас внизу прямоугольной плоскости. Не ожидая этого маневра я чуть замешкался, повторяя ее траекторию.

– Дистанция!

– Вижу.

Орудия ожили в тот момент, когда мы приблизились к платформе на расстояние километра. Ядовито-зеленые трассы энергоимпульсов замелькали вокруг, стараясь ужалить истребитель Клары, я принялся лихорадочно работать пальцами, стремительно уходя с линии огня и огрызаясь короткими очередями. Влево, вперед, разворот, пробел – первая башня рассыпается всполохом желтого пламени; вправо, еще вправо, штопор, вниз, пробел, влево – вторая башня замолкает, выбрасывая в пространство блеклый шлейф раскаленного воздуха. Теперь огонь последнего, третьего орудия сосредоточился на мне и скучать стало некогда. Управляемая компьютером импульсная пушка явно работала на поражение и мне приходилось вертеться в пространстве, швыряя корабль из стороны в сторону, дабы не угодить под струю испускаемого ею зеленого пламени – прицелиться толком никак не удавалось. Краем глаза я заметил, что машина Клары беспрепятственно преодолела две пары ворот и теперь стремительно приближается к краю платформы. Молодец девчонка, хорошо идет. Убедившись, что она успешно миновала прикрывающую последние ворота пушку, я метнулся следом. Платформа, вращаясь, приближалась с головокружительной быстротой. У меня будет секунда, не более. Надо успеть.

Пальцы до синевы вдавили две клавиши одновременно – истребитель качнуло влево и рывком потянуло вверх, однако я все же нажал «Shift» в тот момент, когда поверхность платформы, накренившись, заскользила прочь. Вовремя. Выпущенная мною протонная торпеда разнесла последнюю башню на миллионы мелких осколков, мерцая, лениво гаснущих в темноте.

– Неплохо. – Кратко прокомментировала Клара. – Ты ведешь.

Я резко развернул машину так, что плоскость следующей платформы оказалась точно подо мной и включил турбины на форсаж. Двигатели взревели, словно стадо раненых слонов, костюм исправно передал моему телу ощущающуюся в кабине вибрацию.

– Динамики спалишь, – иронично сказал кто-то за моей спиной, – убавь громкость.

– Отвали, – буркнул я, утопив до предела «Tab» и «Ctrl»… Не отвлекаться…

В меня начали стрелять практически сразу. Клара проспала первый залп и мне пришлось метнуться в сторону, пропуская

мимо две пылающие дорожки энергоразрядов, в результате чего я едва не врезался в ажурную металлическую стойку первых ворот. Я ответил беглым огнем, но метившая в меня башня уже лопнула огненным облаком – подоспевшая сзади Клара старательно наверстывала упущенное. Костюм неожиданно дрогнул и меня чуть встряхнуло: похоже, мой истребитель налетел на один из беспорядочно кувыркающихся вокруг обломков. Ерунда.

Ворота. Вправо – влево – вправо. Еще одно орудие. Мы с Кларой попали в него практически одновременно: башня, ослепительно сверкнув, разлетелась праздничным фейерверком, растаяв без следа в безвоздушном пространстве.

– Жив? – Поинтересовалась Клара, когда я снова подтянул свою «иглу» на ближнюю дистанцию к ее истребителю.

– Местами.

– Если почувствуешь неполадки, возвращайся на базу. Не хватало еще вызывать спасателей, чтобы вытаскивать тебя из полудохлого корабля.

Так вот, значит, как они эвакуируют потерпевших аварию игроков, запертых в лишенном подвижности истребителе с ограниченным запасом воздуха на борту. Дайверы. Следовало бы догадаться: смерть от удушья, даже в Глубине – не самое приятное из возможных ощущений.

– Я веду. Не отставай. – Скомандовала она.

Ее машина, тускло блеснув плоскостями, завалилась на бок и нырнула под поток устремившихся навстречу потоков энергии. Я поймал в перекрестье прицела одну из двух сбивчиво палящих по нам орудийных башен и выстрелил, башня полыхнула, исчезая в клубящемся огненном облаке. Выполнив короткую «бочку», я развернул истребитель и, ускользнув от встречного огня, начал заход по дуге на второе орудие. Вырвавшееся откуда-то из-за границ видимого мною игрового поля пламя, испускаемое бортовыми пушками моей «иглы», легло рядом с башней, зацепив ее, но не уничтожив. В следующий миг еще один энергоимпульс воткнулся в боковую стойку ворот, к которым приближалась машина Клары. Посыпались искры, сверкнуло, и ворота стали медленно складываться, будто карточный домик, теряя детали металлического каркаса. Клара рванула вверх, едва не попав под разряд провожавшего ее огнем орудия, и, заложив крутой вираж, исчезла из моего поля зрения.

– Смотри, куда стреляешь, дебил! – Заорала она в микрофон, сопровождая эту тираду потоками отборной брани.

– Это не я, Клара, – Мрачно отозвался я, разворачивая «иглу» прочь от прекратившей огонь платформы.

– А кто? Санта-Клаус?

– У нас гости. Посмотри на радар.

На тускло светящемся диске, помимо стремительно рассыпавшихся в стороны зеленых огоньков, обозначавших местоположение кораблей нашей группы, зловеще горели восемь ярко-красных точек. Один из изумрудных огней неожиданно вспыхнул и погас.

– Томми сбит! – Словно в подтверждение моих мыслей прозвучал в наушниках чей-то встревоженный голос.

– Твою мать… – Сквозь зубы выругалась Клара и переключилась на общий канал.

– Внимание всем! Отходим к базе. Быстро!

Что же, разумно. У нас на руках пять неопытных пилотов, которые вряд ли смогут оказать превосходящему их числом противнику достойное сопротивление. Близ станции они по крайней мере будут под прикрытием стационарных батарей ближнего боя и силового щита, что хоть немного уравняет шансы. Вот только успеют ли?

– Влад, отвлекаем их на себя. Справишься? – Это уже локальный канал.

– Попробую. – Отозвался я и, щелкнув несколькими клавишами, наложил на показания радара координатную сетку. – Трое на один-шесть-один. Ты ведешь, я в хвосте.

– Порядок.

Космос пестрел перед моим взглядом миллиардами крошечных серебристых звезд, казалось, что мы стоим на месте и стремительное движение наших кораблей выдавало лишь то, что три алые цели, отображающиеся сейчас на радаре, быстро и неумолимо приближались. Поскольку я развернул картинку во весь экран, поле моего обзора было весьма ограничено, в чем я еще раз убедился, немного повертев головой. Заметить противника я, пожалуй, смог бы, только когда он приблизится ко мне вплотную – я попросту не сумею различить вражеские истребители на фоне такого количества далеких светил. Лучшей маскировки придумать, наверное, невозможно. Потянувшись к клавиатуре, я нажал «F6», отключая интерком.

– Маша, убери детализацию. – Приказал я.

– Выполнено.

Звезды исчезли. Вместо них осталось лишь пустое черное пространство, возле границы которого по-прежнему мерцало призрачное кольцо радара. Наконец где-то вдалеке блеснула маленькая белая точка. Вторая. Третья. Ну-ка…

Нажав «F3», я изменил привычный крестик прицела на две прямоугольные скобки, навел их на едва различимые в непроглядной черноте искорки и надавил «Enter». Компьютер

пискнул и передо мной появилось изображение трех кораблей противника, сопровождающееся их краткими техническими характеристиками и цифровым счетчиком, отсчитывающим стремительно сокращающееся между нами расстояние. «Esc». Мгновение поразмыслив, я снова включил внешнюю связь.

– Клара, два штурмовика класса «демон» по бокам и истребитель типа «тайфун» в центре. Дистанция полторы тысячи километров. Штурмовики я беру на себя, истребителем займешься ты. Я зайду с фланга.

– Черт, откуда…

– Позже. – Оборвал ее я и рванул истребитель вправо. Картинка плавно поплыла в сторону.

Время стерлось. Оно перестало существовать, сконцентрировавшись в черной пустоте окружающего меня пространства и бесследно растворившись в нем.

Здесь не было ни сторон света, ни расстояний – только великое ничто, простирающееся в бесконечность. Ориентироваться я мог лишь по положению собственного тела, напряженно выпрямившегося в кресле, приняв за «верх» часть игрового поля, расположенного над моей головой.

Первый «демон», видимо, успел разгадать мой маневр. Покинув строй, он взмыл ввысь и попытался спикировать на мой истребитель, поливая свою цель непрерывными потоками огня.

Не вышло.

Уклонившись с линии его атаки, я в свою очередь совершил мертвую петлю и зашел ему в хвост. «Демон» – неповоротливая машина, предназначенная для нападения на космические станции и крупные корабли, именно поэтому для очередного изменения траектории ему потребовалось несколько секунд.

Которые и решили исход схватки.

Угловатый, грубый рисунок, маячивший в перекрестье моего прицела, рассыпался миллионами уносящихся в стороны желтовато-белых точек. Я мельком взглянул на радар. Худшие мои опасения подтвердились: мы потеряли еще две машины.

С последним противником мы с Кларой расправились вместе. В попытке спасти свою жизнь пилот второго штурмовика бросил свою машину в штопор, уходя из моего поля зрения, но тут же попал под прицел истребителя Клары. В тот миг, когда выплевываемые ее пушками ярко-зеленые лучи оторвали «демону» один из двигательных понтонов, я накрыл беспорядочно кувыркающийся корабль синхронным залпом из обоих бортовых орудий.

– Возвращаемся к базе, – отрывисто скомандовала Клара и я покорно развернул свою «иглу», ориентируясь по показаниям

радара.

Вот так вот и проходят захватывающие космические сражения. Грубая, примитивная графика, условные звезды-пикселы на залитом черным экране, напряжение на кончиках пальцев, надавливающих тихо щелкающие клавиши… Неужели для этого потребовался длительный, кропотливый труд сотен и тысяч людей, создававших трехмерные модели космических кораблей, рисовавших миры, звезды, планеты, выдумывавших дожди и облака, ветер и солнце, любовь и ненависть? Труд, перечеркнутый одним движением ресниц, одной быстрой, как молния, мыслью. Это игра. Я – не в ней. Она – не во мне.

Не хочу.

Просто не хочу. Пальцы сами тянутся к клавиатуре, замирают на мгновение и решительно ложатся на гладкий, теплый от недавних прикосновений пластик.

Deep. Ввод.

Сознание взрывается изнутри ослепительным вихрем миллиардов оттенков и цветов, которым люди еще не придумали название. Калейдоскоп красок подхватывает меня, словно снежинку на ветру, швыряя в бездонную пропасть, в пропасть, где нам не суждено разбиться.

Космос вновь вспыхивает перед моим взглядом серебристой звездной россыпью. Я сжимаю рукой штурвал, свободная ладонь расслаблено лежит на рычаге тяги, приборная панель таинственно светится в темноте кабины призрачным зеленоватым сиянием.

Это изумрудное свечение успокаивает меня, придает уверенности и силы. Мне нравится зеленое. Мой любимый цвет.

Вражеский истребитель, медленно вращаясь вокруг своей оси, камнем падает на спасающуюся бегством «иглу». Отблески далеких светил играют на плоскостях вспыхивающими и гаснущими бликами, хищный, вытянутый корпус чужого корабля тускло меркнет, когда его настигает тень близкой станции. Орудия этой части космической базы молчат, опасаясь попасть по своим. «Игла» затравлено меняет курс, неловко уходя от атаки, однако противник явно опытнее и быстрее. Он выправляет траекторию, стараясь выйти на дистанцию ближнего боя. Скупо и точно маневрирует, еще не догадываясь, что он уже обречен.

Чуть поворачиваю штурвал, сервоприводы пронзительно взвизгивают, наводя подвешенные под плоскостями орудия на цель. Рано. Пока еще рано. А вот теперь – в самый раз.

Четыре очереди неоново-зеленых лучей проходят мимо, ярко полыхнув в пространстве при столкновении с невидимым силовым щитом станции, по которому тут же начинает

расползаться от точки каждого взрыва призрачная голубоватая окружность рассеивающейся энергии. Пятая очередь настигает «тайфун», он распухает оранжево-желтым облаком, из которого брызжут в пустоту плавящиеся обломки металла, смешиваясь с равнодушными звездами.

В то же мгновение счастливо избежавшая гибели «игла», бессильно завертевшись в пространстве, исчезает в ослепительной вспышке, и мне приходится рывком тянуть штурвал на себя, выворачивая его вправо до хруста в суставах. Резкое ускорение с чудовищной силой вдавливает меня в пилотское кресло и правая половина лица наливается свинцом, прилипая к подкладке шлема. Быстрый взгляд на приборы. На экране радара мерцают лишь три красные точки. Счет пять – четыре в нашу пользу, и это хорошо. Рядом, на схематичном изображении моего корабля мигает желтым контур моей левой турбины. А вот это уже плохо. Как только рисунок станет красным, двигатель сгорит. И мне придется выйти из боя.

– Зафиксирован перегрев левого маршевого двигателя, – раздается в моих наушниках металлический голос бортового компьютера «иглы», подтверждая отображающуюся на приборной доске визуальную информацию – система охлаждения выведена из строя.

И тут же моих ушей достигает встревоженный возглас Клары:

– Влад, у тебя «тайфун» на хвосте!

– Не могу сбросить. – Кратко отвечаю я, закладывая очередной вираж. – У меня проблемы с управлением.

– Я иду.

Истребитель действительно начинает вести себя странно. Отпускаю штурвал вниз, вытягивая сектор газа на себя до упора: звезды вращаются перед моими глазами, диковинным снегопадом текут вправо и вверх, выпущенные невидимым противником энергозаряды проходят мимо. Однако «игла» слушается руля неохотно, в ее реакциях начинает ощущаться какая-то сонная заторможенность. Выйти бы ему в хвост… Не получится. С таким управлением – точно не получится. Остается только маневрировать, спасаясь от нападающего сзади корабля.

Штурвал вниз, влево, вверх. Звезды перемещаются синхронно движениям моего истребителя, вот только «тайфун» сидит за спиной, точно приклеенный, старательно поливая меня алыми трассами концентрированной энергии. Затем позади угадывается короткая вспышка и мелькающие дорожки энерголучей перестают рассекать пустоту.

– Готов. – Звучит в наушниках довольный голос моего инструктора. – Слева еще двое.

Разворачиваю машину влево, навстречу стремительно несущимся в мою сторону кораблям. «Иглу» качает, словно в переменчивом воздушном потоке, но здесь не может быть воздуха. Да что же случилось с управлением, черт возьми?

– Влад, возвращайся на базу! – Командует Клара. – Выходи из боя, слышишь?

Вот уж фиг.

Навожу прицел на ближайший ко мне истребитель, готовясь резким движением штурвала уклониться от огня.

Но они не стреляют.

Едва успеваю повернуть голову, чтобы увидеть, как оба вражеских «тайфуна», промелькнув под моим кораблем, бесследно растворяются в мелком крошеве звезд, сверкнув дюзами напоследок.

– Ушли в гиперпрыжок, – пояснила Клара, кажется, с какой-то детской обидой в голосе, – все, домой.

Ну, домой, так домой.

Плавно, осторожно поворачиваю штурвал, и тяжелые, громоздкие конструкции станции медленно наползают на меня, заполняя все видимое пространство. Серебристо-желтоватый металл резко контрастирует с непроглядной чернотой вечной космической ночи, а там, где гигантские рукотворные модули базы скрываются в тени выступающих над ее поверхностью блоков, искрятся белыми точками огни жилых и технических помещений, тщетно пытаясь соперничать с рассыпанными вокруг такими же точками чистых, далеких звезд. Увы – им не дано затмить миллиарды затерянных в бесконечности светил. Звезды, похожие на осколки тонкого хрупкого хрусталя, беззвучно смеются над порождением человеческих рук.

Потому что они – живые.

Насколько могут быть живыми нарисованные звезды в нарисованном мире.

Я на мгновение закрываю глаза, пытаясь утонуть в этой сверкающей глубине, погрузиться в нее, зачерпнув серебристую ртуть звездного света в ладонь. И в следующий миг тяжеловесные конструкции станции начинают вращаться, все быстрее и быстрее притягивая к себе мой крошечный кораблик.

Сердце сжимается ледяным комом. Спустя мгновение, похожее на вечность, мир тонет в кипящем океане вырвавшегося на волю огня и я рассыпаюсь бессчетным количеством частиц, уносящихся к этим недостижимым звездам.

Мне все-таки удается раствориться в этой черной, непроглядной глубине.

– Вы погибли от динамического удара о поверхность станции

«Лангар», – раздается где-то в висках лишенный интонаций голос, – примите в связи с этим наши искренние сожаления.

Синева. Белая фигурка падающего в никуда человечка – символ Глубины, созданный когда-то неизвестным дизайнером, имя которого уже давно затерялось в истории. Вот как, оказывается, выглядит выход из виртуальности для рядовых жителей этого мира.

Глубина… Я принимаю твои искренние сожаления, Глубина. Ты плачешь, когда где-то на дне твоей бездонной пропасти гибнут люди, и твои слезы превращаются в тысячи ярких звезд, падающих с небосвода несуществующих планет в доверчиво подставленные нами несуществующие ладони. Я понимаю тебя, Глубина.

И потому не имею права на тебя сердиться.

Черный пластиковый шлем кажется мне необыкновенно тяжелым, это, наверное, сказывается усталость после проведенной мною в киберпространстве бессонной ночи. Освободившись от виртуального костюма, выхожу в коридор и нос к носу сталкиваюсь с бодрым, улыбающимся, и, видимо, отлично выспавшимся Олегатором.

– Пойдем, – хватает он меня за рукав и тащит в свой кабинет. – Вот, полюбуйся.

Олег подходит к своему рабочему столу, ловко щелкает несколькими клавишами и на экране монитора его компьютера появляется ровная колонка какого-то текста, пестрящего множеством латинских символов.

– Что это? – Спрашиваю я своего приятеля. Олегатор довольно ухмыляется, явно испытывая непередаваемое удовольствие от созерцания моей озадаченной физиономии.

– Это хрупкое и необычайно сексуальное тело твоей виртуальной подружки, – глумливо улыбаясь, с пафосом произносит он, – а теперь взгляни вот сюда.

Я пристально вглядываюсь в выведенный им отдельным окном фрагмент машинного кода.

```
$[ACCESS MODE="@local user"]
$[AREA="@service-area"]
$[I-CONNECT="@autorisation"]
.access data{
user-label: &special;
user-login: dixi;
user-log: skip_logs;
}
.shadow {backup: none;}
```

– И что означает эта галиматья? – Вяло поинтересовался я, неторопливо пролистывая содержимое окна.

– Понятия не имею! – Хохотнул Олегатор.

– То есть?

– То есть это было встроено в код скопированного тобою образа наподобие подпрограммы. Какой-то специальный модуль, назначение которого мне совершенно непонятно. Могу сказать только одно: эти команды не являются стандартными функциями, с помощью которых описывается внешний облик и прочие характеристики виртуального тела. Так-то вот.

– Забавно… – Честно говоря, я сейчас слишком туго соображал, чтобы оценить всю важность олегаторовой находки. – Скинь мне на машину копию.

– Уже.

– Больше ничего?

– А чего тебе еще нужно? – Насупился Олег. – Паспортные данные? Адрес прописки? Фамилия – имя – отчество? Извини, старик, нету. Чем богаты…

Я почувствовал себя ужасно виноватым.

– Не злись, Олежка, я знаю, что ты старался… – Примирительно произнес я. – Просто устал, мозги уже почти кипят. Прости.

– Всю ночь в Глубине проболтался? – Понимающе прищурился Олегатор.

– Угу.

– Вали спать. Потом поговорим.

Я с благодарностью кивнул и отправился в свою комнатушку, заглянув по пути лишь в туалет, выстудившийся за ночь до состояния дурно пахнущего холодильника. Уже перед дверями моей комнаты я догадался взглянуть на часы. Семь утра. Неплохо погуляли…

Сил хватило только на то, чтобы доползти до раскладушки. Рухнув на подушку, я закрыл глаза и тут же провалился в глубокий, вязкий сон, состоящий из бесконечной темноты, в которой кто-то рассыпал щедрой рукой миллиарды далеких хрустальных звезд.

03

Меня разбудил Денисов.

– Вставай, боец, нас ждут великие дела, – прогремел он, бросая на пол две огромные спортивные сумки, раздутые словно удав, проглотивший по недоразумению средних размеров слона. Я приподнялся на локте, стараясь сбросить с себя последние обрывки сна, настойчиво цепляющегося за мое сознание.

– Здесь твои шмотки, – пояснил Денисов, – теперь заживешь, как король.

– Здравствуйте, Денис Вениаминович, – запоздало поприветствовал его я, потянувшись за сигаретой к валявшейся рядом с телевизором пачке.

– Поешь сначала, – заботливо посоветовал он, глядя, как я, щелкнув зажигалкой, выпускаю к потолку тонкую струйку дыма. – Ну, рассказывай. Как ты тут? Не обижают?

– Денис Вениаминович, скажите откровенно… Вы знали? – Задал я вопрос, который мучил меня на протяжении вот уже последних нескольких дней.

– О том, во что именно ты вляпался и чем все это может для тебя закончится? – Сразу став каким-то серьезным, переспросил он.

Я кивнул.

– Откровенно? Нет.

Он нахмурился, помолчал немного, затем вытащил из моей пачки еще одну сигарету, размял в пальцах, закурил и продолжил:

– Мне пришлось поднять все свои связи, чтобы выяснить об этом ночном нападении хоть что-то. На это ушло чертовски много времени и сил, но ничего не получалось. Никаких зацепок. Потом на меня вышел Кролевский…

– Кто?

– Алексей Анатольевич. Мы были немного знакомы, но он работает не в нашем ведомстве, в смежном… Он объяснил ситуацию. И убедил меня, что лучшим выходом было бы привести тебя сюда.

Денисов поднял глаза и изучающе посмотрел на меня, словно пытаясь определить, как я отреагирую на его слова. Верю ли? Держу ли на него обиду за то, что не без его содействия я оказался запертым в этом мрачном здании, без права свободного перемещения за его пределами?

Верю. Держу.

Но прекрасно понимаю, что иного выхода у него просто не

было.

Равно как сейчас нет выхода у меня.

– Денис Вениаминович, вы понимаете, что теперь меня отсюда уже не выпустят? – Устало поинтересовался я, затягиваясь горьким и приторным на голодный желудок дымом. – Что ваши коллеги, заполучив в свое распоряжение настоящего дайвера, в лепешку расшибутся, чтобы оставить его у себя? Уж не знаю зачем. Выполнять задания в Глубине, искать лазейки в чужих программах, просто для того, чтобы исследовать его способности…

– Не говори ерунды, – поморщился Денисов, – и пообещай мне, что это останется между нами.

– Что именно?

– То, что я тебе сейчас скажу.

Я пожал плечами.

– Хорошо.

– Мы занимаемся этой проблемой уже довольно давно. Не контора Кролевского, а наша. Мы приглашали к сотрудничеству… дайверов.

– Грубо говоря, вы просто ловили их по сети. – Резко поправил его я. Денисов медленно кивнул.

– Именно так. Мы снимали энцифалограммы, делали томограммы головного мозга, вводили их в киберпространство и отслеживали функции организма… Бесполезно. У нас ничего не получилось, Влад. Несмотря на то, исследования осуществляли лучшие врачи, использующие самое современное оборудование. Способности дайвера – это врожденный талант, не поддающийся количественной оценке, как и, например, способность писать прекрасные стихи или сочинять фантастические романы. Это находится где-то так глубоко в вашем мозге, что вычислить и исследовать этот дар решительно невозможно. А потом… Потом наши дайверы просто теряли свои способности.

– Что? – Воскликнул я, едва удержавшись, чтобы не вскочить на ноги.

– То. – Грубо отрезал Денисов. – Дайверы не живут в неволе. Видимо, свобода, не в фигуральном, а в самом прямом понимании этого слова, является обязательным фактором для того, чтобы у человека получалось выходить из Глубины по собственному желанию. Стоит запереть дайвера в любой, даже самой комфортабельной и удобной тюрьме, и через некоторое время он уже ни на что не будет годен.

Боже мой… Сколько же дайверов они погубили? Двоих? Троих? Несколько десятков? Сколько потребовалось ни в чем не повинных мужчин и женщин, чтобы убедить государство в

неспособности нового оружия подчиняться приказам людей в погонах? Сколько было сломано судеб, сколько было пролито слез и пережито нервных срывов для того, чтобы государство, согласившись со своим бессилием, неохотно отступило? Если это действительно так, и в сознании лишенного свободы дайвера что-то необратимо изменяется, заставляя его стать таким же как все, утратить возможность не просто жить в Глубине – управлять ею, зачем они отняли свободу у меня? Я представляю, что пришлось пережить тем, о ком говорит сейчас Денисов. Утеря способностей дайвера – это шок, побороть который способен далеко не каждый. Они больше не смогут сказать себе, что вокруг – игра, вокруг – нарисованный мир, созданный их разгоряченной фантазией, убедить себя в том, что Глубины не существует и очутиться дома перед компьютером, подключенным к далекому и гостеприимному Диптауну. Они уже не смогут одолеть Глубину.

Но и забыть – тоже не смогут.

Вот только сумеют ли они жить с этим дальше?

Я бы не сумел. И потому я не хочу оказаться на их месте.

Сигарета догорела до фильтра и я с силой раздавил ее о стенку мятой консервной банки, выполнявшей в моем хозяйстве роль пепельницы. Силы как-то разом оставили меня, и на освободившееся место хлынуло отчаянье. Ледяное, тоскливое чувство безысходности, ощущение бессильной злости, направленной в никуда и умноженной на твердую уверенность в невозможности что-либо изменить.

– И что дальше? – Сдавленно спросил я.

– А ничего. – Ответил Денисов. – Тебя выпустят. Как только все успокоится и прояснится, ты сможешь беспрепятственно катиться на все четыре стороны. Если ты захочешь добровольно продолжать сотрудничество…

– Не захочу.

– Я так и думал, – Кивнул Денис Вениаминович, – тогда тебя просто оставят в покое. Будут, конечно, понемногу приглядывать за тобой, но вмешиваться в твою жизнь без крайней необходимости не станут.

Иными словами, я просто сменю тюрьму размером с небольшое здание на тюрьму размером в страну. Уехать за границу? Да кому там нужен русскоязычный журналист, пусть даже со способностями дайвера? У них хватает и своих безработных… Да и позволят ли? Ой, сомневаюсь…

– Ладно, разбирай чемоданы, – махнул рукой Денисов, – кстати, ты все-таки подумай насчет сотрудничества. Есть в этом определенные преимущества. Да и Алексей Анатольевич мне тебя хвалил. Утверждал, что ты толковый парень, не без

разгильдяйства и выпендрежа, конечно, но толковый. А твоя хроническая безалаберность – это возрастное. Со временем исчезнет.

– Перевоспитаете? – С горечью ухмыльнулся я.

– Вот еще, время тратить… – Рассмеялся Денисов. – Само пройдет.

На улице как всегда было шумно, людно и бестолково. И я как всегда шел к «Миссии Судеб» пешком, используя эту пусть даже ничтожную возможность почувствовать свободу, вдохнуть чистый, свежий воздух этого удивительного мира, забыть хотя бы на мгновение о том, что стоит лишь закрыть и открыть глаза – и наваждение исчезнет, растворится в грубой материи реальности, рассыплется миллионами сверкающих осколков.

Настроение было отвратительным. Похоже, еще никогда я не ощущал себя так мерзко и противно. Нестерпимо хотелось вынырнуть из виртуальности, сорвать с головы тяжелый пластиковый шлем и больше никогда не входить в Глубину.

Но я твердо знал, что не смогу поступить так. Что не смогу существовать без этих улиц, этого теплого воздуха и этого бесконечного багрового заката дольше нескольких дней. Что меня снова и снова будет невыносимо тянуть сюда, и жизнь превратится в пытку, и не станет покоя, и я не выдержу, сорвусь в Глубину, ступив с края обрыва в бездонную пропасть.

Возможно, я разобьюсь насмерть.

Возможно, мне все-таки удастся взлететь.

И я знаю, что буду бросаться в эту манящую пустоту снова и снова, до тех пор, пока держат крылья, до тех пор, пока есть силы ловить ими переменчивый ветер, до тех пор, пока в моей груди бьется жизнь.

Ведь это так просто – жить…

На этот раз парень, шагнувший мне навстречу, был одет в длинный легкий плащ из тонкой черной материи, под которым угадывалась черная же рубашка без воротника и заправленные в высокие остроносые сапоги блестящие, кажется, кожаные, штаны. Вьющиеся темные волосы беспорядочно рассыпаны по плечам, благодаря чему в первый миг я даже принял его за девушку. Что-то уж больно много развелось в последнее время агентов торговых фирм, работающих в Глубине. Сейчас опять начнет что-нибудь навязчиво мне предлагать…

– Сэр? – Обратился ко мне парень, стараясь задержать меня вежливым жестом руки. Не выйдет, дружище. Я тороплюсь.

– Извините, сэр, вы не подскажете, как пройти к инфоцентру?

Инфоцентр? Первый раз в жизни слышу такое название.

– Понятия не имею, – неохотно буркнул я. – Спросите у

полицейских.

– Я спрашивал. Они не знают.

– Ничем не могу помочь. – Отрезал я и свернул в ближайший переулок, ведущий к цели моего путешествия.

Спустя десять минут я уже открывал двери «Миссии Судеб».

Приемный зал игрового центра был как обычно пуст.

– Аберон, – громко произнес я свою учетную запись, на которую заносились все данные о прохождении мною игрового пространства «Миссии», – Владислав Акимов, один – два – восемь – три – эй – икс – двадцать пять – зет.

– Пароль принят. – Донесся откуда-то из-под потолка мелодичный женский голос. – Добро пожаловать в «Миссию Судеб», Владислав.

Стены померкли. Окружающее меня пространство приемного зала дрогнуло и растворилось, уступая место тусклым металлическим стенам коридора базы «Лангар». Я снова оказался в игре.

– Влад? – Клара догнала меня, когда я входил в наполненный заводским шумом и громкими голосами техников ангар. – Влад, подожди.

– Да, инструктор? – Обернулся я, стараясь придать голосу максимум ироничной вежливости.

– Влад, ты… Ты неплохо справился. – Сказала она, глядя куда-то в сторону. – Я подала рапорт о твоем переводе в восьмую эскадрилью действующего флота. Он был одобрен. Челнок прибудет через полчаса.

– Спасибо, – сказал я, пристально всматриваясь в ее лицо. Клара поймала мой взгляд и улыбнулась.

– Влад, я не стану спрашивать тебя, откуда ты узнал тип атаковавших нас кораблей, – сказала она.

– И еще раз спасибо, – кивнул я, – я не люблю врать.

– В этом нет необходимости, – ответила Клара, – я все-таки проследила твой канал… Он теряется на одном из анонимных гейтов, просто исчезает без следа.

Вот это новость. Оказывается, программисты Алексея Анатольевича потрудились не только с моим виртуальным образом, а еще и озаботились провести мой канал связи через сеть так, чтобы никто не смог им воспользоваться или отследить его источник. Неплохо. Я даже был более, чем уверен, что где-то по пути они установили какой-нибудь программный фильтр, надежно отсекающий от моей машины всю постороннюю информацию, вроде простеньких маркеров или более сложных жучков – разведчиков. Иначе как можно объяснить непроницаемость моего тела для вирусного оружия?

– Влад, когда ты наиграешься… – Осторожно начала девушка. – Когда ты наиграешься, постарайся найти меня. Нам нужны… дайверы. И мы неплохо платим.

Вот как? Всем нужны дайверы, Клара. И все готовы за это платить, правда, каждый по-своему. В последнее время у меня накопилось такое количество заманчивых предложений о сотрудничестве, что впору лопнуть от гордости.

Это и настораживает.

Это и не позволяет мне жить спокойно, не позволяет совершить такую малость – просто жить так, как мне этого хочется. Тебе не повезло, Клара. Ты далеко не первая в очереди тех, кому нужны дайверы, а те, кто стоят перед тобой, вряд ли пропустят тебя вперед.

– Я подумаю, хорошо? – Уклончиво ответил я.

– Думай. – Ответила она и, кивнув мне на прощанье, зашагала прочь.

Флагманский крейсер четвертого объединенного флота Земли «Армагеддон» представлял собой многокилометровую громадину с населением почти в тысячу человек. Даже внутренние помещения здесь были не в пример просторнее, чем на «Лангаре». Огромный, казавшийся издалека почти плоским эллипс крейсера производил неизгладимое впечатление. Гигантская, но вместе с тем удивительно красивая машина создавала ощущение надежности, мощи, силы, неоспоримого торжества живого разума над безжизненной космической стихией. Научится ли когда-нибудь человечество строить такие же корабли в реальности? Мне очень хотелось в это верить.

– Хо! Какая встреча!

В оранжевом комбинезоне пилота-истребителя Мика смотрелся просто великолепно. С приветливой улыбкой он хлопнул меня по плечу и ухватив за рукав, оттащил в сторону, уступая дорогу медленно катящейся по коридору тележке, нагруженной каким-то металлическим хламом.

– Давно здесь?

– Целых пятнадцать минут. – Улыбнулся я.

– Давай, осваивайся. Рекомендую посетить наш ресторанчик «звездное небо», он на втором уровне. Там собирается почти весь личный состав после полетов. Есть и девушки, притом симпатичные…

Последний аргумент убедил меня как можно быстрее воспользоваться советом Мики, пока еще позволяло время. Если где-то я и мог найти девушку, которую искал здесь вот уже который день, так это там, где собирается личный состав крейсера. Если она вообще присутствует на этом корабле. Если

вообще играет за людей, а не за трейторов.

Слишком их много, этих «если».

Что же, пусть даже я не найду того, кто мне нужен, так хоть немного развеюсь.

– И как мне туда попасть? – С интересом осведомился я.

– Воспользуйся информационным терминалом, – Мика махнул рукой в сторону вмонтированного в стену коридора небольшого плоского монитора с выдвижной клавиатурой, – вводишь свой пароль и место назначения, получаешь самый короткий маршрут. Кстати, в «небе» меня проще всего отыскать, если я вдруг тебе понадоблюсь. Все, пока, надо бежать. Таймер, чтоб его…

Мика весело подмигнул мне, и, еще раз хлопнув по плечу, быстрым шагом заторопился прочь.

– Эй, спасибо! – Крикнул ему в след я, но тот уже скрылся за поворотом.

Значит, терминал…

Посмотрев в сияющий небесной голубизной монитор, отображающий сейчас стилизованную под готический шрифт надпись «Ударный крейсер „Армагеддон“. Информационная служба», я принялся изучать его нехитрое устройство. Плоский, кажется, жидкокристаллический экран, клавиатура. Никаких других устройств ввода мне обнаружить не удалось. Небольшая выпуклость в стене указывает толстую артерию проводов, исчезающих под металлической обшивкой тоннеля в неизвестном направлении…

Стоп. Есть в этом какая-то непонятная странность. Терминал должен подключаться к общей информационной магистрали корабля, которая, скорее всего, находится где-то в глубине его внутренних переборок. В таком случае, куда ведет это ответвление, проложенное горизонтально полу, прямо под обшивкой? Может быть, силовой кабель? Не похоже…

Решение пришло само собой. Закрываю глаза, стараясь на мгновение абстрагироваться от окружающей меня действительности, утратить связь с пространством и временем. Это – игра. Условность. Я – не в ней. Она – не во мне. Считаю до трех и вновь поднимаю веки.

Плоский синеватый монитор, клавиатура, выпуклая дорожка спрятанных под металлом проводов скрывается за ровной квадратной панелью, вмонтированной в стену тоннеля и незаметной глазу оттуда, из Глубины. Вот это уже интересно. Чертовски интересно.

Надавливаю на панель ладонью и она бесшумно скользит в сторону, открывая передо мной небольшую квадратную нишу, в

которой установлен еще один монитор и еще одна клавиатура. Единственное отличие данного устройства от его брата-близнеца, расположенного рядом, заключается в том, что здесь экран черен, как космическая ночь. Что-то подобное мне доводилось видеть когда-то очень давно. Картинка смутно напомнила мне тайники с аптечками, боеприпасами и оружием, беспорядочно разбросанные по многочисленным уровням довиртуальных трехмерных игр. Вроде той, с которой и началась Глубина. Такие тайники вполне можно обнаружить. Если знать, где искать, и помнить, куда следует нажать дулом гранатомета.

На абсолютно черном экране виднеется лишь одна-единственная надпись, три строки, отображающиеся скромным белым шрифтом:

System terminal: service area;

Enter command:

#term >

В конце последней строчки приглашающе мигает курсор. Системный терминал? Еще интереснее. Сервисная область… Где-то я уже видел подобную надпись…

Озарение грянуло внезапно, словно разряд электрического тока прошил меня насквозь.

– Маша, код виртуального образа на экран, – стараясь унять неизвестно откуда появившуюся дрожь в голосе, скомандовал я, – файл «незнакомка», расширение «clt».

– Выполнено. – Откликнулась машина и на экранчиках моего шлема из ниоткуда возник уже знакомый мне программный код.

– Что же, попробуем… – Пробормотал я, потянувшись к клавиатуре.

#term > user dixi
«user»: bad command or file name. Try again.
#term >

Не вышло. Бывает. Главное – не победа, главное – участие. Попытаемся еще разок…

#term > call user dixi
«call»: invalid operand. Procedure interrupted.
#term >

Уже теплее. А если иначе? Я снова забарабанил пальцами по клавиатуре:

#term > call dixi

Please specify access mode:
#term > local user
Please enter user label:
#term > special
Wait…

Неужели получится? Сердце учащенно застучало в груди. Черт, ну не может же все быть так просто… Или я ошибаюсь?

User located.
Open chat session #channel 1;
#term $chat: dixi > Слушаю

Получилось! Я готов был не поверить собственным глазам. А ведь действительно просто… Мои руки ожили помимо моей воли, отстукивая на клавиатуре неровную барабанную дробь в такт бьющемуся где-то под ключицами, подступающему к самому горлу сердцу.

#term $chat: channel #1 > Надо встретиться
#term $chat: dixi > Ты кто?
#term $chat: channel #1 > Нетлан. Первых дизайнеров, 25. Ты стреляла в меня, помнишь?
Пауза. Слишком долгая пауза. Секунды текут, словно часы: время замедлило свой бег.
#term $chat: dixi > Ты на Армагеддоне?
#term $chat: channel #1 > Да
#term $chat: dixi > Как ты меня нашел?
#term $chat: channel #1 > При встрече
#term $chat: dixi > Звездное небо через десять минут. Пароль «рандеву».
Disconnect user: dixi;
Session terminated;
Enter command:
#term >

Связь прервалась, но мне хотелось прыгать от радости. Если это не победа, то что же? Мне все-таки удалось найти то, что я искал, удалось несмотря на то, что шансы, казалось, были ужасающе ничтожны.

У меня много вопросов. Чертовски много. И если загадочная Дикси не ответит хотя бы на часть из них, клянусь, я заставлю ее сделать это.

Надвинув на глаза виртуальный шлем и осторожно проверив

разъем связывающего меня с компьютером кабеля, я вновь положил руки на клавиатуру.

deep

Ввод.

04

В ресторане «Звездное Небо» действительно оказалось шумно. Просторный, чем-то напоминающий небольшое футбольное поле зал был практически полон, гремела музыка, мелькали разноцветные огни, за столиками сидели люди, кто-то танцевал на виднеющемся вдалеке круглом возвышении. В первый момент я даже растерялся, опасаясь, что не найду Дикси в этом ужасном столпотворении. И только спустя несколько секунд я догадался произнести вслух названный ею пароль.

Посетители исчезли: обслуживающий бар сервер вывел меня в индивидуальное пространство, зарезервированное лишь для тех, кто знает необходимое для открытия доступа ключевое слово. Для меня и Дикси. Безусловно, где-то рядом танцевали, развлекались и просто проводили свободное время остальные клиенты «Звездного Неба», однако мы больше не видели их, а они – нас.

Она сидела за небольшим полукруглым столиком в глубине зала, сжимая в руке тонкий хрустальный бокал, в котором медленно таяли прозрачные кубики льда. Она была все в том же хрупком теле девушки-подростка, в котором я видел ее тогда, кажется, уже тысячу лет назад. Только теперь темно-каштановые вьющиеся волосы не были стянуты на затылке, а искрящимся в перемигивающихся лучах софитов водопадом свободно расплескались по плечам. Я заметил ее, лишь ощутив на себе пристальный и испытующий взгляд, направленный в мою сторону из-под полуопущенных ресниц.

– Как ты меня нашел? – Снова спросила Дикси, когда я уселся на противоположный стул, взяв в руку поджидавший меня наполненный бокал с каким-то красным и густым на вид напитком.

– Копия твоего виртуального образа. – Ответил я, осторожно отхлебывая из тонкого хрусталя. Мартини оказался чертовски холодным и отчего-то имел приторный горьковатый привкус. – Там было несколько строк подпрограммы, информацией из которой я воспользовался с помощью служебного терминала.

– Понятно. – Дикси поставила свое вино на стол, и, небрежным жестом достав из воздуха сигарету, закурила. – О чем ты хотел поговорить?

– Что ты делала в «Нетлане»? – Я решил действовать предельно прямолинейно, стараясь перевести разговор в деловое русло и по возможности вытянуть из собеседницы максимум интересующей меня информации. Дикси усмехнулась, окутываясь

призрачным облаком голубоватого дыма.

– А что там делал ты?

Я тоже достал из кармана сигареты и, щелкнув зажигалкой, пристально посмотрел на девушку. Да уж, скрытность ей явно не к лицу.

– Заказ. – Сказал, наконец, я. – Содержимое сейфа с деловой документацией. Теперь твоя очередь.

– Данные. – Пожала плечами она. – Данные об алгоритмах программного управления удаленными компьютерами.

– Их там не было.

– Теперь знаю.

– И зачем?

– Не твое дело.

Очень содержательный диалог. Если беседа так пойдет и дальше, я ровным счетом ничего не добьюсь, и можно будет смело сказать, что время потрачено впустую. А во имя чего, собственно, я так стараюсь? Ради фантомной свободы, которую я, возможно, смогу обрести, когда тугой клубок последовавших за моим визитом в «Нетлан» непонятных событий будет, наконец, распутан? Не видать мне ее, как своих ушей. Ради Алексея Анатольевича? Плевать я на него хотел с высокой колокольни. Тогда – зачем?

Не знаю.

Возможно, я просто не привык оставлять однажды начатое на полпути.

Или – мне самому стало интересно разобраться в том, что происходит сейчас со мной? Так или иначе, другого пути у меня все равно нет.

– Послушай, Дикси, – начал я, глубоко затягиваясь сигаретой, – я совершенно не собираюсь лезть в твои дела, и мне абсолютно все равно, чем ты занимаешься, и что именно заставило тебя искать информацию о программах удаленного контроля над вычислительными системами. Я просто хочу понять некоторые вещи, которые касаются лично меня.

– Какие, например?

– Ну, в частности, как тебе удалось проникнуть сквозь запертую изнутри дверь? – Улыбнулся я. – Ты дайвер?

Дикси пристально посмотрела мне в глаза. И мне почему-то стало казаться, что я уже заранее знаю ответ.

– Нет.

– Может быть, в таком случае ты мне объяснишь?

Она молча взяла лежащую на столе салфетку и принялась вертеть ее в руках. Я терпеливо ждал. Салфетка приобрела форму кораблика, затем свернулась в некое подобие мятого и увядшего

цветка… А потом исчезла совсем. Растворилась между пальцами Дикси, словно и не было ее вовсе. Будто почудилась мне тонкая полупрозрачная бумага, минуту назад белевшая свернутым треугольником рядом с локтем сидящей напротив меня маленькой хрупкой девушки. Дикси потянулась к своему бокалу, задумчиво подняла его на уровень глаз, посмотрела сквозь кроваво-красное вино на свет. Краткий, неуловимый миг – и бокал снова оказался наполненным до краев, и в нем снова зазвенели хрусталики льда, и тонкое стекло запотело, неохотно принимая в себя окружавшее его живое тепло.

– Нас мало… Влад. Еще меньше чем вас, дайверов. Настолько мало, что люди даже не успели придумать нам подходящего названия.

Прекрасно. Она знает мое имя. Это означает лишь одно: в ее руках чуть больше козырных карт, нежели в моих.

А у меня, признаться, их нет совсем. Более того: теперь я со всей уверенностью мог сказать, что запутался окончательно и совсем перестал хоть что-то понимать. Кто она? И как, черт возьми, ей удалось разрушить мое инкогнито?

– Ну, с этим совсем просто, – улыбнулась Дикси, словно прочитав мои мысли, – регистрационная база «Миссии Судеб». Ты внес туда свои настоящие данные, а мне не составило труда их узнать. Теперь при определенном желании я могу выяснить о тебе практически все, включая домашний телефон и адрес прописки. Украденные из МВД и паспортных столов электронные базы данных продаются на компакт-дисках в каждом пиратском ларьке.

– Кто ты? – Не выдержал наконец я. Глядя на Дикси, беспечно и неторопливо потягивающую из своего бокала багровое вино, мне отчего-то стало немного неуютно.

– Человек. – Откликнулась она. – Просто человек, Влад. Один из немногих, чей разум, как и твой, принимает окружающую его реальность как морок, фантазию, мираж, пустую игру воображения – но не в состоянии разорвать сковывающее его гипнотическое воздействие виртуальности. Я одна из тех, кто интуитивно, на уровне подсознания и рефлексов, может управлять программами, из которых соткан этот мир. Но мне не под силу выйти из Глубины по собственному желанию. Я ответила на твой вопрос?

Вполне, Дикси. Только вот до настоящего момента я ничего не слышал о таких, как ты. Может быть, вы слишком искусно прячетесь от посторонних глаз? Или вас действительно настолько мало, что те, кто живет в Глубине, просто не обратили еще внимания на существование этого интересного феномена? Тогда

вдвойне странно то, что ты решила вот так вот запросто открыть эту маленькую тайну первому встречному. Глубина учит осторожности. Рано или поздно – но учит всех без исключения. И потому здесь никто и никогда не расскажет своему собеседнику того, что знать ему не положено. Тогда зачем это знать мне?

– Я не понимаю, Дикси. Не понимаю, зачем ты пытаешься бороться с Глубиной. Ведь это борьба, верно? Это твоя личная маленькая война, смысл и идея которой пока что от меня ускользает. И потому мне ужасно интересно. Интересно осознать – зачем?

Дикси поставила вино на стол и с любопытством посмотрела на меня. Кажется, она не ожидала такого оборота беседы и мне удалось застать ее своими словами врасплох. Неужели я опять попал в точку? Сумел каким-то образом догадаться о двигающих ее поступками скрытых мотивах?

– А ты оглянись вокруг, – сухо ответила она, – оглянись и посмотри внимательно на то, что происходит с тобой. На то, что происходит с твоими друзьями и знакомыми, на то, что творится со всеми нами.

– Это-то я и пытаюсь осмыслить, – улыбнулся я.

– Здесь нечего осмыслять. – Тихо ответила она. – Мир катится в пропасть, Влад, и мы катимся вместе с ним.

– Что ты имеешь в виду?

– Только то, что принесла на нашу планету Глубина. Уже сейчас многие из нас заказывают себе продукты в виртуальных магазинах только лишь для того, чтобы не выходить лишний раз из дому, уже сейчас мы общаемся с некогда лучшими друзьями раз в год по телефону, поскольку в остальное время мы либо работаем, либо болтаемся в киберпространстве, занимая единственную в доме телефонную линию. Уже сейчас мы знакомимся и любим в виртуальном мире, хотя настоящее место всем этим чувствам – в реальности. Мы проводим здесь сутки напролет, мы заводим здесь семьи и домашних животных, мы уже хороним здесь своих друзей. Пройдет еще немного времени, и в Глубине можно будет получить приличное образование, найти престижную высокооплачиваемую работу, прожить целую жизнь… Представь себе опустевшие улицы крупных городов, вставший транспорт, полностью автоматизированное производство, театры, музеи и библиотеки, окончательно переехавшие сюда, и нас, людей, намертво приросших к компьютеру и месяцами не видящих солнечного света… Тебе не страшно, Влад?

Конечно, она не права. Не права прежде всего потому, что человек изначально сильнее компьютера и его разум вполне сможет противостоять притягательной силе собственного детища,

сумеет не стать его рабом. Ведь в душе каждый из нас все равно воспринимает машину лишь как инструмент, надежный, полезный, незаменимый – но безжизненный инструмент, покорно исполняющий волю своего владельца.

Но ведь сумела же нас подчинить себе Глубина?

Нет, определенное рациональное зерно в ее словах все же есть… Только вот не верю я в компьютеризированное человечество. Наверное, потому, что слишком верю в человечество вообще.

– По-моему, ты немного преувеличиваешь, – мягко возразил я, – люди никогда не покинут реальный мир, променяв его на Глубину. Хотя бы потому, что человек намертво привязан к реальности своей физиологией. Это не аргумент?

– Нет. Скажи, тебе никогда не хотелось оставаться в виртуальности несколько суток подряд без необходимости время от времени выходить в реальность, чтобы выпить воды, поспать, перекусить и справить нужду?

Глупый вопрос. Конечно, хотелось. Но всякий раз я с горечью понимал, что это, увы, недостижимо.

– Техника идет вперед, – пожала плечами Дикси, – кто знает, на что благодаря ей будет способен человек уже через несколько лет…

– Ты асперист. – Уверенно сказал я. – асперист, страдающий киберфобией.

– Да, я асперистка! – Зло ответила она, с вызовом расправив плечи, и голос ее стал почти по-детски звонким. – А все аспери́сты – немного киберфобы.

Я улыбнулся. Нет, я не мог с уверенностью сказать, что был хорошо знаком с учением новомодного английского философа Ричарда Аспера, который, создавая свои расходящиеся миллионными тиражами труды о взаимоотношениях человечества и вычислительных машин, наверное даже и не предполагал, что его работа выльется в конечном итоге в целое движение воинствующих борцов с электронными технологиями. Удивительно, но факт: согласно общеизвестной статистике, большую часть активных аспери́стов составляла молодежь в возрасте от шестнадцати и до двадцати пяти лет – те самые ребята и девчонки, что неделями пикетировали около года назад представительства «Макрософт» и «Ай Би Эм», не жалея на это собственного времени в реальном мире, и личных сбережений – в Глубине. Выдать бы им по метле и заставить подметать тротуары, больше бы вышло толку… В свое время я внимательно прочитал асперовские «Человек и компьютер», «Силиконовый мир» и «Путь в никуда», причем последнюю книгу – в английском оригинале,

взятом с одного из интернетовских серверов, поскольку издательские корпорации единодушно отказались публиковать это произведение на бумаге, углядев в его названии и тексте очевидный намек на популярный и по сей день бестселлер Билла Гейтса. Стиль Аспера показался мне интересным и нетривиальным, а излагаемые им идеи – забавными и вполне способными увлечь за собой читателя. Не больше. Автору так и не удалось убедить меня в том, что компьютеры и виртуальность – это плохо.

Однако как бы то ни было, но теперь многое стало постепенно становиться на свои места.

– Прости, Дикси, но я никогда не поверю в то, что электронные технологии погубят наш мир. – Сказал наконец я, отставив прочь опустевший бокал. Мгновение – и в нем снова заиграло рубиновыми искорками поблескивающее еще не растаявшим льдом вино.

– Тогда человечество расколется на две части, – охотно парировала она, – причем начальный этап этого раскола ты можешь видеть уже сейчас. Компьютерщики и виртуалы выделились в обособленную касту, куда ламеров не подпускают и на пушечный выстрел. А если и подпускают, то лишь затем, чтобы немного поиздеваться над простаками, не знающими, где у компьютера кнопка «ресет». А ламеры тем временем копят злость на компьютерщиков. Которая рано или поздно во что-нибудь, да выльется. Я не права?

Я с любопытством припомнил давешний разговор с Эдгаром. Кажется, мы обсуждали то же самое, вот только с несколько иной точки зрения. Что же, сколько людей, столько и мнений.

– Отчасти. Вряд ли дело дойдет до гражданской войны.

– Поживем – увидим, – пожала плечами Дикси, – а в том, что нам суждено это увидеть, я уже почти не сомневаюсь. Для тебя что-то осталось непонятным, Влад?

– Очень многое. – Ответил я. – Например, с какой стати ты решила пойти со мной на откровенность? Я произвожу впечатление священника-исповедника?

– Что еще?

– Еще? – Я нахмурился. – Хм-м-м… Вряд ли я услышу ответы на эти вопросы от тебя.

– Сначала попробуй их задать.

– Ну… Например, почему, как выражается один из моих знакомых, умирать в Глубине вошло у меня в последнее время в дурную привычку. Слишком много несчастных случаев и нелепых случайностей, ставших системой, чтобы они могли оказаться простым стечением обстоятельств.

– Да, на этот вопрос я действительно не смогу тебе ответить, – кивнула головой Дикси, – не смогу ответить лишь потому, что найти ответ в состоянии лишь ты. В себе самом. К слову, это и есть причина моей сегодняшней откровенности.

Что у нее за дурацкая манера изъясняться загадками? Я пристально посмотрел в лицо Дикси, она вернула мне взгляд, но в ее глазах читалась лишь испытующая заинтересованность, смешанная с каким-то хитрым лукавством.

– В таком случае, быть может, ты знаешь, кто именно убивает меня в Глубине? – Не без ехидства поинтересовался я.

– Знаю.

Вот тебе раз. Очень интересно… Похоже, сегодня мне действительно удастся выяснить больше, чем я предполагал с самого начала.

– И кто же?

– Подумай.

– У меня нет врагов. – Возразил я.

– Есть.

Есть? Кто бы мог подумать… И когда же, любопытно, я успел их приобрести? Не помню такого, не помню, хоть убей. Вот только с чего я взял, что врагов у меня много?

Господи, неужели она права? Да нет, этого попросту не может быть… Ерунда какая-то… Или – все же? Тогда практически все сходится. И происходящее становится до невозможности логичным и вполне объяснимым. Объяснимым? Скорее наоборот, все запутывается еще больше…

– Ты понимаешь, – кивнула головой Дикси, отпивая маленький глоток «мартини».

Я понимал. И не дай Бог, чтобы ты действительно оказалась права, девочка.

Потому что у меня и вправду нет врагов. Кроме одного, с которым мне приходилось сталкиваться до настоящего момента каждый день, даже не осознавая происходящего.

Потому что если ты права, Дикси, это означает только одно. Я ищу ответы не там, где их следует искать. Поскольку меня не убивают в Глубине. Меня убивает сама Глубина. И от этого становится по-настоящему страшно.

05

– Да брось ты, Влад, – говорил Алексей Анатольевич, нервно расхаживая из угла в угол просторного помещения нашего вычислительного центра и обильно дымя дешевой сигаретой, – мистика это все, парень, мистика без каких-либо доказательств.

– А где я вам раздобуду доказательства? – Пожал плечами я, отпивая глоток горячего кофе. – Мы не в суде.

– И не на всесоюзном слете юных уфологов-энтузиастов. – С раздражением бросил он. – Ты никогда не заставишь меня поверить в то, что виртуальное пространство способно мыслить и самостоятельно принимать осознанные решения. Глубина – это всего лишь миллионы компьютеров, непрерывно работающих в сети. Куча проводов и микросхем. Только-то. Олег, микросхемы умеют мыслить?

Олегатор, по своему обыкновению сидевший на столе, сдвинув в сторону клавиатуру ближайшего компьютера и беззаботно болтая в воздухе ногами, с сомнением ухмыльнулся и сочувствующе посмотрел на меня.

– Я сам в это не верю, – огрызнулся я, подумав мимоходом, что скорее всего, я просто не хочу верить в то, что кажется мне пугающим и невозможным, – тем не менее, я и так уже сделал больше, чем мог. Сделал все от меня зависящее.

Алексей Анатольевич остановился посреди комнаты и окинул меня пристальным взглядом.

– А я ни в чем тебя и не обвиняю, Влад. – Примирительно сказал он. – Ты хорошо поработал. Молодец. И знаешь… Отправляйся-ка ты сегодня домой. Прими душ, выпей пива, отдохни, покрути видик. А завтра с утра возвращайся, я оставлю на проходной пропуск. Нам еще многое предстоит сделать… вместе.

Вот, значит, как. Запертому в темнице узнику за искреннее раскаянье и примерное поведение высочайше разрешена прогулка на свободу. Чтобы не забывал, каков на вкус пряник. Что же, наш вам за это низкий поклон, товарищи особисты. Только шли бы вы…

– Спасибо, Алексей Анатольевич, – выдавил из себя я, – это было бы очень кстати. А то у меня все больше и больше складывается такое ощущение, будто я зарос тут дерьмом по уши. Век не отмыться.

Я демонстративно и со вкусом почесался. Алексей Анатольевич сделал вид, что пропустил мою весьма двусмысленную фразу мимо ушей, искоса глядя на меня и

методично разминая догоревший до фильтра окурок в пепельнице.

– Я надеюсь на твое благоразумие, Влад.

– Человека благоразумнее меня вы не найдете при всем желании, – Изобразив на физиономии крайнюю степень покорности, отозвался я.

– Ну вот и славно. А налей-ка мне, пожалуй, кофе!

– Сию секундочку, товарищ начальник! – Я опрометью соскочил со стула и бросился у медленно остывающему в углу электрическому чайнику. – Вам с сахарком-с? Сколько ложечек изволите употребить? Одну? Две? Десять не размешивая?

– Ну хватит, Влад! – Хлопнул по столу ладонью Алексей Анатольевич. – Кончай клоунаду! Тебя что, по-человечески ни о чем попросить нельзя?

Все-таки мне удалось вывести его из себя. И выпустить таким образом лишний пар. Однако с циркачеством и впрямь впору было завязывать, все-таки от этого человека в определенной мере зависела моя дальнейшая судьба.

– Извините. Просто устал.

– Ладно, – отмахнулся от меня Алексей Анатольевич, – только, видно, рановато я начал нахваливать тебя Денисову…

– Она что-то говорила об асперистах, начал я, когда Алексей Анатольевич получил свою порцию кофе, а я долил собственную чашку до краев.

– Я слышал. – Оборвал меня он.

Ну просто замечательно. Значит, они не только отслеживают мои перемещения в виртуальном пространстве, а еще и прослушивают содержание всех моих бесед. В принципе, чего-то подобного следовало ожидать. Только вот до чего же все это мерзко… А если бы я решил заняться с этой Дикси любовью, там, в Глубине? Для пользы дела? Что же, они полюбовались бы неплохим бесплатным зрелищем…

– Один из вопросов с повестки дня попросту снимается, – подвел итог Алексей Анатольевич, – асперисты безобидны. Шуму от них, правда, много, а вот толку – никакого.

Ой ли? Этим бы ребятам, да хорошего организатора, и они вполне могли бы превратиться в реальную силу, способную свернуть с места не одну гору. С их-то нерастраченной энергией…

– Это движение весьма разрозненно, – словно уловив испытываемые мною сомнения, пояснил Алексей Анатольевич, – чтобы объединиться по-настоящему, им потребуется много времени и стараний. Не думаю, что им позволят это сделать… Так что если здесь приложили руку асперисты, нам опасаться

нечего.

– Если только она не врала, – вставил фразу Олег.

– А с какого перепугу ей врать? – Пожал плечами Алексей Анатольевич. – Проверим, конечно, но я искренне сомневаюсь в том, что здесь что-то не так.

На минуту мы все замолчали, думая о чем-то своем.

– Ладно, пойду, пожалуй, собираться, – вздохнул я, забирая с собой недопитую чашку, – к такому эпохальному событию, как визит домой, нужно как следует подготовиться.

– Валяй, – кивнул мне вслед Алексей Анатольевич, – и не забудь, что утром я тебя жду здесь. Трепетно и с нетерпением, как жених невесту.

«И явно с той же целью», – добавил про себя я, направляясь в свою комнату.

Вечер выдался на славу. С высокого и чистого, без единого облачка, неба ослепительно сверкало солнце, раскрашивая укрытый мягким ковром вялых листьев город мимолетной позолотой, отражающейся в бесчисленных, сверкающих настоящим золотом куполах. Этот вечер разительно отличался от типичного теплого вечера в Диптауне: здесь дул пронизывающий ледяной ветер с Невы, норовящий по-дружески скользнуть за отвороты моего плаща, а воздух был сырым и стуженым.

По брусчатке Дворцовой, не обращая внимания на холод и порывистый ветер, раскатывали роллеры в длинных рубашках навыпуск и черных защитных наколенниках на истертых джинсах, кто-то лениво бренчал на расстроенной гитаре, сидя на ступеньках воспетого Пушкиным Александрийского столба, девушки приветливо предлагали прохожим сфотографироваться верхом на угрюмо помахивающих хвостами лошадях или прокатиться в крашеной аляповатой краской карете с откидным верхом, белыми ободами и красными спицами. Я неторопливо вышел на Невский.

Лавируя меж прохожими, нищими, уличными музыкантами и ютящимися возле фасадов домов многочисленными художниками, я двигался к площади Восстания, стараясь окунуться, нырнуть и впитать в себя этот чудесный суетливый мир, открывающийся сейчас передо мной во всей своей ярмарочной красоте. Мы не замечаем этот мир, деловито проносясь мимо в стремительной машине такси или быстрым шагом преодолевая его, привычно торопясь по своим делам, мы не ценим его, глядя из распахнутого окна на заполненные людьми тротуары и зная, что сегодня, завтра, всегда – этот мир останется на своем месте, что он незыблем, и лишь иногда мы позволяем себе снизойти до мимолетного взгляда на

прислоненную к стене неприметную картину в дешевой деревянной рамке или быстрой улыбки в адрес ютящегося в подземном переходе бесприютного скрипача.

Мы начинаем ценить этот мир, лишь утратив его.

Не понимая, что он заслуживает любви гораздо больше, чем тот мир, куда мы стремимся, навсегда оставив за своей спиной настоящее солнце, настоящий ветер и настоящих прохожих на усыпанных настоящей осенней листвой мокрых тротуарах.

Я поднимался по лестнице своего дома, вдыхая уже ставший незнакомым запах подъезда, в котором я вырос, как это случается обычно после долгого отъезда. С установкой кодового замка на дверях парадной здесь практически перестало пахнуть бродячими кошками и общественным сортиром. Зато стало возможно почувствовать, что Антонина Михайловна, живущая этажом ниже, по-прежнему готовит свой излюбленный рыбный суп. Здравствуй, дом. Я вернулся.

Она сидела на подоконнике высокого, похожего на триумфальную арку окна, поставив ногу на батарею и допивая из горлышка остатки пива из темной и узкой бутылки. Именно такая, какой я ее знал. Только сейчас она выглядела гораздо моложе, чем там в Глубине.

– Привет, Дикси, – сказал я, доставая из кармана ключи.

Девушка удивленно посмотрела на меня, явно не ожидая этого добродушного приветствия. Естественно. Она никогда не видела меня настоящего… до сих пор.

– Значит, диски с ворованными базами данных и вправду продаются в каждом пиратском ларьке? – Улыбнулся я. – Надо купить. Штука, как я понимаю, полезная.

Она спрыгнула с подоконника и направилась в мою сторону, испытующе и с каким-то испугом заглядывая мне в глаза.

– Тебя долго не было, – произнесла наконец она.

А вот голос все тот же.

– У меня дела. Будем стоять на лестнице?

– Пригласишь? – Она наклонила голову набок.

– Если объяснишь, зачем ты сюда пришла. – Откликнулся я, отпирая дверь.

– Приглашение принято, – кивнула Дикси, ставя пустую бутылку на ступеньку, – меня зовут Света. Давай знакомиться заново, Влад?

06

– Ну почему ты мне не веришь? – Обиженно спросила она, ударив кулачком по заставленному чашками и блюдцами с яблочным джемом столу.

– Посуду переколотишь, – беззлобно отозвался я.

– Так тебе и надо. – Мне показалось, что она едва удержалась, чтобы не показать мне язык. – Ты не ответил на мой вопрос.

– Ну, хотя бы потому, что я привык относиться ко всему скептически, – пожал плечами я. – С чего я должен тебе доверять?

– А себе самому, своей интуиции ты доверяешь? – Продолжала наседать Света. – Пойми, мне нет резона говорить тебе о том, в чем я сама не уверена. А я уверена в одном: Глубина по какой-то одной ей ведомой причине не желает, чтобы ты возвращался в тот мир. Влад, что ты сделал ей такого? Ты сам-то это знаешь?

– Или что такого я ей не сделал, – чуть улыбнулся я, – бери печенье.

Боже, какой она еще ребенок! Готова сломя голову лезть в драку, если кто-то ненароком попытается оспорить ее мнение. С пеной у рта отстаивает теорию, от которой за версту веет обыкновенной научной фантастикой и приводит в ее защиту доводы, способные вызвать у любого здравомыслящего человека разве что приступ сочувственного смеха. Вчера, сидя рядом с нею за столиком погруженного в романтический полумрак «Звездного Неба», я был практически готов поверить ей.

Сегодня – уже нет.

Наверняка всему есть какое-то более простое и более рациональное объяснение.

Только вот вряд ли я смогу его найти. Хотя бы потому, что просто устал искать.

– Знаешь, я подумала… – Начала она, но неожиданно смолкла на полуслове, нервно вращая за узорчатые края фарфоровое блюдце с джемом, и неощутимо превращаясь в ту самую Дикси, в загадочную и хрупкую девушку из оставленного мною всего лишь несколько часов назад виртуального мира. Я уставился на ее руки, невольно опасаясь, что блюдце вот-вот исчезнет из-под тонких и быстрых пальцев. Но блюдце, как и следовало ожидать, осталось на месте. Я вздохнул с облегчением.

– Я подумала… Что тебе лучше было бы спросить у нее обо всем самому.

– У кого? – Тупо переспросил я.

– У Глубины… – Ответила она, уставившись куда-то в пол. –

Тебе она скажет.

– Дикси, с тобой все в порядке? – С тревогой в голосе поинтересовался я, невольно называя девушку тем самым именем, которым я нарек ее при нашей последней встрече.

– Со мной все хорошо, – улыбнулась в ответ она, – голова не болит, температуры нет. Дип-психозом не страдаю… Я пойду, Влад.

– Тебя проводить? – Поднялся со своего места я.

– Нет… не стоит. Я еще загляну к тебе… Когда-нибудь.

– Я сейчас живу… В другом месте. – Неохотно отозвался я, понимая, насколько неестественно звучат мои слова.

– Да? И когда же ты планируешь вернуться?

Хороший вопрос. Был бы на него ответ…

– Не знаю, – откликнулся я, понимая, что говорю чистую правду.

Поскольку сейчас я твердо знал лишь одно: назад, в тесную комнату со старым телевизором и продавленной раскладушкой, я уже не вернусь.

Уж лучше вся жизнь в бегах, чем еще несколько месяцев взаперти. Конечно, там остался Олег. Но он тут ни при чем, и к тому же он в относительной безопасности. Скорее всего, его рано или поздно отпустят.

А вот меня – вряд ли.

Я прекрасно осознавал, что долго прятаться у меня все равно не получится, и когда-нибудь меня так или иначе найдут. Ну и черт с ним. Будь что будет.

Закрыв за Дикси дверь, я направился в спальню и выгреб из ящика письменного стола остатки наличности. Не густо, но на первое время должно хватить. Вещи. Полки шкафа заметно поредели после недавнего нашествия Денисова, перетащившего часть хранившихся здесь шмоток в мое новое обиталище. Но и того, что осталось, было вполне достаточно для более или менее нормального существования. Остатки небогатого имущества перекочевали в пыльную спортивную сумку.

С сожалением бросив прощальный взгляд на сиротливо стоящий на столе компьютер, я погасил в квартире свет и вышел на лестничную площадку. На улице уже стемнело.

Из приоткрытых дверей клуба лился на тротуар яркий праздничный свет и доносилась тихая, чуть приглушенная музыка. Я шагнул внутрь, миновал узкий коридор, со стен которого пялились на меня отпечатанные на красочном глянце монстры, мускулистые парни с гранатометами на плечах и карикатурно добрыми лицами, мрачные демоны, разноцветные чужие, девушки с неестественно узкими талиями, пышными

формами и неподъемными мечами в руках, а также иные персонажи современных компьютерных игр, прошел мимо автомата, торгующего кока-колой, гостеприимно раскрывшего двери бара и вошел наконец в сердце этого заведения – игровой центр. За парой десятков установленных в небольших кабинках компьютеров сидели подростки от тринадцати до шестнадцати лет и самозабвенно резались в пять или шесть различных игрушек по локальной сети, остальные тинейджеры толпились рядом, подбадривая своих приятелей громкими возгласами и помогая им мудрыми советами, перемежающимися хлопками по плечу и толканием кулаками в спину. Игроки лишь устало отмахивались от назойливых болельщиков. В глубине зала я разглядел несколько машин, от системных блоков которых тянулись к виртуальным шлемам пользователей толстые жгуты проводов.

Выцелив взглядом системного администратора – белобрысого паренька лет восемнадцати на вид с толстой серебряной серьгой в ухе, я уверенным шагом направился к его фанерной конторке, украшенной не менее яркими и колоритными плакатами, чем те, что составляли дизайнерское оформление коридора. Как только я приблизился на расстояние прямой видимости, парень поднял глаза от установленного в глубине конторки компьютерного терминала и изобразил на лице крайнюю степень изумления. Похоже, визитеры моего возраста сегодняшней программой развлечений игрового клуба не предусматривались, настолько здесь привыкли обслуживать малолетних игроманов.

– Привет. – Сказал я, облокачиваясь о стойку, отчего та жалобно и сдавленно скрипнула, – Мне нужен анонимный доступ в Диптаун. На час.

– Свободных машин нет. – Мрачно отозвался администратор, смерив меня оценивающим и недоверчивым взглядом.

– Сколько это стоит?

– Я же сказал, машин нет, – неохотно откликнулся тот, – а вообще – двадцать семь рублей.

Что же, вполне по-божески.

– Для хорошего человека машина найдется всегда, – подмигнул ему я, – сколько ты сказал? Стольник?

Парень нервно заерзал на своем стуле и снова уставился в терминал. Я осторожно положил свернутую вчетверо купюру на стойку, и администратор, кажется, поймал мое движение боковым зрением.

– Двадцать вторая освободится через пятнадцать минут. – Неохотно произнес он. – Потусуйся пока в баре, я позову.

– Хорошо, земляк, – кивнул я, направляясь к выходу, –

спасибо.

– Эй! – Крикнул он мне вдогонку. – У нас нет костюмов твоего размера! Все заняты!

– Ничего, войду без костюма, – отозвался я. – В первый раз, что ли?

И администратор наконец сдался.

– Ладно. Только без криминала, понял? Развелось, блин, хакеров…

Я улыбнулся, махнул ему рукой и скрылся за дверью.

В баре народу оказалось значительно меньше, чем я предполагал. Несколько стаек подростков ютилась вокруг круглых полированных столиков в глубине зала, противоположный угол занимала компания ребят постарше. Совсем молодой бармен в темно-бардовом жилете и черно-белой крапчатой рубашке увлеченно читал «Магию ПК», облокотившись спиной о кассовый аппарат. Музыка, которую я слышал еще на улице, доносилась из укрепленных на стенах помещения небольших черных динамиков.

– Эй, пиво есть? – Поинтересовался я, постучав кулаком по жестяному боку высившейся передо мной доисторической кофеварки. Бармен неохотно оторвал глаза от журнала.

– Вообще-то сюда в основном школьники ходят, так что пиво старое.

– Меньше слов, больше дела. Наливай.

– Тебе какое?

– «Навигатор». Имеется?

Бармен посмотрел на меня с явно возросшим уважением.

– Имеется. Ноль пять?

– Да ладно, чего мелочиться… Цеди литр. – Подмигнул ему я и бросил на стойку несколько мятых купюр. Бармен зазвенел бутылками.

– Сортир в коридоре. – Заботливо предупредил он.

– Сервис! – Хохотнул я, забирая две полные, обильно пенящиеся кружки.

– К «навигатору» что-нибудь брать будете? – Поинтересовался парень, неожиданно переходя на «вы».

– Пиво не закусываю из принципа и тебе не советую. А к водке сегодня душа не лежит. – Охотно отозвался я.

Столик, за которым я решил разместиться, был чист, пиво оказалось вкусным, а музыка – приятной. На мгновение мне начало казаться, что все на самом деле хорошо, а беспокоящие меня проблемы – пусты и надуманы. Конечно, я прекрасно понимал, что виной этому стал поглощаемый мною «навигатор», однако ощущение было настолько реалистичным и приятным, что

я постарался хоть ненадолго задержать его в сознании.

– …ну, начали мы эту хрень ставить, и так, и сяк колупались, виснет, зараза на лицензионном соглашении. – Донеслось из-за соседнего столика. – Пришлось поднимать комп в три пальца. Форточки винтом пошуршали, вывалили «скандиск» и полчаса системник дрючили, а потом, блин, выскакивает окошко с перезагрузкой. Мы с дискетки из-под доса стартовали, а на харде – полный привет. Двести директорий с именами в шестнадцатеричном коде, в каждой по файлу, половины файла вообще нет. Кириллица хрен знает во что превратилась…

– Так это, значит, вы сервак конторы, что ту софтину писала, уронили?

– Не-а, это Толик, ну, Кластер, ты его знаешь. Толстый такой. Мы ему ящик пива выкатили… Он и порезвился.

Я улыбнулся, слушая болтовню сидящих неподалеку подростков. Молодость… Что с них возьмешь?

– А у нас, короче, один ламер недавно отвертку в лазерник уронил. Ну, звонит, и спрашивает: у меня тут, мол, какая-то полоса голимая по бумаге ползет, посмотри, что случилось… Так этот чайник неделю с отверткой документы печатал. Как принтер не загнулся, хрен его знает…

– Это все фигня. Тут одна ламерица с мамкиной работы жаловалась, что у нее дискетки в дисковод не пихаются. Я глянул, а у нее системник вверх ногами на полу стоит… Дискеты – ладно, а вот как она компакты в привод заталкивала?

Дружный хохот пацанов на мгновение заглушил доносящиеся из динамиков гитарные переливы старой баллады «отель калифорния». Может быть, права была Дикси? И эти невинные шутки малолетних оболтусов рано или поздно и впрямь перерастут в гражданскую войну?

Чепуха. Ничего не случится. И пареньки, повзрослев, найдут себе нормальную работу, женятся, остепенятся, и станут по вечерам заглядывать в Диптаун, помогая в свободное время своим сыновьям делать домашние задания по информатике. Я верю, что так и будет.

По крайней мере, мне очень хочется в это верить.

– Эй, хакер!

Это сисадмин призывно машет мне рукой у входа.

– Свободно!

Провожаемый направленными мне в спину заинтересованными взглядами молодежи за столиками и бармена за стойкой, я зашагал в игровой зал.

Выбрав для себя нечто среднее между колоритным грузчиком-тяжелоатлетом и болезненного вида мужичком в

неприметном сером костюме из имеющегося здесь скудного ассортимента стандартных личностей, я напялил на голову дешевый виртуальный шлем и привычно проверил разъем. Эх, не зря опытный бармен намекал мне насчет сортира, стоило бы заглянуть. Да вот не успел. Ладно, будем надеяться, что не опозоримся перед бесстрашными борцами с демонами и отважными победителями монстров. Пальцы охотно легли на податливую клавиатуру.

Deep.

Ввод.

07

Здравствуй, Глубина. Кажется, ты звала меня? Я пришел. Я вернулся к тебе, заранее зная, что ты примешь меня, как ты принимаешь всех, кто однажды по неосторожности попал в твои цепкие сети. И я рад, что это так. По крайней мере теперь я твердо знаю, зачем я пришел сюда. И я не уйду, пока не добьюсь своего.

Выход в Диптаун был организован прямо с сервера игрового клуба. Тоже мне, анонимность, – вычислить вошедшего в Глубину через местный гейт пользователя было делом нескольких минут. Однако иными возможностями я сейчас все равно не располагаю, так что хочу я этого, или нет, мне придется довольствоваться малым.

Белые, светящиеся изнутри стены, красный мрамор на полу, черный мрамор на потолке. Гладкие, блестящие мертвым восковым глянцем мраморные плиты явно взяты из какой-то коллекции бесплатных красивостей, рассчитанной на не слишком искушенных пространственных дизайнеров, не желающих или не умеющих создавать собственные трехмерные текстурные картинки. В последнее время такие коллекции во множестве расплодились в Глубине: многочисленные декоративные каменные плиты, кафель, светильники, колонны и даже поддерживающие пустоту атланты, не слишком аккуратно срисованные с гипсовых оригиналов, долго кочевали с сервера на сервер, периодически появляясь то на продающихся в местах торговли нелицензионным софтом компакт-дисках с «клипартом», то в качестве дополнительных бонусов к соответствующему программному обеспечению. Гулкое, пустынное здание, похожее изнутри на адскую смесь из музейной экспозиции, размещающейся в ухоженном дворце конца восемнадцатого века, и выставки скульпторов-авангардистов, приютившейся в исполненном в стиле индустриального модерна павильоне, производит странное впечатление. Похоже, сервер рисовали сами подростки, постоянные посетители игрового клуба. Причем рисовали увлеченно, с душой, в творческом азарте отпихивая приятелей от монитора и поочередно отбирая друг у друга мышку. Поддерживающие тускло освещенный свод колонны были с истинно юношеским максимализмом дополнены таким количеством лепных украшений, что те давно уже должны были упасть под действием собственного веса на голову незадачливому архитектору, готические стрельчатые окна с детской непосредственностью соседствовали с узкими пластиковыми

жалюзи. Тем не менее, что-то во всем этом определенно было. Красный мрамор на полу, черный мрамор на потолке. Ты идешь по этому черно-красному коридору, и желтоватый свет льется тебе под ноги из-за полупрозрачных стен, и звук твоих шагов пугливым эхом прячется за далекой колоннадой, и кажется, что весь мир перевернулся с ног на голову, а черный пол над твоей головой вот-вот стремительно рухнет вверх, оставив неразличимый на этом багровом граните след когда-то существовавшего человека…

Такси «дип-проводника» остановилось почти мгновенно, стоило только протянуть руку навстречу мчащемуся вдоль узких тротуаров плотному потоку машин. Опустошив свой расчетный счет, я откинулся на мягкое кожаное сиденье желтого «крайслера» и прикрыл глаза. Время есть, меня пока еще не ищут. И это хорошо, у меня определенно имеется фора в четыре-пять часов. В очередной раз воспользовавшись анонимным счетом в «Коверн-Лэйт Банк» и прокатившись на такси, я однозначно оставлю нежелательный след, но когда этот след обнаружат, будет уже слишком поздно. В любом случае, в первую очередь меня станут искать там, куда я направляюсь сейчас. Только бы я приехал вовремя… Только бы они оказались на месте…

Они оказались на месте. Лорд, смесясь и сдержанно жестикулируя, что-то увлеченно рассказывал Юлии, она улыбалась в ответ, ковыряя ложкой разноцветное мороженое в блестящем металлическом блюдце. Несколько посетителей о чем-то мирно беседовали с Гленом, протирающим вафельным полотенцем высокие хрустальный бокалы. Стараясь двигаться неторопливо и спокойно, я направился к столику моих старых знакомых.

– Привет, Эдгар, – бросил я, присаживаясь без приглашения на свободный стул.

– Здравствуйте, – поднял бровь он. Черт, у меня совсем вылетел из головы тот факт, что сейчас я вошел в Глубину не в своем стандартном теле, и потому был для окружающих неузнаваем. В этой суматохе можно упустить из виду еще и не такое…

– Вампиры не беспокоят? – Улыбнувшись, поинтересовался я. – А то устраним. Из полицейского револьвера, или посредством падающих балконов…

– Влад? – Изумился он. – Какими судьбами? Да еще в таком виде… Что-то случилось?

– Точно в цель. – Кивнул я. – Что-то определенно случилось. Приз – в студию! Эдик, мне нужна твоя помощь.

– Говори. – Он сразу стал необыкновенно серьезным и

собранным.

– У тебя есть хорошие знакомые в Петербурге? Такие, у которых можно было бы приютиться на несколько дней? Деньги пока есть, так что если нужно…

Лорд ненадолго задумался, постукивая тонкими длинными пальцами по блестящей полировке стола.

– Это настолько серьезно?

– Очень. – Кивнул я. – Эдик, прости, но у меня не слишком много времени… Мне неудобно тебя беспокоить, но… Ты можешь чем-нибудь помочь?

Он снова замолчал, пристально и изучающе глядя на меня.

– У меня есть знакомые в Петербурге… – Наконец произнес Лорд. – Я сам живу в Питере… Только вот…

– Ладно, я понимаю, – тяжело вздохнул я, поднимаясь на ноги, – еще раз извини за беспокойство. Не буду вам мешать.

– Пойми, если от решения твоих проблем зависит очень многое, я был бы рад помочь, однако… Есть определенные нюансы… – Эдгар с сожалением развел руками.

– Не стоит беспокойства, Эдик, – кивнул ему на прощание я, – от этого не так уж много и зависит. Всего лишь, возможно, моя жизнь.

Махнув рукой, я развернулся, направляясь к выходу.

– Влад! – Окрикнул меня Эдгар и поднялся из-за стола вслед за мной, легко опираясь на свою извечную трость. – Записывай адрес.

– Мальчики, а вы не будете возражать, если я тоже приеду? – Неожиданно подала голос Юля. Эдгар вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечами.

– Конечно, приезжай, – вздохнул Лорд, – ты же знаешь, что я всегда рад тебя видеть. Благо, в последнее время ты заглядываешь ко мне вне Глубины крайне редко…

Улицы были привычно полны людьми, куда-то торопящимися по своим делам и просто прогуливающимися вдоль стеклянных аквариумов огромных пестрых витрин. Я шел навстречу человеческому потоку, и мне казалось, что сквозь движущуюся массу тел иду лишь я один, что я бреду, едва касаясь ступнями зыбкого дна, через стремительное течение живой реки, наперекор бьющим наотмашь в лицо волнам, готовым смыть, подхватить меня своей неумолимой силой, закружить в быстротечном водовороте. Я шел им навстречу. Я заглядывал в лица. Кто-то приветливо улыбался мне в ответ, кто-то прятал глаза. И я искал чьи-то взгляды, пытаясь осознать, понять, почувствовать, живые ли они, есть ли в них то, чем дышит этот мир, то, благодаря чему под нарисованным небом все еще бьются нарисованные сердца,

способные радоваться и любить, грустить и ненавидеть, сердца, способные разбиваться на тысячи блестящих осколков, тускло мерцающих нарисованными звездами с ненастоящего неба.

Ты слишком часто убивала меня, Глубина, чтобы я мог поверить в реальность этих недостижимых звезд. Ты слишком часто убивала во мне меня, чтобы это смогло повториться вновь.

Я остановился на краю тротуара и, дождавшись, пока мимо промелькнет с десяток стремительных разноцветных легковушек, нашарил взглядом приближающийся с огромной скоростью грузовик, хищно сверкающий в вечернем полумраке лакированной сталью и серебристым хромом. Кто-то гнал большие массивы данных с одного сервера на другой – машина была неповоротливой и тяжелой, крытый брезентом шестиколесный прицеп едва не волочился брюхом по светло-серому асфальту под давлением неведомого мне груза. Пожалуй, такой не успеет затормозить, если неосторожный пешеход неожиданно вынырнет из толпы перед самым его носом.

Будем надеяться, что не успеет.

Когда до плоского, будто срезанного гигантским ножом рыла грузовика осталось каких-то несколько метров, я сделал шаг вперед. Пронзительно чихнула и зашипела встревоженной змеей гидравлика, заскрежетали заблокировавшие четыре пары колес мощные тормоза.

Поздно.

Глубокое, застывшее в бесконечном падении внутрь себя небо вспыхнуло миллионами ослепительных красок, свернувшихся в яркий, влекущий и затягивающий сознание водоворот. Мне показалось, что я уже слышу настойчивый шелест волн того бурного потока, который я пытался преодолеть всего лишь несколько секунд назад, растянувшихся теперь в вечность. В следующий миг калейдоскопическое небо свернулось в яркую точку, ослепившую меня. И я растворился в этой призрачной белизне, нырнул в нее с головой, в одно мгновение став ею.

А она стала мной.

Волны тихо разбивались о мокрый песок, податливо расступающийся под моей ногой, чайки с пронзительным плачем метались над волнами, едва касаясь крыльями белой пены на верхушках черных бурунов простирающейся за горизонт воды. Они камнем падали вниз и снова взмывали к небу, пахнущему свежестью и грозой, не в силах разбиться насмерть об острые, но зыбкие волны.

– Будет шторм, – сказал я, глядя на сгущающиеся вдали синие-черные облака, из-за которых уносились в бесконечность ровные лучи тонущего за краем земли солнца.

– Пусть будет, – отозвался тихий голос за моей спиной, и краем сознания я неожиданно ощутил чье-то теплое, отстраненное присутствие, охватывающее мой разум призрачной, туманной пеленой. – Ты правильно сделал, что пришел.

– Я хотел посмотреть на этот мираж, – пожал плечами я, – наверное, это один из самых красивых миражей, которые я видел в своей жизни.

– Весь наш мир соткан из миражей, – ответили торопливые волны, – из чужих миражей и твоих собственных грез, в которые ты сам так и не смог до конца поверить.

– Любые миражи рано или поздно рассеются, – осторожно возразил я, – они не могут существовать вечно.

– На их место придут другие, – улыбнулось предзакатное небо, – и так будет продолжаться всегда, до тех пор, пока есть те, для кого чужие миражи могут стать их собственной жизнью.

– Но ведь это неправильно, – упрямо произнес я, – такой мир не может не быть жестоким.

– Люди привыкли жить в миражах, – прошелестел ласкаемый волнами песок под ногами. – То, какими они будут, зависит лишь от самих людей. Не в чем упрекать твой собственный мир, глядя в одно из тысяч его отражений.

– Кажется, я понимаю тебя… – Кивнул я, бросив взгляд на показавшийся в узком просвете облаков золотистый солнечный диск. – Но это вряд ли способно что-то изменить.

– Да, – ответили чайки над волнами, – ты должен был понять. Теперь иди.

И солнечный свет расстелился вдоль границы прибоя жемчужной тропинкой, и я ступил на него, не боясь коснуться этих янтарных лучей, и красный мрамор закатного неба над головой готов был опрокинуться на черный мрамор беспокойного моря далеко внизу.

Я шел по улице Первых Дизайнеров, огибая фасад красивого, стилизованного под старину здания, на первом этаже которого некогда располагался офис фирмы «Нетлан», я двигался по пустынному тротуару, касаясь рукой стен обступивших его домов, и асфальт послушно стелился передо мной, а дома не пугались этого легкого и мимолетного прикосновения. Я шел по улице Первых Дизайнеров единственный и последний раз в своей жизни, навсегда унося ее с собой.

Набрав номер, я вдавил до упора кнопку вызова абонента. Пейджер замигал красной лампочкой соединения, дожидаясь, пока человек, который должен был ответить на мой звонок, получит сигнал о том, что кто-то разыскивает его по сети. Наконец мерцающий красный свет сменился ровным зеленым.

«На связи» – возникла на экране короткая надпись. «Жду вас на площади Грейс Хоппер возле памятника через двадцать минут» – набрал я на портативной клавиатуре ответ. Пейджер долго молчал. «Для меня удобнее через полтора часа» – появилась наконец реплика моего невидимого собеседника. «Через двадцать минут», – снова отстучал я и отключил связь.

Купив в ближайшем супермаркете большой бумажный конверт, я бросил в него извлеченную из кармана ярко-красную пластмассовую дискету, и, надписав адрес, опустил письмо в расположенный возле выхода из магазина металлический почтовый ящик. Теперь оставалось только ждать.

Он появился в привычном сером деловом костюме с небольшим кожаным дипломатом в руках. Остановившись возле гранитного пьедестала, на котором высилась бронзовая фигура некогда знаменитой и безусловно талантливой программистки, чьим именем была названа эта площадь, он стал настороженно озираться по сторонам, время от времени украдкой поглядывая на часы.

– Сегодня без «кока-колы»? – Поинтересовался я, приближаясь к нему из-за постамента и протягивая руку для приветствия. При звуке моего голоса он слегка вздрогнул и резко повернулся в мою сторону.

– Вас совершенно невозможно узнать в этом теле. – Произнес в ответ он. – Здравствуйте… дайвер.

– Здравствуйте, мистер Спайлз. – Отозвался я. Вот теперь Роберт вздрогнул уже по-настоящему. Дежурная, но вполне приветливая улыбка исчезла с его лица, и я почти физически почувствовал его напряжение, проступившее за напускным внешним спокойствием. Один ноль в мою пользу. Я знаю его настоящее имя. Он мое – нет.

– Зачем вы назначили встречу, дайвер? – Сухо поинтересовался он, вроде бы с безразличием, но внимательно и встревожено обводя цепким взглядом окрестности. – Вам что-то удалось узнать?

– Да, – улыбаясь, сказал я, – но боюсь, что вы, равно как и ваши конкуренты, тянули пустышку. Не беспокойтесь, Роберт, сейчас за нами никто не следит.

– Вот как? – Он снова смерил меня холодным оценивающим взглядом. – Право же, дайвер, я поражаюсь вашим способностям. Честно говоря, я совершенно не верил в то, что вы сможете что-то выяснить.

– Как приятно сознавать, что вы ошибались, – ухмыльнулся я в ответ, и, достав из кармана другую дискету, протянул ему. – Посмотрите, это весьма познавательно. Однако хочу сразу

предупредить, что копию этого диска я уже отправил вашим коллегам, с которыми вы столь усердно и самоотверженно сражались за пустоту и фантом. Надеюсь, это устранит все недоразумения.

С минуту Роберт Спайлз вертел дискету в руках, по-видимому, не только перекачивая хранящиеся там файлы на свой рабочий компьютер, но и прямо на ходу пытаясь оценить ценность их содержимого.

– Что же, спасибо, дайвер, – ответил наконец он, – вам, похоже, действительно удалось наткнуться на весьма любопытный феномен. Только, боюсь, он немного не по моей части.

– Продайте эти данные кому-нибудь из голливудских режиссеров, – посоветовал я, – они страшно любят подобные штучки. Кажется, между нами была какая-то договоренность?

Несколько мгновений Спайлз пристально смотрел мне в глаза. Затем, неохотно кивнув, он потянулся к внутреннему карману пиджака, извлек оттуда массивный золотой «паркер», что-то быстро нацарапал в небольшом светло-зеленом блокноте и, оторвав верхний листок, протянул его мне.

– Что же, будем играть честно, – натянуто улыбнулся он, – это чек на пятьсот тысяч за проделанную вами работу. Удачи вам в ваших начинаниях, дайвер.

С этими словами он сдержанно кивнул мне головой и зашагал прочь. Повертев несуществующий чек в руках, я с интересом заглянул на испещренный мелким зеленоватым узором бланк. Поле с указанием реквизитов получателя осталось пустым – Роберт не знал номера моего счета. Аккуратно заполнив недостающие графы чека, я сложил его пополам, и, разорвав на мелкие клочки, выбросил их в ближайшую урну – теперь необходимости в этом документе не было: узнав данные получателя, банковский компьютер уже отправил требуемую сумму на мой счет. Больше меня здесь ничего не держало.

Закрыв глаза, я мысленно досчитал до трех и торопливо выдернул тянущийся к моему виртуальному шлему шнур из разъема. Компьютер протестующе заверещал.

– Соединение оборвалось, – пояснил я испуганно подбежавшему ко мне администратору. – Еще раз спасибо, парень.

Я поднялся из-за столика, положил шлем рядом с клавиатурой и, размяв затекшие суставы, поспешил сделать то, о чем мечтал на протяжении всего сеанса моего пребывания в Глубине. Почки работали вполне исправно, а «Навигатор», несмотря на уверения бармена, оказался очень даже неплохим.

Спустя несколько минут я толкнул стеклянные двери игрового клуба и вышел в холодную и промозглую питерскую ночь.

08

Такси остановилось в центре полностью погруженного в темноту двора где-то на окраине Купчино. Рассчитавшись с водителем, я окинул взглядом тоскливо тянущуюся вдоль усаженного уже совсем облетевшими деревьями газона восьмиэтажную бетонную «коробку» и принялся последовательно обходить парадные, выискивая среди указанных над дверьми табличек номер нужной мне квартиры. Требуемый подъезд оказался третьим по счету.

На лестнице было еще темнее, чем во дворе, чтобы нащупать кнопку вызова лифта, я вынужден был подсветить себе зажигалкой. Задребезжали шаткие двери, и тесная, закопченная и разрисованная небрежным граффити кабинка осветилась изнутри тусклой желтоватой лампой. Я нажал продавленную кнопку четвертого этажа, лифт, пронзительно взвизгнув мотором, затрещал наматываемым на скрытый где-то высоко над головой вал металлическим тросом.

Дверь квартиры, в которой обитал Лорд, была обита продранным в нескольких местах дешевым дерматином, на поверхности которого фломастером был неаккуратно выведен ее номер. Я с любопытством взглянул на расшатанный и надтреснутый звонок: как-то уж слишком не вязалась вся эта резко бросающаяся в глаза запущенность с образом педантичного, аккуратного, вечно подтянутого и утонченно-интеллигентного Эдгара, знакомого мне в Глубине. Это показалось мне странным и настораживающим. А если вспомнить, с какой неохотой Эдик оставил мне свой адрес и то очевидное усилие, с которым он высказал приглашение приехать… Наверное, мне не стоило навязываться в гости, не стоило просить его о помощи – кто знает, какие проблемы окружают каждого из нас за яркой и ярморочно-праздничной пеленой дип-программы? Что поджидает нас за порогом выдуманного нами самими мира, где все мы так или иначе становимся немного богами? Тесные квартиры, в кухнях которых невозможно развернуться двоим обитателям этой крошечной бетонной клетки, шумные и беспокойные дети, больные родители… Мало ли что могло заставить Эдгара сделать одним из основных жизненных принципов привычку не принимать у себя гостей?

Однако отступать было уже поздно. Я обещал приехать и теперь меня ждут. В любом случае, никогда не поздно извиниться и ускользнуть под благовидным предлогом, избавив хозяина от своего нежелательного общества. Переночую в парке на скамейке,

ничего страшного. Зато потом меня не будет мучить совесть за то, что влез со своими проблемами в чью-то размеренную и спокойную жизнь… Глубоко вздохнув, я нажал кнопку звонка, с той стороны отчетливо донеслась мелодичная и протяжно-грустная трель.

Мне долго никто не открывал. Я уже собрался было развернуться и уйти прочь, как в тишине лестничной площадки раздался резкий щелчок отпираемого замка. Дверь распахнулась.

– Проходи, – чуть посторонившись, сказал Эдгар, пропуская меня в заваленный какими-то коробками, ящиками с обувью, тюками и уж совсем неопределенным хламом тесный коридор.

Эдик, Эдик… Ты мог бы сказать. Ты мог хотя бы намекнуть на то, что виртуальность и вправду является для тебя единственным по-настоящему существующим миром, в котором ты можешь просто жить, быть таким, каким ты хочешь и должен быть, миром, в котором тебе открыто и доступно все, миром, навсегда заменившим тебе реальность. Хотя, как ты смог бы объяснить, что Глубина и есть то единственное место, где ты можешь просто выпить бокал хорошего вина, прогуляться вдоль ограды заросшего зеленью кладбища и пообщаться с теми, чье общество приятно и интересно тебе, иными словами, сделать то, что недоступно тебе здесь? А мне, наверное, следовало бы просто догадаться…

– Закрой дверь, – попросил Лорд, – и, если тебе не трудно, лучше помолчи. Обычно у людей, с которыми мне приходится общаться в реальности, есть одно неприятное свойство: что бы они ни говорили, в их голосе все равно ощущается сочувствие и какая-то подспудная радость о том, что их в этой жизни не угораздило вот так… Как меня… Как бы они это ни пытались скрыть.

– Спасибо, Эдгар. – Тихо произнес я.

– За что? – Поднял бровь он.

– За то, что согласился помочь. Это дорого стоит.

– Пустое, – отмахнулся Лорд. – Пошли в комнату, здесь сквозняк.

Тяжело опираясь на короткую трость, он заковылял впереди, показывая мне дорогу, я зашагал следом.

Комната была крошечной, чистой и опрятной, за белоснежным тюлем, скрывающим черное ночное окно, угадывались живые цветы. Рядом, на небольшом, но удобном столе покоился работающий компьютер, чуть в стороне поблескивал пластиковым боком подключенный к дип-карте машины виртуальный шлем. Эдгар входил в Глубину без виртуального костюма, по всей видимости, именно этим и

объяснялась подмеченная мною ранее хрупкость, скованность его движений. Ничего иного ему, впрочем, не оставалось. Не научилась еще западная промышленность выпускать костюмы, рассчитанные на тело восьмилетнего ребенка, поскольку производители по каким-то одним им ведомым причинам установили нижний возрастной порог для обитателей Глубины в десять лет. То, что на свет изредка рождаются люди, которым вполне подходит шлем стандартного размера, но не годится стандартная одежда, промышленностью, увы, предусмотрено не было.

На диване, поджав под себя ноги, сидела Юля.

– Привет, – кивнул ей я и она улыбнулась в ответ.

– Присаживайся, – кивнул Эдгар в сторону дивана, – тебе чаю или кофе?

– Не стоит, Эдик, мне неудобно злоупотреблять твоим гостеприимством… – Смущенно отозвался я, – Я никому здесь не помешаю?

– Значит, кофе. – Кивнул Эдгар. – Никому ты не помешаешь. Я живу один. Удалось год назад добыть эту квартиру… по инвалидности. Родители помогли. Сейчас поставлю чайник, а ты рассказывай.

– Собственно, рассказ, наверное, будет звучать со стороны как минимум странно… – Осторожно произнес я., внутренне приготовившись к долгому и трудному разговору. – По-видимому, мне все же следует начать с небольшого предисловия… Я до сих пор так и не разобрался до конца, что же произошло на самом деле. И, честно говоря, до сих пор не верю в то, что миллионы подключенных к сети компьютеров могут обрести собственный разум. Наверное, Глубина просто повзрослела. Стала собой – настоящим миром, который мы так желали и стремились создать… А каждым поистине настоящим миром управляют собственные законы, многие из которых нам пока еще просто неизвестны. Представьте себе средневековый поселок, жители которого твердо уверены, что где-то за лесом есть заколдованное и проклятое место, куда по ночам слетаются ведьмы жечь свои колдовские костры, а случайно забредший туда путник неизменно умрет спустя какое-то время в страшных и необъяснимых мучениях. С точки зрения современной истории такая легенда выглядела бы смешной и наивной, если упустить из виду тот факт, что в двадцатом веке исследователи неожиданно обнаруживают под грунтом «проклятого места» залежи урановой руды… И легенда перестает пугать нас только потому, что мы знаем, что такое радиация и можем объяснить древнее предание. Никому не известно, какие знания неподвластны нам сейчас…

Одна чашка кофе сменялась другой, за окнами посерело, а я продолжал свой рассказ. Юля и Эдгар напряженно слушали, лишь изредка перебивая меня краткими возгласами или вопросами. Наконец, я перевел дыхание и смолк.

– Что ты собираешься теперь делать? – Спросил Лорд, задумчиво теребя в руках пустую сигаретную пачку.

– Не знаю, – развел руками я, – еще не решил.

– Трудно уйти от собственной судьбы, – вздохнул Эдгар, поднимая на меня взгляд, – еще труднее уйти от самого себя. Никогда не знаешь, куда ты в итоге придешь.

– Что ты имеешь в виду? – Переспросил я, раскуривая последнюю оставшуюся у меня сегодня сигарету.

– Ты очень точно подметил, что слишком многое нам неизвестно не только о виртуальности, которая появилась на свет не так давно и еще не успела толком встать на ноги и расправить плечи, но даже и о том мире, куда мы возвращаемся, отключив компьютер и отправляясь на кухню готовить ужин. Я много думал об этом… Ты знаком с современной физикой?

– Немного. – Кивнул я.

– Помнишь, из чего состоит материя?

– Из молекул, – улыбнулся я, – которые в свою очередь состоят из атомов…Это известно каждому школьнику, Эдик.

– …которые в свою очередь состоят из электронов и ядра, – подхватил Эдгар, – которое, расщепляясь, превращается в еще более мелкие частицы… Что такое электрон, Влад?

– Электромагнитная волна, поскольку для нее справедливы свойства дифракции и интерференции… – Не задумываясь, отбарабанил я, все еще не понимая, к чему он клонит.

– А частицы, из которых состоит атомное ядро?

– Тоже электромагнитное излучение… Постой… Ты хочешь сказать, что…

Лорд медленно кивнул.

– Весь наш мир – пустота, мой друг. Пустота, пронизанная миллиардами электромагнитных волн разных частот, волн, несущих в себе информацию, волн, которые субъективно воспринимаются другой пустотой по имени Влад, как письменный стол, компьютер, бутерброд с сыром или любимая девушка… Об этом говорит любой учебник физики. Говорит подтекстом, между строк, передавая это знание в виде набора разрозненных фактов. Только лишь потому, что никому до сих пор не хватало смелости заявить об этом открытым текстом. Слишком уж это страшно…

Неужели он прав?

Нет, не может быть… Но…

– Выныривая из одной Глубины, Влад, ты всего-навсего попадаешь в другую. – Тихо, словно общаясь с напуганным и растерявшимся ребенком, сказал Эдгар, – вот только где ты окажешься, вынырнув из второй Глубины, из той, в которой ты родился и вырос?..

Несколько минут в комнате висела мрачная, тяжелая тишина.

Затем я медленно поднялся на ноги.

– Я пойду, Эдик. – Произнес я. – И… спасибо тебе.

– Куда ты собрался идти? – Подала наконец голос Юля.

– Навстречу самому себе, – улыбнулся в ответ я, – навстречу человеку, спрятаться от которого у меня все равно не получится.

– Я провожу тебя, – сказала Юля, – иначе ты заблудишься в наших дворах.

Я улыбнулся.

– Заходи, Влад, – добавил Эдгар, – я буду рад снова тебя видеть.

09

С неба лениво сыпался снег и таял, не долетая до земли – первый снег в этом году. Мы шли молча, втаптывая раскисшие кленовые листья в блеклую муть разлившихся по асфальту луж.

– Это случилось чуть больше года назад, там, в Глубине… – Неожиданно начала она, отшвыривая ногой в сторону попавшийся на пути камушек, – просто было чудовищно скучно, я устала после работы, зашла в это кафе и присела к нему за столик…

Я не перебивал. Пасмурное, неохотно расстающееся с ночной темнотой небо закапало мелким холодным дождем, потом, словно передумав, дохнуло пахнущим прелой листвой и мокрой землей ветром. Снова пошел снег.

– Мы около получаса проболтали буквально ни о чем, он показался мне очень интересным человеком. – Продолжала Юля. – Эдик заочно получил высшее образование, он действительно талантливый программист, Влад, а я тогда занималась пространственным дизайном… Нам было о чем поговорить. Потом нахлынули дела, я закрутилась и почти не вспоминала об этой встрече. Только спустя несколько дней, когда снова стало грустно и одиноко, я опять пришла в этот бар и встретила там его. Мы стали видеться чаще, он оказался веселым и обаятельным парнем, и мне было ужасно приятно и интересно проводить с ним время…Мы смеялись, шутили, разговаривали о литературе, музыке, философии и истории, у нас появились общие, только одним нам понятные темы для бесед… Через несколько недель я вдруг обнаружила, что думаю о нем, что мне чего-то не хватает, когда я сижу на работе или еду домой, что каждую минуту мне подсознательно хочется бросить все к черту и бежать туда, чтобы снова услышать его голос, увидеть его улыбку… Это стало какой-то манией, наркотиком, от которого я впала в стойкую и сладкую зависимость… Знаешь, я никогда раньше не верила в то, что один человек может настолько привязаться к другому там, в Глубине, и всегда смеялась над теми, кто утверждал обратное. И вот попалась в эти сети, ощутила это наваждение сама… Жизнь покатилась в какую-то пропасть: я стала задерживаться на работе, появляться там по выходным, только для того, чтобы снова придти к нему. Тогда я заканчивала институт – и едва не завалила сессию…

Мокрое солнце на мгновение выглянуло из-за плотной пелены облаков и снова кануло в укрывшее небо призрачное грязно-серое марево. Начинался новый день, и хлопья снега

ложились нам на плечи, прятались в ее волосах, превращаясь в капли воды, струящиеся по ее щекам.

– Я не могла даже предположить, что такое возможно, Влад. Это было каким-то безумием, мороком, фантастическим вихрем чувств, эмоций, ощущений, увлекшим меня сказочным ураганом, и подарившим мне все краски жизни, на которые, пожалуй, не был способен реальный мир. Я полюбила Глубину, оставив там свое сердце… Это было настолько ярко и красиво, что реальность понемногу стала мне неинтересна, она начала казаться мне серой и постылой, лишенной даже намека на привлекательность и ту насыщенность настоящей, полнокровной жизнью, которую я впервые испытала там… Ты когда-нибудь чувствовал что-либо подобное, Влад?

– Нет. – Отозвался я.

– Потом… – Через какое-то мгновение снова заговорила она. – Потом я неожиданно поняла, что уже просто не могу существовать без него. И я видела, что он тоже привязался ко мне, что ему хорошо, когда я рядом, что он тоже скучает и переживает, кода мы не видимся долго. В тот день мы гуляли вместе по городу, он предложил заглянуть в дисней-парк, ты знаешь это место, виртуальный диснейленд, куда толпами возят впервые оказавшихся в Глубине туристов… Мы катались на аттракционах, и тогда он впервые обнял меня… У меня по-настоящему закружилась голова, наверное, оттого, что карусели в этом парке слишком хорошо нарисованы… Мы присели на скамейку и я поцеловала его… Это невозможно описать словами, Влад. Этот поцелуй я запомнила на всю жизнь, словно все происходило в первый раз… Мы снова гуляли и мне не хотелось уходить из Глубины. Мы расстались, только когда сработал мой таймер. На следующий день я плюнула на работу, плюнула на недописанный диплом и снова бросилась в виртуальность. Но я не настолько сошла с ума, чтобы не понимать, что отношения в Глубине навсегда обречены остаться лишь виртуальным романом, романом, который не сможет найти выхода за пределы этого тесного мира. Когда я узнала, что мы живем в одном городе, я предложила ему встретиться. И он замкнулся в себе. Стал избегать общения, а когда нам все же удавалось увидеться, он вел себя так, словно мы чужие друг другу люди, отвечая на мои слова лишь односложными и ничего не значащими фразами. Мы болтали о какой-то ерунде, даже не помню о чем, или просто молчали, слушая музыку и глотая вино… Я не могла понять, что между нами произошло, что оттолкнуло его, чем я могла разрушить наши отношения… Я оставила ему свой телефон и попросила позвонить, в надежде, что мы сможем сказать друг

другу то, что не в состоянии сказать, когда мы рядом. Я весь вечер сидела рядом с телефоном, тысячи раз проигрывала в уме предстоящий разговор, думала, как объясню ему, что просто хочу быть рядом… Но звонка не последовало. И на следующий день. И через день – тоже. Ты представить себе не можешь, что тогда творилось со мной…

Я молчал. Юля посмотрела в пасмурное небо, поймала рукой крутящуюся в воздухе снежинку, разжала ладонь – и крошечный кусочек осеннего неба исчез без следа, растаяв в ее пальцах призрачным наваждением.

– Я готова была расколотить компьютер, стереть к черту дип-программу и больше никогда не входить в Глубину. Я не могла заснуть, стала нервной и дерганой, заводилась с пол-оборота и ругалась с окружающими по пустякам… Мне казалось, что все кончено и назад пути уже нет. Но на четвертый день я не выдержала, бросилась в Диптаун, пришла в бар и нашла его там… Я просто была счастлива снова увидеть его… И тогда… Он признался мне… Но было уже поздно, я любила этот виртуальный образ, этого человека, которого не существует в реальности… Полюбила – там, в Глубине, но не смогла перенести это чувство сюда. Мы встречаемся в виртуальности до сих пор, ты знаешь… Почти всегда – в виртуальности. И я по-прежнему живу, каждую минуту разрываясь между тем миром и этим.

– Метро, – кратко сказал я, когда впереди показался приземистый купол станции.

– Да, тебе нужно идти… Удачи, Влад. – Ответила она. – Извини меня за то, что я тебе тут наговорила.

– Все в порядке, Юля. – Отозвался я. – Счастья тебе. Даст Бог, еще увидимся.

– Ты знаешь, где меня найти, – кивнула в ответ она, – пока.

Я махнул ей рукой на прощанье и шагнул навстречу хлещущему из стеклянных дверей теплому ветру подземки.

Ты жестока, Глубина. Ты жестока к тем, кто открывает тебе свою душу и дарит тебе свою жизнь. Жестокий нарисованный мир обыкновенных нарисованных людей. Слишком реальный, чтобы быть сказкой.

0A

Снег валил вовсю, быстро темнело, и на Невском уже зажглись яркие огни реклам. Несмотря на холод, я стоял на балконе в одной футболке, роняя сигаретный пепел в притаившуюся внизу пустоту.

– Спайлза все-таки вышвырнули из страны, – сказал за моей спиной Олегатор, кутающийся в пушистый махровый свитер. Он замерз, но все равно терпеливо стоял в дверях, и из его чашки обильно валил в комнату пряный кофейный пар. – Повез в Штаты разбирать твой подарочек… друг американской разведки.

– Спайлз получил то, что хотел получить, – пожал плечами я, – им этого дерьма теперь хватит надолго.

– Ты все сделал правильно, – улыбнулся Олег, – и, к слову, Денисов просил тебе передать, что их предложение все еще остается в силе.

– Ты же знаешь мой ответ. – Сказал я, и выбросив догоревшую сигарету в темноту, вошел в квартиру, закрывая за собой дверь. – Не стой на сквозняке, воспаление подхватишь.

– У меня антивирус есть, – ухмыльнулся хакер, доставая из кармана пластмассовый цилиндрик быстрорастворимого аспирина, – хорошее средство, между прочим: стакан «упсы», стакан водки.

– Без «упсы» обойдешься, – шутливо огрызнулся я, – наливай.

Олег потянулся к бутылке.

– Сам-то не жалеешь? – Поинтересовался я, принимая из его рук свой стакан.

– Не-а, – замотал головой Олегатор, – не о чем жалеть, старик. Деньги неплохие, проезд бесплатный, скидки на оплату квартиры… Да и работа спокойная, никакой тебе суматохи.

– И как же мне к тебе теперь обращаться? – Улыбнувшись, поинтересовался я. – По имени-отчеству, или сразу по званию?

– Иди ты в жопу, дайвер, – плюнул в сторону он, – твое здоровье.

Я поднял свою порцию терпко пахнущего спиртом напитка и взглянул сквозь граненое стекло на тускло мерцающий горящей лампочкой питания компьютер. На темно-синем экране монитора застыла крошечная белая фигурка падающего в бесконечность человека.

Я заглянул сквозь прочное, навсегда разделяющее две реальности стекло в оставленный мною мир, подаривший нам свободу и радость, боль и страдание, обиды и наслаждение, ненависть и любовь.

Я заглянул в Глубину.
Чтобы больше уже никогда туда не вернуться.

Ноябрь 2000 г., Санкт-Петербург